ТРОЦКИЙ
и
Кабакчиев

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Е Н 171
0978

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Л. ТРОЦКИЙ и Х. КАБАКЧИЕВ

ЕН171
О978

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА.—ПЕТРОГРАД.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8.

Антанта и Врангель. Сборник статей. Вып. I. 1923 г. Стр. 271. Ц. 75 к.

Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 175. Ц. 75 к.

Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. 1922 г. Стр. 471. Ц. 2 р. 25 к.

Его же. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. II. 1923 г. Стр. 518. Ц. 2 р. 25 к.

IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции. 1923 г. Стр. 427.

Зиновьев, Г. Об антисоветских партиях и течениях. 1922 г. Стр. 55. Ц. 20 к.

Его же. Коминтерн за работой. Проекты проблем Коминтерна и его секции. Изд. 2-е. 1923 г. Стр. 295. Ц. 50 к.

Его же. Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и партия. 1923 г. Стр. 95.

Гуль, Р. Ледяной поход (с Корниловым). Предисловие Н. Л. Мещерякова. 1923 г. Стр. 164. Ц. 50 к.

Игельстром, В. Очерки современной Финляндии. 1923 г. Стр. 79. Ц. 20 к.

Иоффе, А. А. От Генуи до Гааги. Сборник статей. 1922 г. Стр. 43. Ц. 15 к.

Каменев, Л. Б. Меньшевики в первой русской революции. 1923 г. Стр. 95. Ц. 20 к.

Кейнс, Д. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. 1922 г. Стр. 197. Ц. 70 к.

Его же. Пересмотр мирного договора (продолж. Экономич. послед. Верс. мирн. договора). 1922 г. Стр. 144. Ц. 70 к.

Курлов, П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 296. Ц. 75 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) Статьи. Странички из дневника. Как нам нужно реорганизовать рабкрин. 1923 г. Стр. 92.

Его же. Пролетарская революция и ренегат Каутский. 1923 г. Стр. 106. Ц. 25 к.

Ледер, Ц. Наступление капитала и единый пролетарский фронт. Стр. 68.

Лозовский, А. Рабочая Франция. (Заметки и впечатления.) 1923 г. Стр. 139. Ц. 25 к.

Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу „Воспомин.“ гр. С. Ю. Витте. С предисл. М. Н. Покровского. 1923 г. Стр. 98).

Его же. Задачи Коминтерна в профдвижении. 1923 г. Стр. 104. Ц. 25 к.

Луначарский, А. В. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. 1922 г. Стр. 81. Ц. 20 к.

Молотов, В. На шестой год. К итогам и перспективам партийной работы. 1923 г. Стр. 40.

Носке, Г. Записки о германской революции. (От восстания в Киле до заговора Каппа.) 1922 г. Стр. 176. Ц. 60 к.

Л. ТРОЦКИЙ и Х. КАБАКЧИЕВ

Е4 171
0 978

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

1243

К.

ЕН171
О 978

Институт
№ 1596
БИБЛ
1062940
СФ 12169
3093/30 01.

Гиз. № 4486. Главлит. № 8243. Москва. Напеч. 15.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образц. тип., Пятн., 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие VII

В. Коларов. «Переворот в Болгарии» 1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Балканские страны и социализм. 9

Загадка болгарской демократии. 19

В запоздалой стране. 19

Болгарский парламентаризм. 24

Демократия и абсолютизм. 25

Организаторы катастрофы. 28

Кризис Болгарии. 35

БОЛГАРИЯ В БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Перед событиями 47

Первые впечатления 47

Политические цели войны. 53

Около Киркилиссе 58

Взятие Лозенграда. 58

«Довольно побед» 62

После Киркилиссе. 64

Изнанка победы. 68

Два потока. 68

У пленных офицеров. 73

К диалектике событий. 77

Стр.

Похмелье 78
Длинный месяц. 78
Дома. 80
В новых провинциях. 83

Армия победителей. 86

Преступления шовинизма и демократия 92
Болгарская пресса. 92
Военная цензура. 95
Ответ П. Тодорову. 100
Четничество и война 107

БОЛГАРИЯ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1912—1922).

(Очерк Х. Кабакчиева)

Введение 119

Балканская война 127
Политическая и дипломатическая подготовка войны. . . 127
Балканский Союз и Россия. 132
Партии и война. 135
От победы к поражению. 138

Империалистическая война 142
На поводу у Германии. 142
Сплочение буржуазных партий. 144
Борьба «тесных» социалистов против войны. 147
Вторая национальная катастрофа. 150

После империалистической войны 155
Под режимом буржуазной «демократии». 155
Экономическая разруха и кризис. 159
Финансовый банкрот. 161
Растущая дороговизна и бедствия масс. 162
Буржуазные партии и земледельческое правительство. . 162
Коммунистическая партия. 164
Влияние русской революции в Болгарии и на Балканах. . 167
Балканская Коммунистическая Федерация. 169

О РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ В БОЛГАРИИ.

(Очерк Х. Кабакчиева).

Стр.

Введение. 175

Тактика единого фронта в Болгарии. 177

Земледельческий союз и отношение к нему Коммунистической партии. 180

Рабоче-Крестьянское правительство 185

Резолюция Партийного Совета о Рабоче-Крестьянском правительстве. 200

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Карта Болгарии (в границах установленных Нейльским договором).
2. Карта границ Болгарии с 1878 г. по 1923 г.

Настоящая книга составилась из статей, писанных мною в 1912—1913 г.г. [1]) из Болгарии и о Болгарии. За эти годы Болгария прошла через несколько этапов: в 1908 г. она «несвоевременно», как обвиняла ее патриотическая русская печать, провозгласила свою полную независимость от Турции. В 1912 г. она, вместе с тремя балканскими союзниками, открыла войну против Турции. После больших побед, чрезвычайно расширивших ее территорию, Болгария сама стала объектом нападения со стороны Румынии, Греции и Сербии и потеряла большую часть своих завоеваний. В европейской войне Болгария искала реванша на стороне центральных империй, вместе с ними прошла через полосу головокружительных успехов, а затем первой вышла из строя и претерпела полный разгром. В результате всех этих событий, старые правящие партии Болгарии вышли в тираж. Их шефы, привычные люди в министерствах старой России и довоенной Европы, ныне в большинстве сидят в тюрьме. Единственной буржуазной группировкой, которая еще способна поддерживать видимость государственного существования Болгарии, является крестьянская партия, возглавляемая Стамболийским. Однако само правительство Стамболийского держится выжидательной политикой коммунистической партии, единственной действительно дееспособной политической организации в этой обобранной и придавленной стране. Выжидательная политика болгарских коммунистов определяется, в свою очередь, не внутренними соображениями, а международными: рабочая партия Болгарии достаточно сильна, чтобы овладеть властью, но положение на Балканах и в остальной Европе было за эти годы не таково, чтобы

---

[1]) Статья «Балканские страны и социализм» написана в 1910 г.

можно было рассчитывать на удержание власти в случае вмешательства вооруженных соседей. А такое вмешательство неизбежно.

При первом же повороте в дальнейшем политическом развитии Европы, а этот поворот, и очень резкий, неизбежно наступит вслед за близким, надо надеяться, крушением победоносного ныне в Европе пуанкаризма и фашизма,—болгарскому рабочему классу суждено сыграть инициативную революционную роль на юго-востоке Европы. Уже это одно делает необходимым знакомство с внутренними отношениями Болгарии.

Статьи мои характеризуют преимущественно вчерашний день. Я обратился поэтому к т. Христо Кабакчиеву, одному из старейших болгарских марксистов и вождей коммунистической партии, с просьбой дать краткий политический очерк сегодняшней Болгарии. Думаю, что читатели будут вместе со мной признательны т. Кабакчиеву за его ценный вклад в эту книгу.

Читателям, которые недостаточно знакомы с фактической историей болгарской политики за последние десять лет, следовало бы начать чтение этой книжки с первого очерка т. Кабакчиева.

Некоторые из статей книги появились в заграничной нелегальной печати; большая часть статей печаталась в свое время в подцензурной русской печати. Этим объясняется разница тона статей, что не мешает им, однако, составлять единое целое.

Москва, *Л. Троцкий.*

19 марта 1923 г.

P. S. Книга находилась в печати, когда в Болгарии разыгрался государственный переворот. «Крестьянское» правительство низвергнуто, Стамболийский убит, вожди земледельческой партии заточены, сопротивление сломлено или сламывается, и Болгарией правит в настоящий момент объединенный блок буржуазных партий и царедворческих клик. Перепечатываемая нами статья тов. Коларова, одного из наиболее выдающихся вождей болгарской коммунистической партии, ныне генерального секретаря Коминтерна, поможет, бесспорно, читателю ориентироваться в смысле происшедшего в Болгарии государственного переворота. *Л. Т.*

19 июня 1923 г.

Переворот в Болгарии.

Телеграф принес сообщение, что в ночь с 8 на 9-е июня в Болгарии был совершен переворот—правительство Стамболийского было свергнуто и заменено новым правительством. Имя нового министра-председателя, Цанкова, указывает на то, что переворот совершен «Лигой запасных офицеров», а участие в кабинете главы «народно-прогрессивной партии», Тодорова и сторонника «демократической» партии, Молова, является доказательством, что блок всех старых буржуазных партий политически руководил этим переворотом и взял за него на себя ответственность.

Для того, чтобы дать точную оценку совершившемуся, необходимо получить более подробные сведения из Болгарии. Мы ограничимся здесь несколькими словами о положении правительства Стамболийского до момента переворота.

Для иностранца свержение Стамболийского, после «блестящей сокрушительной победы», которую он одержал в последних выборах, должно явиться большой неожиданностью. Но пленум Ц. К. болгарской коммунистической партии в своей послевыборной декларации заявил вполне определенно, что никогда земледельческое правительство не было таким слабым, как именно после этой «победы».

И в самом деле, всю выборную кампанию правительство провело исключительно с помощью административного и полицейского аппарата; не крестьянские массы вели борьбу против его врагов, а исключительно агенты власти или действующие под их

руководством и защитой «дружбашки» (вооруженные правительственные шайки). Ход выборной борьбы показал, что если сельские массы, благодаря демагогии, влиянию власти, моральному и физическому террору, согласны еще подавать свой голос за правительство Стамбулийского, то они никоим образом не пойдут по зову этого правительства защищать его с оружием в руках против его противников, как они это делали в 1919—20 году. «Дружбаши» (правительственные) потеряли уже активную поддержку сельских масс,—вот главная причина их слабости, которая повела к их поражению.

Но и государственный аппарат не представлял никакой надежной гарантии для правительства. Последнее не могло за все время своего существования вполне овладеть им. За исключением полиции, в ряды которой правительство всегда могло посылать верные ему элементы, оно не могло рассчитывать с уверенностью ни на какой другой государственный орган. С судьями всех категорий оно было в открытом конфликте, против учителей вело настоящую войну, а чиновничий персонал в подавляющем большинстве был настроен враждебно к нему и готов был во всякую минуту ему изменить. Оно не успело подчинить себе вполне и армию, хотя солдатская масса в огромном своем большинстве происходила из бедных крестьян; оно не могло рассчитывать полностью на нее, так как офицерский кадр был ему враждебен. Настроение офицеров проявилось особенно ярко, когда правительство начало свою кампанию против македонских организаций в Болгарии. Правительство не располагало вполне преданным ему офицерским кадром даже и в жандармерии.

Такова была фактическая сила Стамболийского после выборов. Народное собрание, составленное почти что исключительно из приверженцев правительства, могло импонировать внешнему миру, но оно не прибавляло ничего к его действительной мощи.

Земледельческое правительство, ослепленное своим неожиданным, даже для него, выборным успехом, сочло момент благоприятным для того, чтобы разжечь борьбу по целому фронту его врагов немедленно после выборов.

Прежде всего оно решило расправиться окончательно с «изменниками» из среды «земледельческого союза» и потому продолжало терроризовать группу бывшего министра финансов Турлакова.

Потом оно нашло, что наступил момент разгромить коммунистическое движение, угрожающее вырвать почву из-под его влияния в деревне, особенно после того, как Болгарская коммунистическая партия выдвинула лозунг рабоче-крестьянского правительства. В этом смысле, повидимому, «земледельческое правительство» Стамболийского приняло на себя и определенные обязательства перед Антантой, заплатив этим за уступки по репарационному вопросу. В самом деле, неслыханный террор и бешеные преследования против коммунистической партии продолжались с возрастающей силой и после выборов, что доказывает, что здесь на самом деле мы имели дело с «новым курсом». Так, в Варне был арестован весь президиум партийной организации; в Лом, Сливен и деревне Долбоки, являющихся коммунистическими крепостями, были отправлены целые черносотенные и военные экспедиции; правительство готовилось наложить руку на все партийные, синдикальные и кооперативные дома, на партийную типографию и т. д.

Наконец, во исполнение нишского соглашения (с Юго-Славией) оно начало открытую борьбу и против македонских организаций в Болгарии, превратившуюся в настоящую войну в Петричшском округе. Эта борьба для македонцев означала борьбу не на жизнь, а на смерть: они или должны были быть уничтоженными, или же должны были протянуть руку другим противо-правительственным силам и таким образом содействовать свержению Стамболийского, которого они, согласно своим террористическим традициям, предварительно приговорили к смерти. Решимость «земледельческого правительства» поднять борьбу против всех своих врагов одновременно, между прочим, объясняется и тем, что оно переоценивало свои успехи по отношению к старым буржуазным партиям. Хотя оно успело нанести им чувствительный удар (сентябрьские события прошлого года, арест их вождей, плебисцит по вопросу об уголовном преследо-

вании против них и т. д.), однако его общая политика лила воду на капиталистическую мельницу и усиливала вообще позиции капитала.

Городская буржуазия, убедившись в невозможности возвратить свое старое руководящее место в управлении страной, легальным путем (политические демонстрации, выборы и т. д.), искусно использовала недовольство части запасного офицерства, выброшенного на улицу вследствие сокращения армии и побудила к созданию конспиративной лиги под руководством запасного полковника Лазарева, поставившей себе задачей низвергнуть «земледельческое правительство» путем переворота. Эта лига, имевшая широкие связи и в среде действующего офицерства, являлась, в действительности, военной организацией буржуазии. Но эта лига имела и более широкие намерения. Она не хотела связаться с одной определенной партией, а стремилась группировать все «партии порядка» и капитала в один национальный блок, который должен был охватывать абсолютно все существующие политические течения, за исключением «земледельцев» и коммунистов. Именно эту задачу преследовал политический комитет лиги, носившей название «Народная отбрана»; видную роль играл здесь профессор Цанков, являющийся министром-президентом нового правительства. Военная лига давно подготовляла переворот, но правительство успевало своевременно его предотвращать. В прошлом году буржуазия попыталась на-ряду с «лигой» использовать и находящуюся в Болгарии врангелевскую армию, но этот опыт тоже был предотвращен, главным образом, благодаря коммунистической партии. Теперь, очевидно, лига сочла момент благоприятным и решила действовать.

Следовательно, война, объявленная Стамболийским коммунистической партии и македонским революционным организациям, была умело использована болгарской капиталистической буржуазией для свержения «земледельческого правительства». К сказанному выше надо еще прибавить и новый националистический и воинственный курс по внешней политике: появление Болгарии на арене «большой политики», соглаше-

шение с Юго-Славией, угрозы Греции в связи с вопросом о Западной Фракии,—все это встревожило сельские массы, которые увидели снова угрозу войны и разочаровались еще больше в «мирной» политике Стамболийского.

С военной точки зрения, момент действия был благоприятным для заговорщиков еще и потому, что самых верных офицеров и войсковые и жандармские части правительство отправило в Петричшский округ воевать против автономистов (македонских банд) и таким образом все гарнизоны находились в руках друзей «лиги».

Как будет реагировать страна, т.-е. городская и сельская трудящаяся масса, на этот переворот,—точно предвидеть нельзя. Очевидно, это будет зависеть от силы и влияния, которые еще успел сохранить за собой «земледельческий союз» в среде крестьян, и от позиции, занятой коммунистической партией. Если Стамбулийский имеет свободу действий, сомнительно, что он найдет широкие массы готовыми последовать за ним для вооруженной борьбы против нового правительства. Единственно коммунистическая партия, которая, естественно, осталась вне нового правительства, имела бы нужный авторитет у масс, чтобы поднять их на борьбу во имя рабоче-крестьянского правительства.

Во всяком случае, этот переворот означает крупную победу капиталистической и националистической буржуазии над городскими и крестьянскими трудящимися массами. Он является лишним доказательством неспособности мелко-буржуазных партий обессилить капитал и победить буржуазию и свидетельством, что пути «демократии» для политического господства буржуазии уже закрыты и что она все больше вынуждена прибегать к переворотам и военной диктатуре.

Если переворот не явится сигналом гражданской войны и если новому правительству удастся удержаться у власти, тонадо считать несомненным, что наступление капитала в Болгари и пойдет полным ходом, и все фурии капиталистической реакции обрушатся на коммунистическое и рабочее движение.

Но и в таком случае продолжительную власть над рабочим и крестьянским народом капиталисты не смогут установить, даже

если они используют услуги своей старой и—увы!—уже изможденной прислужницы болгарской социал-демократии. И в этом случае их политика, которая будет политикой хищничества необузданной эксплоатации и спекуляции, политического нажима и войны, будет непрерывно вызывать волнения снизу и поведет к их окончательному поражению.

По отношению к Советской России, несомненно, новое правительство займет неблагоприятную позицию: за мелкие уступки оно будет предлагать свои услуги ее врагам. Но повести болгарский народ на борьбу против Советской России ему никогда не удастся.

(«Правда», 12. VI. 23).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Балканские страны и социализм.

Когда великую французскую революцию сменила европейская реакция, породившая священный союз; когда контр-революция напрягала все свои силы, чтобы покончить с наследием 1848 г.,—всякий раз на сцене появлялся восточный вопрос. На это указал уже Маркс. И теперь, после поражения революции в России[1]), словно для того, чтобы дать скептикам право утверждать, что история вертится в заколдованном кругу, в порядок дня снова поставлен восточный вопрос. Но какая громадная разница! Тогда европейские дипломаты, как хотели, исчерчивали своими ногтями карту Балканского полуострова и решали судьбы народов; теперь балканские народы сами пробуждаются к исторической жизни, балканский вопрос становится их собственным вопросом, возвращению царизма на Балканы Турция противопоставляет свою собственную революцию; балканский капитализм прочно становится на ноги; из векового хаоса выходит социал-демократия балканских народов. И если даже для европейской дипломатии юго-восточный угол Европы перестает быть пассивным объектом хищнических комбинаций, то для европейской социал-демократии он тем более должен из безличного географического термина превратиться в живое политическое понятие: там вырастает и принимает все более определенные формы балканская секция Интернационала.

Капиталистическое развитие Ближнего Востока отличается колониальным характером. Европейская биржа, опутавшая балканские государства сетями долговых обязательств, разоряет

---

[1]) Писано в 1910 г.

при помощи «национальных» фискальных аппаратов крестьян и рабочих Балканского полуострова, без различия племени и расы; европейские товары убивают кустарную промышленность и ремесло; наконец, европейский индустриальный капитал, подчиняя себе туземный капитализм, заводит на Балканах железные дороги и промышленные предприятия новейшего капиталистического образца. Это развитие зажимает мелкую буржуазию в тиски уже в самом начале ее исторического бытия. Ее экономическое разложение дополняется ее политическим гниением; вместе с разоренным крестьянством она становится пушечным мясом для политиканов, уличных демагогов, династических и антидинастических шарлатанов, вырастающих, как грибы, из навоза аграрно-колониального парламентаризма. Небольшой промежуточный слой крупной буржуазии, вступившей на свое историческое поприще со словами «картель» и «локаут» на устах, политически совершенно отрезан от масс и ищет опоры в европейских банках. Колониальный характер капиталистического развития балканских стран, выступающий здесь еще более ярко, чем в России, ставит пролетариат в положение передового бойца, передает в его руки наиболее концентрированные производительные силы страны и сообщает ему политическое значение, далеко превосходящее его численную величину. Как в России главное бремя борьбы с патриархально-бюрократическим режимом падает на плечи пролетариата, так и на Балканах один только пролетариат ставит перед собой во всем ее объеме задачу создания нормальных условий для сожительства и сотрудничества многочисленных народов и племен полуострова. Дело идет о том, чтобы на территории, границы которой установлены природой, создать достаточно широкие и гибкие государственные формы, которые могли бы на основе национальной автономии частей обеспечить единство внутреннего рынка и общих государственных органов всему населению полуострова. «Освободиться от партикуляризма и ограниченности; уничтожить границы, разделяющие народы, частью тождественные по языку и культуре, частью экономически связанные друг с другом; наконец, свергнуть прямые и косвенные формы иноземного господства, лиша-

ющего народ права самому определять свою судьбу»,—в этих отрицательных выражениях формулировал свою программу первый съезд социал-демократических партий и групп европейского Юго-Востока, происходивший в Белграде от 7-го до 9-го января 1910 года [1]).

Вытекающая отсюда положительная программа гласит: федеративная балканская республика.

Потребности капиталистического развития ежеминутно наталкиваются на полуострове на тесные рамки партикуляризма, и федерация становится идеей самих правящих кругов на Балканах. Более того. Царское правительство, бессильное играть на Балканах самостоятельную роль, пытается выступить в роли инициатора и патрона болгаро-сербско-турецкого союза, своим острием направленного против Австро-Венгрии. Но это только расплывчатые планы временного союза балканских династий и политических партий, по самому своему существу неспособного гарантировать свободу и мир на Балканах. С этой идеей программа пролетариата не имеет ничего общего. Она направлена против балканских династий и политических клик, против милитаризма балканских государств столько же, сколько против европейского империализма, против официальной России столько же, сколько против габсбургской Австро-Венгрии. Его методом являются не дипломатические комбинации, а классовая борьба, не балканские войны, а балканские революции.

Правда, сейчас рабочие балканских стран еще слишком слабы, чтобы быть в состоянии провести свою политическую программу в жизнь. Но завтра они будут сильнее. Капиталистическое развитие на Балканах совершается под высоким давлением финансового капитала Европы, и ближайший же промышленный подъем,—о приближении которого говорит строительная горячка в Софии,—может в несколько лет индустриализировать богато одаренный природой и счастливо расположенный полу-

---

[1]) На этом съезде были представлены социал-демократические партии Сербии, Болгарии, Румынии, Македонии и Турции, юго-славянские социал-демократические партии Австро-Венгрии и, наконец, немногочисленные социал-демократы Черногории.

остров. На этой основе первое же серьезное потрясение в Европе может поставить социал-демократию балканских стран в центр решительных событий, подобно тому, как это в 1905 г. случилось с русской социал-демократией. Но уже и сейчас программа федеративной балканской республики имеет серьезное практическое значение: она не только руководит повседневной политической агитацией, внося в нее принципиальное единство, она образует— и это еще важнее—основу, на которой национальные рабочие организации полуострова сближаются друг с другом, и создает таким образом объединенную балканскую секцию интернациональной социал-демократии.

* * *

Заслуга инициативы в деле объединения пролетариата балканских стран принадлежит социал-демократическим партиям Сербии и Болгарии. Несмотря на их молодость,—если отвлечься от их идеологического прошлого и рассматривать их только как рабочие организации, то обеим всего лишь семь-восемь лет,— у них уже большие заслуги перед Интернационалом. В критическую минуту, после аннексии Боснии и Герцеговины, когда вся Сербия была охвачена жаждой реванша, социал-демократия смело пошла против общего течения. Тов. Кацлерович, единственный депутат партии в Скупщине, имел смелость бросить в лицо опьяненным националистам и трезвым интриганам горькую истину. «Радницке Новине», центральный орган партии, открыл беспощадную кампанию против главы белградской военной клики, князя Георгия, которого социал-демократия в течение нескольких дней довела до отказа от своих прав на престол. И эта тактика, соединявшая политический реализм с революционной смелостью, укрепила партию в организационном отношении и увеличила ее политическое влияние. То же самое относится к болгарской социал-демократии, которая непримиримо боролась сначала против патриотической авантюры, превратившей мнимо-вассального князя в независимого «царя Болгарии», а потом против посредничества России в болгарско-турецком конфликте. Борьба против нео-панславистской дема-

тогии, либеральной по своим жестам, но реакционной до мозга костей, является важной заслугой как сербской, так и болгарской социал-демократии. Свой последний партийный съезд от 24-го до 26-го июля этого года болгарская партия превратила во внушительную «демонстрацию пансоциализма против панславизма», пригласив в Софию представителей русской, польской, чешской, сербской социал-демократии, представителей пролетариата тех самых народов, буржуазные представители которых за несколько недель до того симулировали в той же Софии панславистское братство. И хотя руссофильская печать Софии оказалась настолько бесстыдной, глупой и трусливой, что замолчала социал-демократический съезд, он достаточно красноречиво говорил сам за себя; уличная демонстрация 24-го июля, в которой участвовало от трех до четырех тысяч рабочих, приветственные речи иноземных делегатов на открытых собраниях съезда, во дворе рабочего дома, в присутствии многих сотен гостей, публичный доклад о русской революции, возвещенный красными плакатами, которые были расклеены по всему городу, торжественные публичные диспуты о балканском вопросе, открывшиеся докладом Благоева,—все это поставило социал-демократический съезд, несмотря на все усилия буржуазной прессы, в центр всеобщего внимания и сделало его глубоко-значительным эпизодом в истории молодой болгарской партии.

Мы упомянули о молчаливом заговоре буржуазной печати. К этому нужно прибавить, что единственная ежедневная газета, более или менее по праву называющая себя социалистической, «Камбана» («Колокол») весьма добросовестно замалчивала интернациональную манифестацию против панславизма, не столько из политических, сколько из фракционных соображений. Здесь мы должны сказать несколько слов о фракционных группировках, играющих большую роль в жизни болгарской социал-демократии.

В 1903 году болгарская партия раскололась на две фракции: «тесняков» («узких») с Благоевым, Кирковым, Раковским и Бакаловым во главе и «широких», руководимых Янко Сакаговым и Н. Габровским. В противоположность к строгим охран-

телям классового принципа, «теснякам», «широкие» склоняются к так называемому «обходительству», т.-е. сотрудничеству с буржуазно-демократическими элементами и—в теории—к ревизионизму. Обе партии сохранили имя, программу и устав старой партии. В 1905 году происходит дальнейший раскол среди «тесняков»: под руководством Бакалова и Харлакова отделяется группа «либералов», обвинявших сторонников Благоева, «консерваторов», в организационной узости, которая изолирует партию от класса и грозит превратить ее в «тайное общество». В 1908 году от «тесняков» снова откололась группа протестантов, недовольных консерватизмом партии и требовавших объединения всех социалистических организаций: это—так называемые «прогрессисты» с Ильевым во главе. Попытка общего объединения терпит крушение из-за противодействия «тесняков». На-ряду с ними и в противовес им образуется так называемая «объединенная» партия из «широких», «либералов» и «прогрессистов». Единственная связь между обеими организациями заключается в ожесточенной полемике в печати и на собраниях. «Камбана», не будучи партийным органом, все же тесно связана с «объединенными» и до известной степени является их официозом. Этим объясняется и ее отношение к антиславянофильской манифестации, устроенной «тесняками».

Характер и формы группировок и размежеваний в болгарском социализме обусловлены в своей основе политической молодостью страны: слабой дифференциацией общественной жизни, полным отсутствием политических традиций, недостаточной самостоятельностью пролетарского авангарда и переизбытком радикальной и социалистической интеллигенции. Во всех политических партиях Болгарии интеллигенция играет несоразмерно большую роль; единственная серьезная духовная традиция, которая есть у нее, это—социализм. Основатель «демократической» партии, Петко Каравелов (теперь покойный), был в свое время сторонником «Народной Воли» в России. Журналисты и... министры всех буржуазных болгарских партий были, хотя бы недолго, на выучке у социализма. Социализм был для них школой политической азбуки; чтобы применить эту азбуку к жизни,

они перешли в другой лагерь. Дольше всех остались верны социализму народные учителя и учительницы. Острая нужда в просвещении, на-ряду с культурной отсталостью страны, превращали деятельность учителя в миссионерское, апостольское служение и гнали учителя в объятия самой радикальной идеологии. Таким образом, болгарский социализм образуют не только политические и профессиональные организации рабочих, но и широкое туманное пятно социалистической и полусоциалистической интеллигенции. Границы буржуазных партий, в свою очередь, отличаются совершенно хаотическим характером или, точнее, таких границ вообще не существует. Демагогия—вот высшая мудрость болгарской политики; по сравнению с ней подкуп—только техническая деталь. Демагогия завоевывает сердца, мандаты и портфели. В этом политическом хассе, каждую минуту готовом принять образ и подобие любого стоящего у кормила божества, избыток социалистической интеллигенции создает опасность серьезных искушений и соблазнов для молодой рабочей партии. Пролетарская армия растет, но пока еще она слаба; генеральный штаб вождей слишком велик для нее. Возможность непосредственного политического влияния этих вождей ограничена сравнительной слабостью армии,—а, вообще говоря, как легко при некотором таланте играть в этой стране политическую роль! Достаточно сделать небольшой прыжок в сторону. В сущности, и прыжка-то не надо делать, потому что радикальная интеллигенция всех оттенков радуги составляет естественный мост между социалистической идеологией и буржуазной практикой. «Обходительство» как раз и формулирует это стремление социалистической интеллигенции обогнать исторический процесс и при помощи искусных политических комбинаций обеспечить социал-демократии влияние, которого ей не могут создать численная сила и степень организованности пролетариата. Но в Болгарии «обходительство», т.-е. сотрудничество с буржуазной демократией, опаснее, чем где-либо: ибо где начало и где конец этой болгарской «демократии», которую сегодня вызывают к жизни ударом жезла по скале, чтобы, может быть, завтра же снова вернуть ее в небытие? К тому же правительственные демо-

краты Софии—вчерашние республиканцы и заговорщики—в своих методах политической коррупции ничем не уступают французским радикалам. И вот мы видим, как те или другие сторонники «обходительства», бывшие вожди учительского или железнодорожного союза, сегодня занимают выгодные места в различных «демократических» канцеляриях... С другой стороны, те же самые условия порождают и противоположную опасность—превращения политической партии в социалистический семинарий. Организационная узость и политическое самоограничение, как методы самосохранения в мутной общественной среде, пропитывают консерватизмом партийную мысль и партийный аппарат и лишают их необходимой гибкости, умения приспособляться не только к преходящим политическим конъюнктурам, но и к более глубоким социальным процессам: к росту пролетариата, как класса, и вызываемому этим ростом усложнению его задач. Каждое новое завоевание в области тактики покупается в этих условиях ценою новых расколов и дроблений. Мы видели, что в болгарской партии раскол произошел трижды; в результате мы имеем существование двух партий, с одной стороны, и фракционный раздор в «объединенной партии»—с другой. «Тесняки» видят в этих расколах не что иное, как процесс «очищения» рабочей партии от мелко-буржуазной интеллигенции. Но мы не могли бы разделить этот взгляд без оговорок не только потому, что у самих «тесняков» доминирующую роль в партии играет интеллигенция, и не только потому, что «объединенные», насколько мы можем судить, имеют в своих рядах много ценных социалистических элементов, но прежде всего потому, что мы не можем забыть о самом печальном факте болгарского рабочего движения: о расколе профессиональных союзов между «тесняками» и «объединенными».

В заключение мы дадим еще общий обзор организации и деятельности «тесняков», на партийном съезде которых автор этих строк присутствовал [1]) в качестве представителя русской социал-демократии. Красноречивый секретарь партии, талантливый

---

[1]) В 1910 г.

агитатор и редактор партийного органа «Работнический Вестник» и он же партийный казначей, неутомимый Георг Кирков, в пятичасовой речи дал исчерпывающую картину жизни и трудов партии. В прошлом году она охватывала 56 местных организаций и групп с 2.126 членами, в том числе 1.519 рабочих; кроме того, к партии принадлежали социал-демократическая учительская организация с 851 членом, организация коммунальных служащих с 250 членами, четыре социал-демократические студенческие группы с 52 членами, 12 рабочих кружков для самообразования с 325 членами и 14 клубов рабочей молодежи с 420 членами. Число членов партии,—жаловался Кирков,—возросло в прошлом году только на 12%; ввиду крайне строгого отбора со стороны местных организаций оно всегда отстает от числа членов объединенных профессиональных союзов, духовно и организационно связанных с партией. Это объединение охватывает сейчас 13 централизованных союзов с 172-мя местными секциями и 4.600-ми членов: по сравнению с прошлым годом, оно возросло на 1.200 человек. В прошлом году объединение израсходовало на стачечные нужды 15.000 левов (франков), на пособия—10.000 левов. Число профессиональных изданий достигло 12. С чувством справедливого удовлетворения Кирков описывал агитационную и издательскую деятельность партии. В течение последнего года она устроила 917 открытых собраний с 154.675 участниками, выпустила 647 воззваний в 158.896 экземплярах и распространила 157 брошюр в 18.896 экземплярах. В первомайской демонстрации 1910 г. участвовало почти 14.000 рабочих. «Работнический Вестник», центральный орган партии и объединенных профессиональных союзов, выходящий три раза в неделю, закончил 13-й год издания с 3.214 абонентами. Ежемесячник партии «Ново Време», редактируемый «стариком» Благоевым, основателем партии и теоретиком марксизма в Болгарии, имел в конце 1913 года издания 1.275 абонентов. Гордость партии составляют ее «книжарница» и «печатница». Оборот издательства поднялся с 124.000 фр. в 1909 г. до 422.000 фр. в 1910 г. За последний год «книжарница» издала 16 книг и брошюр, в том числе «Происхождение семьи и т. д.»

106 2940

БИБЛ. КА
Но-та парт. ...
при ЦК ...

Энгельса, «Путь к власти» Каутского, «Л. Фейербах» Энгельса, «Социал-демократия и парламентаризм» Парвуса, «Маркс и его значение» Каутского—в 2.000 экземпляров каждую, «Из моей жизни» Бебеля в 3.000 экземпляров и, наконец, первый том «Капитала» в переводе Благоева, 1.700 экземпляров которого были уже заранее заказаны. Кроме того, появилось, почти одновременно, еще другое издание «Капитала» в переводе Бакалова. Наша французская партия, с ее великими революционными традициями, с ее несравненными ораторами и парламентскими деятелями, имеет все основания смотреть с завистью на изумительную просветительную деятельность болгарской партии в этой малокультурной стране, едва насчитывающей 5 миллионов человек населения.

* * *

Нельзя не отметить, что болгарская партия всегда находилась под влиянием русской. О силе этого последнего влияния мы, русские, не имеем даже отдаленного представления. Не только 50-летний Благоев, который учился в русском университете и в 1885 г. был арестован в Петербурге за организацию рабочих кружков и участие в создании газеты «Рабочий», не только 45-летний Кирков, который окончил гимназию в Николаеве и уже в это время вращался в кружках «Народной Воли», но и все молодое поколение болгарской социал-демократической интеллигенции насквозь «руссифицировано», а вместе с интеллигенцией—и передовые слои пролетариата. Они прошли через нашу идейную борьбу с «экономистами», а потом через раскол между большевиками и меньшевиками. «Искра» для них такое же живое понятие, как для нас, или, чтобы не преувеличивать, как «Ди Нейе Цейт» для сербов. Болгарские рабочие поют русские революционные песни, в болгарских политических статьях встречается на каждом шагу наша партийная фразеология.

Загадка болгарской демократии.

В запоздалой стране.

В Болгарию стоит приехать уже для того одного, чтобы убедиться в относительности наших политических понятий. Формально здесь царит демократия. Суверенитет принадлежит народу, народ избирает парламент на основе всеобщего избирательного права, министерство ответственно пред парламентом за все свои действия. Но если мы вглядимся в государственную механику болгарской демократии, то без труда откроем в ней очень выразительные черты абсолютизма. Когда, три года тому назад [1]), мне пришлось быть в Софии, у власти стояла демократическая партия, которая в 1908 г. пришла на смену стамбулистам. Смена эта произошла таким образом. В народном собрании на 175 депутатов было полтораста стамбулистов и полдюжины демократов. На ближайших выборах, организованных демократическим правительством, стамбуловцы были совершенно раздавлены, в парламент не попали даже их шефы. Демократическая партия получает 166 мандатов. Весною 1911 года царь Фердинанд призывает к власти коалиционное министерство из представителей народной и прогрессивно-либеральной (цанковистской) партий. В демократическом народном собрании народняки занимали до этого 3 места, цанковисты ровным счетом одно. Коалиционное министерство с Гешовым во главе распускает собрание и организует новые выборы, в результате которых в парламент торжественно вступают 80 народняков, 79 цанковистов. От де-

---

[1]) В 1909 г.

мократического большинства остаются 4 души, почти исключительно бывшие министры. Демократы подверглись той самой участи, какую они три года перед тем уготовили стамбулистам, а эти, в свою очередь, повергли в 1903 году в прах вчерашних господ положения—цанковистов. И так далее... Эти парламентские катастрофы представляют собою единственный устойчивый элемент болгарской партийной жизни.

Формально дело обстоит, следовательно, так. Народ выбирает своих депутатов, которые выражают его суверенную волю. Министерство превращает эту волю в действия. Князь, по известной английской формуле, царствует, но не управляет. Однако, если вглядеться сквозь эпидерму демократических форм в живую ткань политической жизни, дело представится в прямо противоположном виде. Князь призывает к власти известную группу, которая, по его мнению, наиболее отвечает потребностям момента. Эта группа неизменно призывает к большинству—путем «демократических» выборов—свою партью. Новое парламентское большинство поддерживает создавшее его министерство, которое в свою очередь, как мы уже знаем, есть политическая группа, призванная князем к власти. Не трудно усмотреть в этой государственной механике огромную роль личной воли князя, по отношению к которой конституционно-демократические формы являются не столько ограничением или препоной, сколько гибким и послушным аппаратом. Министерство, ответственное перед парламентом, на самом деле является творцом парламентского большинства. Князь, который царствует, но не управляет, является на деле творцом министерства.

Монархисты чистой воды скажут, что царь только предвосхищает народную волю, т.-е. определяет ее линию путем политического предчувствия и по ней заранее направляет свою политику.

Противники режима скажут наоборот: князь не предвосхищает, а предопределяет народную волю, то-есть формирует ее по личному своему произволу—при помощи аппарата власти, т.-е. армии чиновников.

Первое объяснение мы, разумеется, совершенно оставляем в стороне. Если бы так легко было предвосхищать народную

волю и притом с такой безошибочностью, то к чему тогда вообще сложная механика парламентаризма? Гораздо проще вернуться к тому мистическому «предвосхищению», каким является чистый абсолютизм. Но и второе объяснение совершенно недостаточно. Оно сводит политическую жизнь страны, борьбу и смену партий в течение трех десятилетий или, по крайней мере, двадцатипятилетия царствования Фердинанда к личным причудам и полицейским махинациям. Это, по меньшей мере, невероятно.

На самом деле, борьба и смена политических партий, если попытаться овладеть внутренней закономерностью этого процесса, предстанет пред нами с совершенно другой стороны.

В Болгарии не менее десятка политических партий. Если оставить в стороне социал-демократию, которая здесь расколота на две фракции, то в политической практике всех остальных партий мы тщетно стали бы искать, особенно в последнее десятилетие, принципиальных различий. Причин тому две, и они тесно связаны друг с другом: запоздалость исторического развития Болгарии и слабость дифференциации общества.

Как и все отсталые страны, Болгария не имеет возможности творить новые политические и культурные формы в свободной борьбе внутренних своих сил; она вынуждена ассимилировать те готовые культурные продукты, которые выработала в своем развитии европейская цивилизация. Хотят или не хотят этого те или другие правящие группы, Болгария вынуждена, и притом спешно, строить железные дороги и мосты, перевооружать армию, а значит—делать займы, заводить правильную отчетность, а значит и парламентарные формы, копировать европейские политические программы, содействовать пролетаризации населения, а значит—и вводить социальное законодательство, и прочее и прочее.

То же самое во всех других областях. Литература болгарская не имеет традиций и не успела выработать своей внутренней преемственности. Она вынуждена подчинять свое неперебродившее содержание новым и новейшим формам, созданным под совсем другим культурным меридианом.

Разумеется, и развитие старых стран в существе своем, как и в своих формах, объективно обусловлено. Но там историческая обусловленность—внутренняя. Она раскрывается в «свободной» игре национальных сил—классов, партий, групп, лиц,—которые из наследственного культурного материала созидают новые и новые формы.

Для стран отсталых чередование политических и культурных форм обусловлено не этой свободной логикой внутреннего развития, а непосредственным внешним давлением, которое применяет самые разнообразные методы: от невесомого идейного воздействия, вырастающего из разницы культурных уровней—до принуждения вооруженной рукою.

Запоздалая страна в своем историческом движении похожа не на корабль, который сам прокладывает себе путь по волнам, а на баржу, которую тащит на буксире пароход. Капитан парохода вынужден проявить свою инициативу в выборе пути, начальник баржи связан по рукам и по ногам.

Министерства Болгарии (а значит и стоящие за ними партии), как бы они ни отличались друг от друга по своим программам, традициям и личным качествам, весьма похожи на команду баржи, которую европейский пароход на крепком канате влечет по заранее намеченному пути.

В своих статьях о балканском вопросе, написанных 60 лет тому назад, Маркс предсказывает, что политически расовые влияния России на балканских славян будут чем дальше, тем больше парализоваться неотразимым действием европейской культуры. «Можно утверждать,—говорит он,—что чем больше Сербия и сербская национальность упрочивались, тем больше прямое русское влияние на турецких славян отступало на задний план. Ибо Сербия, чтобы удержать свое самостоятельное положение в качестве «христианского» государства, вынуждена была заимствовать свои политические учреждения, свои школы, свои научные познания, свои промышленные формы из Западной Европы. Этим объясняется и та аномалия, что Сербия, несмотря на покровительственное господство России, является со времени своей эмансипации конституционной

монархией». В еще большей мере сказанное здесь относится к Болгарии.

К несамостоятельности культурной, проистекающей из отсталости, присоединяется несамостоятельность во внешней политике, не как следствие расового родства, а как результат слабости. В борьбе за свое место на Балканах, Болгария, как малая «державица», вынуждена была пристраивать свою политику к политике той или другой из великих держав. В постоянном лавировании между их враждебными интересами и аппетитами и состояла в сущности самостоятельность внешней болгарской политики. Выдвинуть ли руссофильскую или австрофильскую политику, протянуть ли Турции руку дружбы, или руку, вооруженную кинжалом, заказывать ли оружие в Германии или во Франции, занимать ли деньги у Ротшильда парижского или у Ротшильда венского,—вот вопросы, которые играли решающую роль при выборе князем той или другой политической группы в качестве болгарского правительства в данный момент. По линии внешней политики совершалось гораздо более действительное размежевание болгарских политических партий, чем по вопросам внутренним. Во внутренней политике все оставалось смутно и неустойчиво. А в иностранной политике у партий создались свои, тоже, впрочем, не очень крепкие традиции: русофильская—у цанковистов, русофобская—у стамбуловцев, миролюбиво-оппортунистическая («туркофильская»)—у народняков, активно вызывающая—у демократов и т. д.

Когда уклон в одну сторону становился слишком большим и опасным для государственной самостоятельности Болгарии, возникала необходимость призыва к власти другой группы, которая, по традициям и связям своим, могла бы явиться носительницей нового курса, часто противоположного предшествовавшему. Князь Фердинанд с своей стороны заботился о том, чтобы не сжигать мостов ни в ту ни в другую сторону. Он поддерживает контакт с Россией, когда у власти стоят руссофобы, и пускает в ход связи с Веной, когда министерство принадлежит руссофильской партии.

* * *

Болгарский парламентаризм.

Итак, во внутренней политике Болгарии все правящие партии, со второстепенными уклонениями в ту или другую сторону, повторяют друг друга. Они все делают заимствования из одного и того же европейского источника, покровительствуют всеми средствами протекционизма туземной индустрии, все культивируют милитаризм и как можно туже подвинчивают податной пресс. Для широких масс населения, особенно сельского, в конце концов, довольно безразлично, какая из партий стоит в данный момент у руля.

Когда князь в 1908 году призвал к власти демократов (бывших каравеловцев), газеты спрашивали лидера их, Малинова, какими-такими демократическими средствами он собирается обеспечить себе парламентское большинство, раз у его партии в предшествующем парламенте было всего-на-всего 6 депутатских мест? «Я надеюсь на неорганизованную массу населения»,— ответил Малинов и не ошибся в расчете. Выборы дали ему 166 мест из 203.

«Партия» политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта «партия» всегда склонна поддерживать власть. Для захолустного обывателя, для крестьянина, для маленького человека в Софии, которые успели быть разочарованы, чтобы не сказать: обмануты, всеми партиями,—для них должно представляться более выгодным и удобным поддержать уже призванную к власти партию, чем кого-либо из пестрой оппозиционной братии, ибо власть, как власть, всегда имеет возможность хоть кое-что выполнить из своих обещаний, тогда как партии временной оппозиции одинаково бессильны что-либо сделать для своих избирателей.

Сказанного не нужно понимать так, будто здесь за три с половиною десятилетия свободной жизни совсем не выработалось политических связей и традиций. Политически бесформенная масса никоим образом не составляет 80% голосующего населения,—между тем как каждое новое правительство получает свои 80 и более % общего числа мандатов.

Причина этой кричащей диспропорции коренится в избирательной технике. Болгарский избирательный закон не знает перебаллотировок. Правительство может получить меньшинство всех поданных в стране голосов, но достаточно ему получить в большинстве округов относительный перевес над каждой оппозиционной партией в отдельности,—и оно получает подавляющее большинство мандатов. Беспартийная масса избирателей недостаточно сильна, чтобы обеспечить каждому новому правительству абсолютное большинство голосов, но она достаточно многочисленна, чтобы обеспечить новой правящей партии перевес над каждой из оппозиционных партий в отдельности. Это приводит к следующему парадоксальному результату: в большинстве своем население голосует оппозиционно, а в парламенте безраздельно господствует партия, собравшая вокруг себя далеко менее половины избирателей; абсолютное большинство голосов бесплодно разбивается между несколькими партиями, которые мало разнятся друг от друга, а от правительственной отличаются только тем, что в данный момент лишены преимуществ и выгод власти.

Эта последняя, чисто техническая, причина правительственных побед легко устранима. Принятая уже парламентом пропорциональная система, первый опыт применения которой был сделан на последних выборах в двух округах, внесет, несомненно, новые черты в физиономию болгарского парламентаризма, уничтожив вопиющее несоответствие между голосами и мандатами. Но основной фактор политической борьбы—беспартийная масса населения, идущая за колесницей власти—долго еще будет определять ход и исход выборов.

* * *

Демократия и абсолютизм.

Политический строй Болгарии, каким мы его видели выше, можно определить, как комбинацию из демократии и просвещенного абсолютизма. И это, повторяем, не случайное, а закономерное сочетание, обусловленное всей предшествующей историей Болгарии и ее нынешней социальной структурой.

Политическая демократия явилась здесь естественным отправным пунктом самостоятельного политического развития последних трех с половиною десятилетий. До освобождения здесь все противоречия растворялись в одном основном: все болгарское противопоставлялось всему турецкому. Турецкое господство было воплощением социальных невзгод, политических бедствий, национальной приниженности. Все болгарское казалось и считалось однородным, ибо равно бесправным. Низвержение турецкого ига не могло означать в этих условиях ничего другого, кроме освобождения и политического уравнения всех болгар. Равнобесправные должны были стать равноправными. Болгарская интеллигенция, руководимая Петко Каравеловым, нашла для этого нового состояния готовое выражение в формулах западно-европейской парламентарной демократии. Великое народное собрание в Тырнове провозгласило суверенитет народа, одну палату, всеобщее голосование, ответственность министров. Те учреждения, которые были выработаны на Западе путем долгой внутренней борьбы, как ответ на потребности новых классов, оказались пересаженными сюда в готовом виде одним ударом, чтобы оформить те отношения, которые оказались на-лицо после механического свержения тяжелой всеуравнивающей крышки турецкого господства.

Освобожденная Болгария была с первого же дня поставлена в условия необходимости усваивать основные элементы европейской культуры и на основе новой техники, прежде всего военной, отстаивать свое государственное существование. Между тем масса народа, вчера только вышедшая из турецкого ига, не имела никаких навыков самостоятельного государственного управления. Буржуазия была лишь в зародыше и не успела еще сбросить с себя свои азиатские формы (чорбаджии!); политическое руководство страной было ей не по силам. Вот эти-то условия—необходимость реформ, с одной стороны, культурная отсталость населения и слабость буржуазии, с другой—и создавали в своей совокупности предпосылки просвещенного абсолютизма. Инициатива монарха и его международные связи получали огромное значение. А так как великий перелом 78

года в истории крестьянской Болгарии, как мы знаем уже, естественно облек ее молодую государственность в доспехи народного суверенитета и всеобщего голосования, то вся дальнейшая политическая жизнь страны должна была свестись к борьбе и сожительству этих двух взаимно отрицающих друг друга категорий: абсолютизма и демократии. А в общественном развитии Болгарии не было, разумеется, недостатка в тенденциях, которые растравляли основное политическое противоречие, то усиливая монархию, то вливая живое демократическое содержание в отвлеченные демократические формы.

Социальная основа болгарской демократии очень примитивна. Ее природа—стихийно-бытовая, подобная природе нашей деревенской общины. Болгарская интеллигенция катастрофически призванная, после свержения турецкого ига, к управлению судьбами страны, получила возможность увенчать примитивно-бытовую основу политической надстройки демократии. Но это увенчание только ставило вопрос о дальнейших судьбах страны, а не разрешало его.

Как из русской общины не дано было развиться непосредственно социализму, на что надеялись утописты-народники, так и первобытная крестьянская демократия Болгарии может притти к строю, основанному на сознательном политическом самоуправлении народа не прямиком, а сложными путями внутренней борьбы.

Организаторы катастрофы.

То, что произошло с Болгарией, кажется совершенно непостижимым. Не потому, чтобы произошло нечто, нарушающее законы логики. Наоборот, произошло, как всегда, именно то, что наиболее вытекало из совокупности обстоятельств. Сербская и греческая армии по численности превосходили болгарскую, которая к тому же была несравненно более истощена турецкой войной. Естественно было ожидать поражения болгар, и уж во всяком случае не было никакого основания надеяться вместе с г. Милюковым на повторение событий 1885 г. Что Румыния готовилась вступить на болгарскую территорию; что суетливое соперничество австрийской и русской дипломатии, из-за благоволения букарестского двора, развязывало румынам руки для разбойничьего выступления; что в Букаресте только ждали наиболее благоприятного момента для нанесения Болгарии удара в спину,—все это было совершенно ясно. Ясно было и то, что, вовлеченная в борьбу с Сербией и Грецией, Болгария не сможет противопоставить Румынии никакого отпора. Таким образом, сущность положения почти что исчерпывалась четырьмя правилами арифметики. И если болгарская катастрофа кажется непостижимой, то исключительно под углом вопроса: как же этого всего не предвидели в Софии? Почему там до самого последнего момента третировали Сербию и Грецию, как ничтожные величины, и в то же время, в ответ на румынские домогательства, бесцеремонно поворачивали спину политикам из Букареста? Зачем, наконец, дразнили Турцию,

сохраняя свои оккупационные отряды в тех областях, которые по условиям мира должны были отойти обратно к османам? На что надеялись Фердинанд, Гешов и Данев?

Считали свою армию несравненно сильнее сербской и греческой? Верили в сокрушительную победу? Но чего ждали в таком случае со стороны Румынии? Надеялись, что она молчаливо примирится с чрезмерным усилением Болгарии? Или полагали, что она «устыдится» напасть на истекающую кровью Болгарию? Как не опасались, наконец, что во всеобщем хаосе Турция, со своим азиатским тылом, снова может проявить признаки жизни? Да,—чего хотели, на что рассчитывали в Софии? Вот это именно кажется непостижимым. И непостижимым это кажется потому, что люди привыкли думать, будто правящие знают какое-то особое искусство управления—расчета и предвидения,—и когда оказывается, что наверху царят безоглядное легкомыслие и самоуверенная глупость, бывают всегда поражены.

Что думал о завтрашнем дне Данев, наиболее непосредственный организатор катастрофы, никто не знает. А Данев вовсе ничего не думал. Он наслаждался собою и давал интервью.

Данев имеет в себе все черты политического выскочки и этим может быть наиболее ярко отражает правящую Болгарию. Он из бедной семьи, из Шумлы, кончил на счет города гимназию в Праге, изучал, как государственный стипендиат, право в Париже, затем в Лондоне, знает английский язык, был чиновником финансового ведомства, вышел в отставку, стал правой рукой «деда» Цанкова, был уже несколько раз у власти, хотя ему всего 54 года.

Партнер Данева, Гешов, стоявший во главе министерства во время войны, является не только шефом партии богатых людей (поставщиком, банкиром, ростовщиком), но и считается самым богатым человеком в Болгарии. История его обогащения незамысловата и очень характерна для молодой страны, правящий класс которой еще в своем нынешнем поколении проделывал и проделывает практику первоначального накопления. В Браилове (Румыния) жил в 70-х годах, богатый болгарин Евло-

гий Георгиев, который весьма попользовался от военных поставок во время русско-турецкой кампании и давал значительные суммы на болгарские культурные предприятия. Георгиев завещал Софии 6 миллионов франков на постройку университета. Его представителем в Софии был Иван Гешов. Вся Болгария знает, что Гешов вступил в сделку с нотариусом и переделал завещание на себя. Стоявшие у власти стамбуловцы ничего не могли поделать, ибо подлог был совершен в Румынии, с которой у них были контры. Гешов стал богатым человеком, шефом партии и премьером. Его партизаны называются в просторечьи гешефтари—столько же от Гешова, сколько от гешефта. В применение к их управлению приспособлена поговорка: «болгарский народ—мучной мешок», сколько ни выколачивай, всегда что-нибудь останется.

С Гешовым Фердинанд был «в ссоре», не разговаривал. Он примирился с ним только, когда понадобилось прочное, «солидное» министерство, для ответственных внутренних и внешних предприятий, но поставил Гешову условие—создание коалиции с так называемыми прогрессистами, бывшими цанковистами.

Партия либерального оппортуниста Цанкова состояла из профессиональных руссофилов, все ее руководящие люди, как выражаются в Болгарии, «е л и из русского котла». Когда рекламное руссофильство, под ударами политического опыта, утратило в Болгарии прежний кредит, цанковистская партия под руководством молодого адвоката Данева перекрасилась в прогрессивно-либеральную и выработала себе довольно широкую демократическую программу. Это нимало не помешало ей объединиться с гешефтарями.

Так как коалиционное правительство имело решительный руссофильский уклон, то верный всегдашний своей политике Фердинанд, чтоб избежать чрезмерного крена на один бок, поставил во главе армии стамбулиста, находившегося под судом за хищения, генерала С а в о в а, а во главе штаба—генерала Ф и ч е в а, другого стамбулиста, людей из партии с большими антирусскими традициями. Чтобы, с другой стороны, не дать стамбулистам слишком большой роли в армии, на второй

по значению пост был поставлен Радко Дмитриев, близкий к цанковистам руссофил, участвовавший в свое время в низвержении Александра Батенберга. Таким образом все равновесие было построено на системе жестоких внутренних трений и интриг. Дмитриев по возможности игнорировал Савова, по несколько дней не сносился с ним. В свою очередь, Савов на бесспокойно-почтительные запросы своего смертельного врага Гешова о ходе кампании и планах отвечал по телефону солдафонскими грубостями: «не ваше дело», «когда можно будет, скажем» и пр. В этой системе неустойчивого равновесия, основанного на взаимной вражде, Данев занимал особое место: введя в министерство четырех своих «партизанов» (обычное в Болгарии выражение), он себе портфеля не взял, сохраняя на всякий случай свободные руки. Числясь председателем народного собрания, он незаметно присвоил себе функции «канцлера» Болгарии, сосредоточил в своих руках внешние сношения, мчался по Европе из столицы в столицу и воображал при этом, что его значение растет прямо пропорционально километрам его пути и километрам его интервью. Перед Европой Данев выступал посланником от болгарских побед и сам себе казался балканским Бисмарком, хотя был на самом деле лишь словоохотливым адвокатом, подбитым самомнением.

«Мы останемся у власти долго... лет пятнадцать»... полушутя-полусерьезно говорил мне редактор даневского официоза «Болгария», д-р Списаревский. «Побед над Турцией на наш век хватит!»

В новозавоеванных областях прогрессисты уже заводили свои избирательные бюро. Что обладание этими областями совсем еще не обеспечено, об этом никто не хотел думать.

Трудно представить себе, как быстро росла самоуверенность в болгарском обществе после первых же пограничных успехов, особенно же после падения Кирккилиссе. По сравнению с этой крепостью Адрианополь объявлялся «игрушкой». В ответ на цифры и факты, имеющиеся в каждом серьезном справочнике, нетерпеливо пожимали плечами. Когда греки взяли Салоники, а сербы Монастырь, прошло первое облако досад: «почему не

мы?» Что эти города все же достанутся болгарам, никто не сомневался. «Никогда Фердинанд не даст грекам Солуни»,—говорили политики софийских кофеен. «А с греками мы непременно еще подеремся,—прибавляли наиболее откровенные,—только не сейчас, а лет через десять, когда оправимся». «В великой Болгарии будет слишком много греков,—поясняли они,—необходимо будет заставить их жить болгарскими национальными идеалами. А этого-то не достигнем, если не проучим, как следует, Грецию».

«Если греки посмеют настаивать на Салониках, мы непременно доведем дело до войны»,—говорил демократический шеф Малинов, бывший премьер, и жаловался, что цензура не пропускает в телеграммах этой его мысли. Цензура, впрочем, на этот счет скоро смягчилась и не только пропускала, но и поощряла всякие выпады против союзников.

— Румыния? Бессильное, гнилое государство, несмотря на свою культурную позолоту! Пятно боярской реакции на карте Европы! Вторая Турция! Если они посмеют пошевелить пальцем, мы, вернувшись, разнесем их! Мы поднимем их собственное крестьянство! Мы обрушим на их головы аграрную революцию!

О Сербии, о ее армии, о ее политиках — несмотря на то, что союз еще не был поколеблен — отзывались с полным презрением.

Чудовищное самомнение питалось из двух источников: с одной стороны—победами, с другой—режимом солдатской цензуры. Газеты писали только то, что было угодно «щабу». Все, что противоречило видам, настроениям или капризам победоносных генералов, беспощадно вычеркивалось. А за спиною штабной цензуры тогдашний министр почты Франгя, один из самых темных гешефтарей, дополнительно вычеркивал из телеграмм все то, что не нравилось министерству. Софийские газеты превратились в подобострастное эхо военной диктатуры. «Руководящая» европейская пресса пресмыкалась перед победителями и заискивала их симпатий. Ни слова критики или предостережения! Редактора софийской рабочей газеты Христо Кабакчиева комендант Бонев вызвал к себе в комендантство и, показав плеть (она всегда лежала у него на «письменном» столе), разъяснил:

— Если будешь печатать твою газету, я ее вот этой плетью пропечатаю у тебя на спине.

И газету пришлось приостановить.

Кучка людей, которая уверовала, что веками подготовленный разгром Турции есть дело ее собственного гения, ее силы и решительности, вообразила, что она может теперь властно командовать не только своими репортерами и вернопреданными ей иностранными журналистами, но и европейским общественным мнением, а заодно уж Сербией, Грецией и Румынией... Когда отношения достигли последней степени напряжения, Гешов, более других осторожный в своем двойном качестве богача и старика, отступил в сторону. Его место занял Данев, политика которого, как скоро выяснилось, целиком укладывается в формулу: «море по колена».

Недели его господства были неделями стремительного падения с высоты. Было бы бессмысленно обвинять во всем злосчастного софийского Бисмарка. Он только дал наиболее яркое выражение самоуверенности бесшабашному азарту и легкомыслию правящей Болгарии.

На смену ему теперь пришел Радославов, бывший сподвижник Стамбулова, потом его противник, фигура, на софийских улицах очень популярная, хотя и «с другой стороны»,— «палочник», по установившемуся политическому определению. Палка не есть изобретение Радославова, который вообще ничего не изобрел. Палку, как решающий политический фактор, ввели в конституционный обиход Болгарии стамбуловцы. Но у Стамбулова палка была орудием политической идеи. Опасаясь политики русской дипломатии, которая прибирала освобожденную Болгарию к рукам, в качестве будущей придунайской губернии, и не находя опоры в насквозь руссофильском населении, преисполненном еще свежей благодарности к «освободительнице», Стамбулов принялся при помощи палки вколачивать в болгарские головы идею самостоятельной болгарской политики. Радославов унаследовал от Стамбулова палку, но освободил ее от всякой политической идеи, если не считать чистую идею палки. Доктор Радославов стоит с суковатой дубиной в руках, готовый

на всякие поручения. Он выжидает момента политической безвыходности, когда нужны меры чрезвычайные, на которые никто другой не решится. Такой момент и наступил. Министерство иностранных дел, то-есть то министерство, через которое будут проходить вопросы жизни и смерти Болгарии, Фердинанд предоставил не Радославову, а умному Геннадиеву. Формулярный список этого политика тоже не свободен от «особых примечаний». Геннадиев был первое время заклятым врагом Стамбулова, но потом дал себя убедить: аргумент Стамбулова в Софии точно известен и измеряется всего на всего четырехзначным числом. Как утверждают тайные документы Стамбулова, весьма компрометирующие многих лиц, в том числе и князя (NB: стремление овладеть этими документами было одной из причин убийства Стамбулова), перешли через Петкова к Геннадиеву и являются будто бы в его руках важным оружием. К этому нужно еще прибавить, что Геннадиев вместе с Савовым и Пайковым, умершим при входе в народное собрание, в день разбирательства его «дела», составляли наиболее скомпрометированный хищениями триумвират последнего стамбулистского министерства.

Таковы вчерашние и сегодняшние вершители болгарских судеб. Вслед за эфемерной славой побед они взвалили на трудолюбивый и энергичный болгарский народ такую гору несчастий, что трудно предсказать, сумеет ли трудовая Болгария выпрямить спину в ближайшие годы. И горячее сочувствие к беспримерным бедствиям народа, вконец истощенного и распятого меж четырех враждебных армий, естественно сочетается с негодованием против правителей Болгарии и организаторов ее разгрома.

Кризис Болгарии.

Мы у болгарки-землевладелицы в Доранколаке, это уже в самом квадрилатере, в нескольких километрах от старой румыно-болгарской границы. Хозяйка—вдова, энергичная женщина, лет 55. Она училась в первой болгарской женской гимназии, в Старой Загоре еще под турецким игом. У нее два сына и два зятя, все участвовали в войне. Сыновья, агроном и философ-естественник, оторванный от научных занятий в Берлине, проделали весь поход артиллеристами в одной и той же батарее. Старший зять, резервный офицер, служил ротным командиром, но еще во время мобилизации заболел плевритом и пролежал большую часть кампании в Мустафа-паше, в лазарете. Младший зять, военный авиатор, летал, кажется, под Черкес-киой и у Чаталджи. Все четверо вернулись, благодаря счастливому капризу судьбы, невредимыми, философ—с орденом «за храбрость». Оба артиллериста участвовали в сражении Селиолу и Карагаче, в составе знаменитой по своей храбрости Преславской дивизии; во второй, сербской кампании сражались при Султан-тепе. Мать целыми месяцами терзалась неизвестностью, переезжала из Доранколака в Мангалию, к старухе-матери своей и брату, снова возвращалась в опустелый дом и ждала. После одиннадцати месяцев похода, боев, побед, муки и славы, разгрома и отчаянья вернулись воины домой. Сыновья вместе с матерью и младшим зятем оказались румынскими подданными. Они еще целиком во власти пушечной пальбы, ночных тревог и несказанных лишений, а то, что застали дома, в такой степени ни с чем несообразно, что они этому не верят, вот уж больше месяца. Но мать верит,

потому что ведь на ее глазах—в отсутствии сыновей—проходили по этим местам румынские войска, захватывали скот, ловили кур для господ-офицеров и таким наглядным путем учиняли «ректификацию» границ. При ней румынские офицеры пришли к болгарину-лавочнику, хитрому кулаку, который заблаговременно поснимал со стен все болгарские национальные портреты, и потребовали от него, чтобы он повесил у себя в лавке портреты румынской королевской семьи.

— Жестока подигравка!—говорит строгая и прямая женщина с проседью в черных волосах.—Жестока подигравка! (жестокое издевательство).

— Эти два слова, которые повторяет мать,—самая точная характеристика того, что с нами произошло,—говорит философ, молодой человек лет 28-ми, очень образованный и вдумчиво-честный, с ясной и проницательной головой, застенчивый и в то же время отважный в действии и в мысли.—Жестока подигравка, иначе этого нельзя назвать!

— Никто во всей Европе не отдает себе, кажется, полного отчета в том, что здесь, на Балканах, произошло, какое историческое преступление! Много ли в Европе людей, которые знают, что такое Балканы? Есть еще такие,—немного!—которые знают Турцию, Сербию, Грецию, Болгарию в отдельности,—но таких, которые знали бы балканские страны в их взаимных отношениях, которые следили бы за всеми переменами и в каждый момент были сы на посту, таких я не знаю. Наша трагедия в том, что мы зависим от Европы, а между тем Европа нас не знает. Европейская демократия не может даже, как следует, контролировать свою дипломатию в восточном вопросе, так как сама не уверена, что и кого отстаивать. Россия и Австрия играли искони решающую роль на Балканах, и роль эта, к несчастью нашему, и сейчас еще не закончена. А много ли знают о нас в Австрии? Или вы, русские, простите за откровенность, можете ли вы похвалиться знакомством с положением дел на нашем полуострове?

— Помилуйте,—возразил я,—г. Милюков очень твердо знает географию Македонии и уже по одному этому пользуется авторитетом у нашей официальной дипломатии.

— Насчет географии возможно. Но, насколько я имел возможность следить за либеральной русской прессой, я пришел к выводу, что у нее славянофильская фраза сплошь да рядом заменяла анализ действительных отношений.

Над всем болгарским народом в целом произведено настоящее кесарево сечение. Станьте на минуту на место рядового болгарина и судите. Мы оставили 125 тысяч убитыми и ранеными, мы прибавили к 700 милл. франков старого долгу 900 милл. нового. А в результате? Если не считать выхода к Эгейскому морю—без гавани и, главное, без македонского рынка,—то итог таков: мы приобрели несколько тысяч квадр. километров бесплодных гор в Македонии и Фракии и потеряли самую плодоносную часть Болгарии, Добруджу. В Болгарии теперь меньше болгар, чем было до войны. Болгарская Македония отошла к Сербии и Греции, болгарская Добруджа—к Румынии. Подумайте, ради бога, может ли быть что-нибудь трагичнее судьбы македонских болгар! Поистине несправедливость, учиненная над нами, вопиет к небесам. Сколько жертв дала эта провинция во имя своей национальной свободы. Ведь никто, как македонцы, расшатали европейскую Турцию. Сколько жизней сгорело! Одно ильинденское восстание 1903 г. обошлось со всеми своими последствиями не менее как в 30.000 человек... Сербские филологи и историки, подкармливаемые казною, могут высказывать какие угодно соображения насчет национальности македонцев. Но сами-то македонцы чувствуют и сознают себя болгарами, а ведь это—для них, по крайней мере, решает вопрос. И вот эта-то македонская почва, утучненная кровью своих борцов, становится опытным полем для сербских и греческих ассимиляторских экспериментов. Над Болгарией учинен первый раздел, Болгария—это балканская Польша. В преступном расхищении болгарства Сербия и Румыния играли, в конце концов, только страдательную роль, главные виновники—другие. Австро-Венгрия препятствует Сербии, Австро-Венгрия и Россия препятствуют Румынии развиваться к северу по национальной линии и тем самым толкают эти два государства по линии наименьшего сопротивления, на юг, на Болгарию. Если понять этот основной факт, тогда все

балканские события последнего года укладываются в рамки известной закономерности. От этого, однако, не легче: понять внутреннюю логику событий—вовсе еще не значит примириться с нею... Не греки, не сербы, а мы разбили Турцию, между тем наше международное положение теперь несравненно хуже, чем было до войны. Прежде на пути национального объединения болгарства стояла одна Турция,—теперь: Турция, Румыния, Сербия и Греция. Болгарство сознательно и злонамеренно расщеплено между всеми балканскими государствами, по их сговору, и все они связаны страхом перед реваншем. Держать Болгарию в состоянии бессилия их прямой интерес, и при малейшей с ее стороны попытке подняться,—все ее четыре соседа автоматически объединятся и всей своей тяжестью навалятся на нее. А между тем, разгром Болгарии есть не только наше национальное несчастье, но во многих отношениях несчастье международное. Это не преувеличение болгарина-патриота! Огромная роль Болгарии на Балканах определяется уже одним ее географическим положением. Болгары занимают сердцевину полуострова и не соприкасаются непосредственно с великими державами—ни с Австрией, ни с Россией. Это обеспечивает нам гораздо большую свободу во внутренней и внешней политике, чем Сербии и Румынии. Благодаря преимуществам своего положения, Болгария смогла демократизировать свой политический режим (всеобщее избирательное право, пропорциональное представительство, всеобщее обучение). Отделенная с обеих сторон буферами от великих держав, Болгария не плясала ни под русскую, ни под австрийскую дудку или, если хотите, плясала меньше всех других балканских державиц. И это обстоятельство делало Болгарию важнейшим препятствием по пути империалистических аппетитов Европы, осью балканской самостоятельности. Теперь эта ось надломлена с обоих концов, с северо-востока и с юго-запада. Пусть Румыния, Сербия и Греция стали больше после войны и, на первый взгляд, сильнее,—но на самом деле Балканы в целом стали несравненно слабее перед лицом капиталистической Европы. А это делает наш полуостров источником новых опасностей для мирного развития Европы. Да кто же виноват?—спросите, пожалуй, вы, желая

этим сказать, что виноваты сами же болгары или, по крайней мере, болгарское правительство. Я не собираюсь укрывать виноватых, наоборот, готов выдать их головою. Но как бы ни были преступны вершители болгарских судеб, разве же этим исчерпывается вопрос? Основной ошибкой, самой ужасной, фатальной была наша война с Турцией. Вы знаете книгу Angell Norman'а «Великая иллюзия»? Он доказывает, что война никогда не оправдывала своих расходов и в этом смысле всегда была просто ошибкой счета. Балканская война может служить классическим примером ужасающей иллюзии. О, если бы сожженные нами 900 миллионов обратить на развитие промышленности и на народное образование, если бы вернуть нашей хозяйственной и культурной жизни 125 тысяч молодых жизней, среди них цвет нашей интеллигенции,—какие огромные успехи сделали бы мы и на сколько приблизилось бы болгарство к идеалу национального объединения. Сил нет думать теперь обо всем этом!.. Но знаете, после того, как война с Турцией началась, все остальное было уже неотвратимо. Не видеть этого могут только политические слепцы. Из первой войны Болгария вышла победительницей. Но что это значило? Что болгары разбили главную турецкую армию. Но какие приобретения оказались в руках у болгар? Чуждая болгарству Фракия,—только потому, что главные военные силы Турции были сосредоточены во Фракии, а не в Македонии. А болгарская Македония, главная цель болгарской политики, ходом военных операций оказалась механически переданной в руки Сербии и Греции. Вот роковое противоречие первой, победоносной эпохи. На замену Македонии Фракией мог согласиться Фердинанд, чистый империалист, могла согласиться правящая клика, которая еще до войны согласилась разделить Македонию на части, точно ситный пирог, обманывая в то же время народ перспективой объединения болгарства. Но страна не могла на это пойти. Не могли с этим примириться прежде всего сами македонцы, но не мог с этим примириться и болгарский народ, который орошал своей кровью поля Фракии—не ради Фракии, а ради Македонии. Между тем Сербия, отброшенная от Адриатики, не выпускала из рук Македонии, потому что только так

она могла оправдать, по крайней мере, на первое время, перед своим народом понесенные жертвы и поддержать «великую иллюзию». Арбитраж? Я не хочу вдаваться в дипломатические детали, набившие вам, вероятно, оскомину, но я скажу одно. России нужна сильная Сербия, как барьер против Австро-Венгрии, но не сильная Болгария, ибо национально-объединенная, достигшая своих естественных границ Болгария означает вместе с тем Болгарию, совершенно независимую от России. Нет, мы не могли ничего ставить на карту русского арбитража. А это значит, что вторая война была неизбежна. А отсюда уже естественно вытекал, в свою очередь, воровской румынский поход. Предупредить его уступками не было никакой возможности. Нельзя же было в самом деле отдавать румынам ни с того, ни с сего, здорово живешь, часть болгарской земли.—Дайте нам, пожалуйста, Силистрию, она нам, знаете ли, понравилась!—Получайте.—И квадрилатер в придачу, у вас там земля хорошая, хлеб славно родится...—Извольте, извольте!..—Когда до нашего 31-го силистренского полка, набранного из жителей этого самого квадрилатера, дошла весть о том, что правительство согласилось на петербургской конференции, в начале мая, отдать румынам без боя Силистрию, произошло форменное возмущение, на станции Кабакче. Призвали даже для усмирения 15-ый полк, но в дело его не пустили,—не таково совсем было настроение солдат, чтоб можно было их делить на усмирителей и усмиряемых. Уговорили наш полк тем, что это только временная уступка, чтоб развязать себе руки; что—Силистрию вернем, как только подведем счеты с сербами и греками. А что было бы, если б правительство добровольно подарило румынам квадрилатер? Неизбежное возмущение в армии! Наше правительство и радо было бы, вероятно, подкупить Румынию Добруджей, но не смело. Оно развязало себе руки для этого подарка только после неудач болгарской армии на сербо-греческой границе, когда настроение солдат и народа пало и нельзя уж было опасаться сопротивления. Если все это свести воедино, то получится следующая цепь событий: турецкую армию мы разбивали на полях Фракии, поэтому Македонию пришлось оставить для военных операций Сербии и Греции. Чтоб овладеть

Македонией, пришлось выпустить из рук уже завоеванную Фракию. А, когда натиск наш на Македонию был отбит, пришлось за потерю Фракии и Македонии отрезать еще на севере Добруджу и передать лучший ломоть Румынии. Империализм оказался не только предательским, а прямо-таки самоубийственным оружием на службе болгарской национальной идеи. Доказывать это теперь, значит ломиться в раскрытую дверь. Но согласитесь, с другой стороны, что болгарский империализм никоим образом не хуже других империализмов на Балканах: сербского, лишенного в Македонии какой бы то ни было национальной основы, трусливо-торгашеского-греческого, который с минимальными затратами получил максимальные барыши; турецкого, запятнанного вековыми преступлениями и возвратившего себе, однако, Фракию, где турки в меньшинстве; наконец, румынского, за которым нет никаких решительно оправданий, если не считать глупой жадности паразитических клик. Подумайте только: 7.500 румын на 7.500 квадратных километров квадрилатера,— как раз по румыну на квадратный километр! Однако же, смотрите, из всех этих империализмов мудрая и справедливая Европа решила наказать только болгарский. И когда нас обобрали со всех сторон, отсекли нам до локтей руки и до колен ноги, и мы лежим, истекая кровью, Европа—та самая, что установила лондонские границы с болгарскими Адрианополем и во имя своих лондонских решений выводила черногорцев из Скутари, эта Европа пальцем не пошевелила в нашу пользу. Почему? Да потому, что, как я уже сказал, в Болгарии капиталистическая Европа ненавидит главный оплот балканской самостоятельности. Франция нас ненавидит, потому что мы не стали безвольным орудием ее политики реванша. Россия при первом удобном случае прикасается к нам ежовой рукавицей, потому что мы не стали ее покорным орудием против Австрии. Наконец, Австрия не дала нам ничего, кроме чисто-платонической поддержки, потому что болгары ведь не албанцы, которых можно надеяться прибрать к рукам...

Чего стоит, в самом деле, политика Европы, и особенно России в вопросе о Фракии! Конечно, и это я заранее признаю,

Болгария имеет на Фракию не больше прав, чем Турция. Но ведь дело не в этом, а в том, что Россия побуждала Болгарию подписать Букарестский мир, обещая оставить за нею Адрианополь. Великие державы поддерживали фикцию Лондонского договора, чтоб утихомирить нас и приняться затем за собственные не очень чистые дела. Вопрос о Фракии просто стал средством вымогательства концессий в Малой Азии. Вы, великодержавные политики, даже и демократического направления, считаете, что все это в порядке вещей, хотя, мол, и непохвально. А мы не можем возвыситься до этого нравственного объективизма, потому что непохвальный этот порядок вещей выкраивает ремни из нашей спины. Мы не можем не проклинать, когда кровь маленького и храброго народа—наша болгарская кровь—становится разменной монетой на рынке концессий...

— Как я смотрю на ближайшее будущее нашего полуострова? Очень мрачно. И в этой мрачной перспективе мрачнее всего мне представляется судьба болгарства. Что именно произойдет, предсказать трудно, но как бы ни повернулись дела, при всех комбинациях хуже всего придется Болгарии. Болгария станет фондом, из которого Австрия и Россия будут подкармливать своих балканских соседей. Уже в 1879 г. Россия, забрав себе последнюю часть Бессарабии, «успокоила» Румынию при помощи ломтя болгарской Добруджи, Австрия, захватившая Боснию и Герцеговину, систематически направляла при Обреновичах внимание Сербии в сторону Македонии. Это был исторический пролог. Теперь сделан первый решительный шаг на этом пути: Румыния получила остальную часть Добруджи, а Сербия с Грецией—Македонию. И кто вам сказал, что это последнее слово? За первым разделом балканской Польши может легко последовать второй и третий... Я почти вижу эту опасность физическими глазами...

Да, я очень пессимистически настроен, я не считаю исключенной возможность того, что нас всех заграбит Европа, как только управится с азиатской Турцией. Но я все же не хочу отчаиваться. Исправлять роковые последствия 1912—13 годов при помощи новой войны значило бы для Болгарии ринуться вниз головой в пропасть: ее соседи, тесно связанные своим преступлением

против нее, при первой опасности со стороны Болгарии заключают ее на-смерть. Выход лежит на прямо противоположном пути. Автономия Македонии, Фракии и Добруджи, и включение их в обще-балканскую федерацию—это единственно-жизненная программа национально-государственного самосохранения болгарства и обеспечения самостоятельности всего Балканского полуострова. Но если опыт балканской войны обнаружил, что это единственно остающийся для нас путь, то вместе с тем война оставила после себя чрезвычайные психологические препятствия для осуществления балканского союза. И трудно сказать, где таких препятствий больше: в психологии «победителей» или в психологии «побежденных». Удастся ли эти препятствия преодолеть? Не знаю. Но во всяком случае в этой работе мы имеем полное право требовать не только полного к себе внимания, но и активного содействия передовой Европы...

Ни преступлений наших правящих, ни постыдных дел нашей солдатчины я и не думаю отрицать и с возмущением отметаю фальшивое заступничество непризванных наших адвокатов. Но эти черные дела не составляют ведь всей нашей прошлой истории и не предопределяют будущей, как произвол, бесправие, погромы не определяют характер русского народа и не являются свидетельством против его будущего. Долг русской журналистики и особенно той, которая борется против реакционной бестолковщины славянофильства, — выяснять роль и значение свободной, независимой и сильной Болгарии для судеб юго-востока и для мира всей Европы!

— Я вас почти не прерывал во время вашей речи, и вы не раз формулировали свои мысли тоном идейного противника. Но позвольте сказать вам, что у вас нет для этого достаточных оснований. Правда, многое из того, что вы сказали—словами болгарина, сына народа, 500 лет томившегося под турецким игом и начавшего освобождаться лишь треть столетия назад,— я сказал бы другими словами. Некоторые подробности вашей аргументации представляются мне рискованными. Но в основе я с вами совершенно согласен.

Мы пожали друг другу руки.

БОЛГАРИЯ В БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЕ

Перед событиями.

Первые впечатления.

Из Белграда я выехал в Софию 5-го октября, в 6 часов утра. Поезд был битком-набит и подвигался вперед, игнорируя всякие предписания, как бог на душу положит. Добровольцы, резервные офицеры, сестры милосердия, журналисты, поставщики. При поезде салон-вагон с королевичем Александром, который едет к своей армии в Ниш. В нашем купэ г. начальник отделения какого-то из министерств, плотный человек в дырявых шелковых перчатках неутомимо жалуется—мне, резервному офицеру, аптекарю, сербу-студенту из Антверпена и английскому журналисту — на барона Эстурнеля де-Констана и его открытое письмо к черногорскому королю.

У меня в руках немецкая газета со статьей известного военного писателя, бывшего немецкого полковника Гедке, о балканских армиях. Он считает, что из 43 дивизий своего мирного контингента Турция сейчас сможет сосредоточить—в первую эпоху войны—не более 20 активных, одиннадцати—батальонных дивизий против соединенных балканских армий. Это составит около 300.000 человек. С редифами—если предположить, что Турция на первое время поставит на ноги 10, а позже 20 дивизий—турецкая армия может возрасти до 450.000 человек, из них боевых сил—360.000. Для союзных армий Гедке дает очень низкие цифры: 200.000 для болгарской армии (строевых 160.000), 120.000—для сербской (95.000 строевых), 55.000—для греческой (45.000 строевых), наконец, около 35.000 черногорцев. Таким

образом, против 335.000 солдат союзных армий Турция сможет выдвинуть в первый период войны около 360.000 солдат. Данные Гедке относительно болгарской и сербской армий явно преуменьшены—вдвое, если не более. Достаточно сказать, что «Le Jeune Turc» («Младотурок») исчисляет армию союзников в 500—600 тысяч человек. Но те общие выводы, какие делает Гедке, совершенно неотразимы и разделяются всеми зрелыми политиками в Болгарии, как я имел возможность позже убедиться; союзники могут рассчитывать на серьезные военные успехи лишь в первый период, при условии энергичных действий с их стороны; затяжная кампания им не по силам: они сразу выдвинули все, что могли выдвинуть, тогда как в распоряжении Турции остаются еще тяжелые малоазиатские и сирийские резервы.

Статья Гедке становится предметом обсуждения. При этом сербский оптимизм, не оглядывающийся и не взвешивающий, бьет ключем.

— Мы выставим полмиллиона солдат, столько же выставят болгары. Высадка турецкой армии в Бухчасе? Пустяки. Этого Россия никогда не позволит. Черное море—русское море. Два корпуса из Одессы—и Константинополь в руках России. Австрия? Не посмеет. Союзные балканские страны—это новая великая держава. Какие силы нужно теперь мобилизовать Австрии, чтоб вступить на Балканы! Она не посмеет. Германия не хочет войны, не хочет вмешательства. Англия—за нас. Vous êtes nos amis, n'est ce pas? [1]).

Неутомимый г. начальник отделения поощрительно и умильно в одно и то же время теребит за рукав представителя консервативной английской газеты. Тот медленно поднимает глаза от книги в желтой обложке, безразлично-учтиво глядит на г. начальника отделения и после некоторой паузы говорит:

— Oui. (Да).

— А, мы любим англичан. Англичане должны к нам чаще приезжать. Приезжайте к нам, господа. Но—тут г. начальник отделения поднимает руки в шелковых перчатках, как бы для

---

[1]) Вы наши друзья, не так ли?

благословения,—но, господа, ради бога пишите о нас объективно. Мы больше ничего не требуем от вас: пишите о нас объективно. Барон Эстурнель де-Констан... Monsieur, читали вы письмо барона Эстурнеля де-Констана?

Полномочный представитель консервативной английской газеты вынимает изо рта трубку, поворачивает голову градусов на 45 в сторону своего союзника, выдерживает паузу и говорит:

— Non. (Нет.)

Он великолепен, этот посланник от прессы. Его ноги с уверенными в себе плотными округленностями занимают половину купэ. В плотных чулках, в плотных гамашах над огнеупорными подошвами, в ковровом серо-клетчатом костюме, с короткой толстой трубкой лучшего качества в зубах, с выгравированным пробором, с двумя желтыми чемоданами из кожи допотопного животного, он недвижно сидит над книжкой Анатоля Франса «Les dieux ont soif» [1]). Он в первый раз на Балканском полуострове, не понимает ни одного из славянских языков, не говорит ни слова по-немецки, владеет французским лишь настолько, насколько это совместимо с достоинством уважающего себя великобританца, не глядит в окна и ни с кем не разговаривает. Во всеоружии этих качеств он едет обозревать политические судьбы Балкан. Он увидит ровно столько, сколько необходимо публике Вестминстерской Газеты.

Параллельно нашему поезду бежит полоса старого конного и воловьего тракта из Белграда на Константинополь, через Семендрию и Читрию. Сейчас по тракту тянутся гуськом воловьи возы, тяжело нагруженные провиантом, а, может быть, и боевыми припасами. Они кажутся неисчислимыми. Впереди и позади несколько верховых солдат. Все прилипают к окнам. В то время, как поезд обгоняет—не слишком, впрочем, бойко—этот живописный транспорт, я считаю возы. Их 280. В водянисто-голубых глазах англичанина—не решаюсь называть его коллегой—смутно пробивается нечто вроде вопроса. Я объясняю ему, в чем дело. Он выслушивает с видом джентльмена, который делает мне не-

---

[1]) «Боги жаждут».

большое дорожное одолжение, вынимает из зубов трубку, выдерживает музыкальную паузу и говорит:

— Мерси.

Потом вынимает записную книжку в сафьяне, делает в ней несколько иероглифов и снова погружается в Анатоля Франса и в трубку.

Ах, ты, чучело гороховое!

Солнце светит, яркое и благодатное. Земля, которую пересекаем, сплошь «балканится». Лес стоит на солнце зеленый, чуть прохваченный драгоценной желтизной осени. Хорошо... Очень хорошо, но—голодно. Поезд идет с убийственной медленностью, на станциях ничего нельзя достать. Давно небритый провинциальный аптекарь утешает нас тем, что дальше будет еще хуже. «Нужно было запастись в Белграде, messieurs, в Белграде можно решительно все достать!» наставительно и укоризненно говорит нам г. начальник отделения. Уже двенадцать часов, как мы ничего не ели. Наконец, на одной из станций мы с корреспондентом Франкфуртской Газеты добываем в харчевне неподалеку от вокзала по куску колбасы. Можно ли питать к ней доверие? Полминуты колебания, и мы решаем, что доверие питать нет основания, и нужно ее есть—без доверия. Я вхожу с добычей в купэ. Англичанин невозмутимо сидит на своем месте, ни на кого не глядит, не делает никаких попыток добыть пищи (есть в купэ!!!) и стоически преодолевает законы физиологии. Но мне кажется, что пробор его слегка увял.

Разложив на столике, на оберточной бумаге, тугой, пресный хлеб и не заслуживающую доверия колбасу, я стараюсь поймать взор англичанина—как в лондонском парламенте ловят взор спикера—и говорю в извинение своей человеческой слабости:

— A la guerre comme à la guerre [1]).

Посланник из Вестминстера любезно улыбается и, чтоб не дать мне окончательно пасть духом, проявляет порыв разговорчивости: отставив на несколько большее расстояние трубку, он говорит:

---

[1]) Что поделаешь—война!

— Oui, oui. (Да, да.)

Поезд идет убийственно медленно, становится темно, холодно и безразлично. Корреспондент Франкфуртской Газеты, молодой швейцарский немец,—живой, нервный и остроумный, несмотря на это обстоятельство,—рассказывает свои триполитанские впечатления; мы обсуждаем снова со всех сторон балканскую проблему и жалуемся на голод.

Наконец, Ниш. Сквозь стекло можно различить в темноте огромные здания казарм: артиллерийскую, кавалерийскую, инженерную. В Нише самый большой из сербских гарнизонов. Вчера тут было 100.000 солдат, но теперь они уж все на границе. Война здесь еще не объявлена—5-го, в 7 час. веч.

В Софию мы приезжаем на другой день, в 6 часов утра. Контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией разителен. В отеле «Болгария», лучшем в городе, все полно. В вестибюле постоянный вихрь приветствий, восклицаний, распоряжений, перекрестных вопросов. Это господа журналисты со всех концов Европы. В теплых куртках военного покроя, в высоких сапогах или кожаных гетрах, некоторые с хлыстами, они выглядят чрезвычайно воинственно.

5-го октября Фердинанд в старой Загоре огласил манифест, повелевающий болгарскому войску «да навлезе в турските предели». В 8 часов утра начинается расклейка манифеста по улицам Софии. Яркое солнце. У листов манифеста собираются группы, слышится болгарская речь, такая близкая и в то же время такая чужая. В 10 часов молебствие в церкви Святого Краля. Мальчишки шныряют в толпе с полулистами «Утра» и «Речи» и звонко выкликают имена своих газет. В церкви тесно, и полицейские чины сердито наводят порядок. Толпа у церкви растет. Женщины, старики, подростки, иностранцы. Царицу в автомобиле и министров приветствуют громкими криками. К полдню толпа отливает, открываются магазины, хоть мало в них продавцов и почти совсем нет покупателей.

Совокупность всех этих простых, почти будничных действий; плакаты «към белгарския народ» за подписями Фердинанда и его

министров; молебствие в церкви; золотой крест, поднятый над толпою со словами: «сим победиши»; крики «ура»—все это означает, что война объявлена, и что отступления больше нет.

Еще несколько часов дня и ночь—и уже приходят известия о первых стычках болгарского войска с турками, о взятии болгарами города Мустафа-паши и Куш-Кале, о первых раненых и о первых награжденных «за храбрость». Но война, как факт, еще не вошла в мысль и чувство населения. Все живут еще настроением подготовительной эпохи: ждут. Нужно большое первое событие, чтобы война ввинтилась в общественное сознание и безраздельно покорила его себе...

В ожидании этого события, корреспонденты военные и политические—а их тут не менее ста человек—собираются в кафе «Болгария» и жалуются: на цензуру и на неизвестность. И трудно сказать, которая из этих двух хуже.

Нам розданы здесь книжечки, заключающие в себе правила хорошего поведения. Длинный ряд пунктов начинается словами: «Не може да се съобщава... Не се позволява... Забранява се...». И далее: «Не се позволява... не се позволява...». Кроме этой поучительной книжечки, существует цензурная комиссия с капитаном Атанасовым во главе. Капитан Атанасов обаятельнейший человек и его молодые помощники тоже обаятельнейшие люди. Написавши телеграмму, мы даем ее на просмотр капитану Атанасову. Капитан Атанасов внимательно читает нашу телеграмму, но в это время звонит телефон. Капитану Атанасову нужно разговаривать с комендантством. Он говорит: «извините, пожалуйста» и кладет телеграмму на стол. Потом капитан Атанасов освобождается. Опять говорит: «извините, пожалуйста» и читает телеграмму. При этом он делает к ней пояснения, начинающиеся словами: «Не се позволява... Не може да се съобщава». Когда корреспондент приводит свои резоны, капитан Атанасов с улыбкой говорит ему: «Но я прошу вас... mais je vous en prie, monsieur...». И уже после этих слов совершенно невозможно не уступить капитану Атанасову.

Корреспонденты ворчат. Но отставной полковник из Магдебурга, старый военный корреспондент, утешает их: «Это все-

гда так бывает, meine Herren, — даже на швейцарских маневрах».

Жалуются еще корреспонденты на неизвестность. Кого допустят на «театр военных действий», т.-е. с генеральным штабом, кому откажут, когда позволят ехать и как—ничего неизвестно. Отвечают: «уж завтра, наверно, господа, уж поверьте на этот раз: совершенно и окончательно завтра», а день за днем меж тем уходит. «Что же мне, позвольте вас спросить, в третий, что ли, раз брюхо этой самой мечети описывать?»—негодует корреспондент венской «Reichspost». В. И. Немирович-Данченко, настойчивости которого тут все дивятся, рвется на передовые позиции и угрожает, если не дадут сегодня ответа, завтра же уехать, бросив болгарскую армию, так сказать, на произвол судьбы.

Только магдебургский полковник спокоен. «Glauben sie mir, meine Herren» [1]),—говорит он, —на последних швейцарских маневрах нас этаким же вот образом до самого конца проводили. За два часа до «столкновения» обеих армий уверяли, что никак не раньше завтрашнего утра. А на утро дали нам готовый отчет. Так всегда бывает»...

Политические цели войны.

— Каковы политические цели войны? — спрашивал я и в Белграде, и здесь, в Софии, сегодняшних, вчерашних и завтрашних министров. Общая формула была одна и та же: «Улучшение участи наших христианских братьев в Турции».

— В какой форме должно, однако, выразиться это улучшение? Создание Велико-Сербии и сан-стефанской Болгарии? Автономия Старой Сербии и Македонии? Их государственная независимость? Или только широкие административные реформы?

Ответы были разные, смотря по официальному положению и темпераменту. Но одно их объединяло: явная или замаскированная надежда на поддержку России. Г.г. Пашич и Пачу (сербский министр финансов) ссылались на свою ноту, предъявленную Порте: там-де точно выражена их программа. Стоян Новакович, лидер напредняцкой партии, бывший в свое время по-

---

[1]) Поверьте мне, господа.

сланником в Петербурге и Константинополе, а в недавнюю эпоху «аннексионного кризиса»—председателем коалиционного «великого министерства», сказал мне: «Мы хотим самого лучшего для наших соплеменников в Турции. Но, конечно, самым лучшим для них мы считаем—быть вместе с нами». Стоян Рибарац, лидер сербских националистов (бывших либералов), ответил: «Разумеется, война будет целью своей иметь не реформы и не автономию, а полное освобождение и объединение сербства в единой Велико-Сербии.—«Автономия?—ответил на мой вопрос г. Милорад Драшкович, лидер правого крыла младорадикалов—нет, это было бы слишком дешевой ценою».

— Но г. министр-президент говорил мне, что требования Сербии выражены в коллективной ноте балканских держав. А нота не идет так далеко...

— Совершенно верно. Но в данный момент (разговор происходил еще до формального объявления войны) г. Пашич и не может вам ответить иначе.

— А сопротивление Европы?..

— Первым делом нам нужен военный успех,—ответил г. Рибарац,—он явится для нас залогом политических успехов. Со стороны России мы ждем, во всяком случае, поддержки, и притом не так называемой моральной, а вполне действительной. После аннексии Боснии Россия выдала нас головой, и тогда моя партия резко нападала на русскую дипломатию. Но мы надеемся, что общественное мнение успело с того времени направить петербургское правительство на национальный путь.

— Вы спрашиваете о Европе?—ответил Лаза Пачу, идейный вдохновитель старорадикального правительства.—Да, нас пробуют запугать этими 12 миллионами европейских штыков, которые стоят будто бы на страже берлинского трактата и балканского status quo. Но со времени берлинского трактата уже не раз нарушался злополучный турецкий интегритет—при молчаливом или протестующем попустительстве Европы. Австро-Венгрия взяла две сербские провинции, Италия завладела Триполисом—и 12 миллионов штыков оставались спокойными. Что касается России, то ее политика в этом отношении ничем, к со-

жалению, не отличается от политики всех других европейских держав.

— Европа, Европа!—восклицает г. Милорад Драшкович, бывший министр промышленности,—ее нет, этой Европы. Великие державы сами себя не могут найти. Россия? Да, на Россию мы надеемся, и с нами весь сербский народ. Для нас нет двух Россий, официальной и народной,—о чем говорят так часто.—Россия для нас нераздельна. Россия поддержит нас.

— Но г. Пачу...

Красноречивый жест: ничего другого г. Пачу, как активный министр, и не должен был сейчас говорить.

— Разумеется, можно ждать противодействия со стороны великой державы за северной границей,—как политик старого стиля, г. Новакович предпочитает описательные обороты,—но мы ждем всякой поддержки со стороны России. Она не может не помочь нам.

— Вы хотите знать, каковы политические цели войны?—говорит мне один из виднейших болгарских политиков,—официально они выражены в манифесте царя Фердинанда. Но они, разумеется, могут и расшириться,—в зависимости от хода событий. Россия поставила бы крест на своей балканской политике, если бы теперь же не поддержала нас всей силой своего веса. Я имею в виду прямое военное выступление России,—подчеркнул он голосом.—Два корпуса из Одессы сюда на черноморское побережье Турции, под Константинополь—и Балканский полуостров будет очищен от турецкого владычества. Россия получит свободные проливы, южное славянство станет свободным и сильным. Теперь или—никогда, по крайней мере, не скоро!

— Россия обязана нас поддержать,—говорит другой, не менее влиятельный болгарский политик:—она не могла не знать, куда ведет политика балканского союза, она эту политику поддерживала и этим взяла на себя прямую нравственную ответственность за последствия наших действий.

Читатели простят мне этот несколько утомительный подбор цитат из речей «ответственных» сербских и болгарских поли-

тиков. Цитаты эти, однако, во многом поучительны: при всем своем разноречии они единодушно свидетельствуют об одном: о надежде или уверенности, что за оружием балканских держав стоит Россия. Я говорю единодушно, ибо отзывы г.г. Пашича и Пачу, как бы противоречащие этому выводу, на самом деле относились только к официальной политике России, и под этими отзывами мнимого недоумения совершенно отчетливо сквозила уверенность в том, что помимо официальной, на Европу рассчитанной, русской политики миролюбия и status quo, существует еще другая, настоящая русская политика, которая в основном совпадает сейчас с политикой балканских союзников.

Только в оправе этой уверенности, которая, разумеется, должна иметь свои серьезные основания, русским гражданам пока еще неведомые, становится понятной решимость балканских правительств, которая, на первый взгляд, слишком похожа на беспечность...

Спешу оговориться. Балканская война имеет под собой глубокие причины, коренящиеся в условиях национально-экономических и государственных противоречий на этом удивительном полуострове, столь обласканном природой и столь изувеченном историей. Экономическое развитие вызвало здесь рост национального самосознания, а вместе с ним и стремление к национально-государственному самоопределению. Сербия нуждается в свободном выходе к морю. Создание условий нормальной жизни в Македонии является элементарной потребностью для устойчивого и спокойного развития Болгарии. Все это несомненно. На этой почве сложились боевые настроения не только в среде политических верхов, но и в широких народных массах, насколько они успели открыться моему наблюдению. Так, несмотря на то, что социалистические партии Сербии и Болгарии решительно протестовали против войны, мне приходилось встречать довольно многих социалистов, захваченных общим национально-патриотическим движением. Я видел здесь в больнице первую группу болгарских раненых и говорил с ними; они, несомненно, охвачены национальным воодушевлением, с гордостью говорят о наступательном движении болгарской армии,

о предстоящем освобождении братьев,—и это не солдаты, взятые из казармы, а резервисты, т.-е. доподлинные болгарские мужики... Было бы, следовательно, ошибкой думать, что война искусственно вызвана сверху. Нет, инициатива правительства нашла несомненно известные встречные настроения снизу. Но политическое самосознание масс здесь настолько еще примитивно, что от известных настроений народа до политических действий всегда остается большой путь. В массе своей народ политически беспомощен. Партии и клики имеют поэтому широкую возможность инициативы, давления и произвола. Без правительственной политики, направленной на войну, войны не было бы, по крайней мере, теперь. Этой политики балканских правительств не было бы, в свою очередь, без их законной или незаконной уверенности, что они действуют сообразно видам России.

Около Кирккилиссе.

Взятие Лозенграда.

Вчерашний день был для Софии днем большого праздника: в шестом часу вечера военный министр получил из Старой Загоры от главного штаба телеграфное извещение о том, что взят Кирккилиссе (Лозенград), турецкая крепость к востоку от Адрианополя, в 60 километрах от болгарской границы. Этой вести нетерпеливо ждали несколько дней, штатские политики из кафэ «Болгария» уже несколько раз в течение последних дней получали из самых что ни на есть достоверных источников известие о том, что Лозенград взят. Софийская пресса также уже не раз срывала Лозенград до основания. После первых, чисто второстепенных «побед» у Тымрыша, Джуман, Мустафа-паши и пр. население ждало несомненного, подлинного успеха. Наконец, 11-го, в 4 часа пополудни Кирккилиссе, действительно, был взят. Появились знамена.

Сидя уже здесь, на балканской почве, я не «верил» в войну, т.-е. внутренно еще не воспринял ее. После Кирккилиссе я этого не могу повторить. Война есть. Я ощущал ее. Я был в больнице Красного Креста и видел там первых болгарских раненых в первых сражениях 5-го октября, при взятии Тымрыша и под Хасковым. А в $5^1/_4$, находясь в помещении министерства иностранных дел, я узнал, что взят Кирккилиссе.

В течение последних трех дней уличная молва особенно часто «брала» Лозенград. Но каждый раз телеграмма генерального штаба оповещала лишь о новом приближении восточной армии к Лозенграду. И только сегодня телеграмма из штаба принесла

несомненное известие о падении первой серьезной турецкой позиции. Около 5 часов какой-то майор прокричал толпе эту весть с балкона военного министерства и разбросал коротенький печатный бюллетень. Несколько тысяч человек окружили военное министерство. Вскоре на улице появилась манифестирующая молодежь. Национальные знамена показались над толпой, в окнах и над крышами. Военный министр высунулся в окно и сказал небольшую речь в славу Болгарии и болгарских юнаков. Через четверть часа электрические токи национального энтузиазма пронизали всю атмосферу Софии, толпа запрудила улицы, прохожие снова и снова повторяли радостную весть, поздравляли друг друга, кричали «ура», приветствовали бурными возгласами греческого посланника перед отелем «Болгария». Толпа подхватила на руки греческого посланника и софийского корреспондента лондонского «Таймс'а», м-ра Баучера, который здесь является чем-то вроде лорд-протектора болгарского народа. Знамена появились над воротами, над окнами, на крышах. Прошло факельное шествие, подростки стреляли вверх из револьверов. Подходили к дворцу, тщетно пытаясь вызвать царицу (Фердинанд в Старой Загоре). Кричали «ура», пели «Марш, марш, Лозенград наш». Прохожие поздравляли друг друга и несчетно повторяли краткую весть, стараясь выжать из нее подробности, которых она в себе не заключала. 25.000 пленных!—сообщили мне на почте, где я—в невероятной давке и суматохе—сдавал срочную телеграмму.—Сколько пленных?—спросил меня болгарский журналист.—Говорят 25.000. —Неверно,—ответил он с возмущением в голосе:—35.000!—А когда я, через четверть часа, пробивался сквозь толпу в свой отель, мальчики продавали особую «притурку» (приложение) к «Камбане», где значилось: «пленных 40.000, в том числе морской министр Мухтар-паша, принц Абдул-Халим и много других пашей. Сверх того захвачено: 118 орудий, 40.000 маузеров, миллион килограммов припасов, 10.000 палаток, 4 склада» и пр., и пр.

Не было никакого сомнения, что эти данные чудовищно преувеличены. Лозенград был взят в 4 часа дня, «притурка» вышла

здесь в свет в половине седьмого: за этот короткий срок победители не могли, конечно, успеть подсчитать своих пленных и свои трофеи, и не приходилось бы удивляться, если бы сообщенные ими, по первому впечатлению, данные оказались преувеличенными вдвое, втрое или более. Так и есть,—и даже более того.

Взятие Кирккилиссе представляет собою несомненно крупный факт, в известном смысле этим фактом начинается болгаро-турецкая война. Взятие первой крепости—«после упорного боя», гласит штабная телеграмма—должно в высокой мере укрепить доверие населения к армии и доверие армии к командирам и к самой себе. На востоке от Адрианополя восточная болгарская армия получает опорный пункт и облегчает себе таким образом и наступление на Адрианополь, с западной менее защищенной стороны, и движение на юго-восток к Константинополю. В какой мере сдача Кирккилиссе способна деморализовать турецких солдат, отсюда трудно судить; но теоретически можно принять, что моральный плюс на болгарской стороне должен отозваться моральным минусом на турецкой. Было бы, однако, большой ошибкой принимать на веру ту оптимистическую оценку вчерашней победы и всего вообще положения, какая тут передается из уст в уста.

Софийская пресса, в своем большинстве прямо таки бесстыдная в деле фактической «информации», дала уже вчера совершенно чудовищный каталог лозенградских трофеев: 40.000 пленных, 40.000 ружей, сотни пушек, миллионы килограммов провизии; среди пленников—принцы, министры, паши... только принцесс и павлинов не хватало. Некоторые европейские корреспонденты немедленно же протелеграфировали эти сенсационные данные своим газетам, и возможно, что завтра пленные принцы и паши прибудут к вам по телеграфу уже из Берлина или Парижа. А на самом деле весь перечень трофеев высосан из собственных неопрятных пальцев авторами газетных «притурок».

Никаких официальных сведений о количестве пленных, а также и о количестве жертв с болгарской стороны из главной квартиры до сих пор не получено. А со взятия Кирккилиссе

прошло уже более 30 часов. Прибытие из Мустафа-паши 320 пленных (из них 20 православных болгар, 2 армянина, 1 еврей-горец, остальные — турки) снова приподняло настроение уличной толпы. Пленники—в красных и серых фесках, одеты порядочно, не в рвань. Толпа относилась к ним с оживленным любопытством, мальчишки кричали ура. Но к обеду более внимательные люди стали беспокоиться по поводу отсутствия каких бы то ни было дальнейших сведений из Кирккилиссе. Можно было бы предположить, что болгарская армия понесла много жертв, и что этого не хотят сообщать населению. Но почему в таком случае не сообщают о трофеях, умалчивая о жертвах? Очевидно, трофеев не много.

Во всяком случае заключать от судьбы Кирккилиссе к судьбе Адрианополя, как это делают здесь со вчерашнего дня почти все, нет никакой разумной возможности. Кирккилиссе по широкой периферии своей защищен земляными укреплениями и всего только тремя постоянными фортами. В Адрианополе же 17 фортов, расположенных на протяжении 40 километров. К этому достаточно прибавить, что в Адрианополе в мирное время стоят 5 полков крепостной артиллерии и 2 независимых батальона, тогда как в Кирккилиссе—всего-на-всего 1 артиллерийский полк. Адрианополю турки придают значение ключа к Константинополю, здесь они сосредоточили несомненно серьезные силы, а оборону в Кирккилиссе вели, главным образом, чтобы выгадать время, ибо время для них все. Преимущества болгар состоят в большей скорости мобилизации и передвижения армии, в ее однородности и воодушевлении. Преимущества турок—в несравненно большем человеческом резервуаре и более широких финансовых возможностях. Каждый лишний день позволяет Турции мобилизовать свои азиатские войска и приближать их к главному театру будущих военных операций: адрианопольскому вилайету и чаталджийскому мутесарифату.

Политическим объектом войны являются Македония и Старая Сербия. Но главным театром военных действий должно явиться пространство между Адрианополем и Константинополем. Сообразно с этим, главную тяжесть войны будет нести на

себе болгарская армия. Сербы, черногорцы и греки имеют основной задачей своей держать в связанном состоянии западную турецкую армию и отдельные гарнизоны в Македонии и Албании, что, конечно, не исключает и там серьезных сражений.

* * *

«Довольно побед!»

Кирккилиссе взят. Что же дальше?

Как смотрят на военное положение командующие военные круги и власти, чего они ждут в дальнейшем,—этого мы не знаем: смешно было бы от них ждать на эту тему откровенных признаний. Но люди с ясной головою, политики, не поддающиеся стихийным настроениям, совершенно чужды того оптимизма, которому путь между Софией и Царьградом представляется, как путь непрерывных блестящих побед.

Один из руководящих политиков партии, которая сейчас не стоит у власти—имя своего собеседника я лишен возможности назвать,—говорил мне еще до взятия Кирккилиссе: «У нас очень хорошая армия, мы тратим на нее очень много денег, гораздо больше, чем можем, наши люди настроены воинственно—я надеюсь на победы. Победы эти нужны нам. Мы непомерно много брали у народа на армию, которая 28 лет оставалась в бездействии. Мы взвалили на себя ответственность за судьбы Македонии, полтора десятилетия этот вопрос держит в напряжении общественное мнение страны. Македонские переселенцы—а их у нас сотни тысяч, они играют крупную роль в коммерческой, политической и газетной сферах—не дают нам ни на день отойти от Македонии. В надежде на нас поднимались многотысячные крестьянские восстания в Македонии, в надежде на нас создавались там четы, именем Македонии мы приучили народ нести на себе тяжесть нашего военного бюджета. Македонский вопрос—фермент постоянного брожения, смуты и неуверенности в нашей стране. Мы надеялись на младотурецкий переворот, поверьте мне: искренно надеялись, ждали установления нормальных отношений в Македонии, думали, что сможем сбросить с себя гору военных тягот: нам средства нужны для школ, железных дорог, мелиорации и многого другого. Но младотурки не сумели прибли-

зить Балканы к разрешению македонского вопроса. Появились опять четы, началась массовая эмиграция в Америку, турки выдвинули проект заселения Македонии мусульманами, наши болгарские македонцы пришли в отчаяние, начались угрозы министрам и царю Фердинанду, население роптало, отказываясь признавать значение дорого стоящей армии, которая неспособна освободить македонских братьев, а ко всему этому обострялось недовольство и в военных кругах, офицерство угрюмо шепталось, и можно было опасаться осложнений по греческому образцу. Таким образом, война явилась для нас внутренней политической необходимостью. Я уверен, что самый факт этой войны—независимо даже от наших побед или поражений—изменит к лучшему положение в Македонии, заставив, наконец, Европу понять, что этот маленький уголок, если не ввести там человеческих порядков, останется постоянной угрозой миру на Балканах и во всей Европе. В отличие от наших союзников, сербов, мы не задаемся широкими планами, которые вернее бы, может быть, назвать мечтами. Мы хотим удаления из Македонии турецких военных орд и введения упорядоченного самостоятельного управления. Этого Европа не сможет не санкционировать в результате нашей войны. Но вряд ли многим больше. Именно поэтому война должна быть прекращена, как можно раньше. Платонические победы нам слишком дорого обойдутся, и долго мы их не выдержим. Главная тяжесть войны естественно ложится на Болгарию, а враг наш еще очень и очень силен. В этом наше нынешнее правительство, состоящее из людей очень осторожных, отдает себе, несомненно, ясный отчет. У Турции 23—24 миллиона населения, это очень большой резервуар. А мы уже поставили под ружье все, что имели. Нас четыре с половиною миллиона. Больше нам неоткуда взять солдат. Энергией натиска мы можем вырвать у турок несколько блестящих побед—и довольно. Ибо каждая дальнейшая победа может стать для нас петлею. Где у нас силы, чтобы удержать завоеванное? Турция медленна и непоровотлива, но она имеет возможность доставлять из своих азиатских владений все новые войска, хотя бы через Мидию, и располагать их у Адрианополя или дальше на юго-восток, за Анастасиевой сте-

ною, у неприступных чаталджийских укреплений. Тут достаточно расположить 50.000 солдат, чтобы запереть дорогу к Константинополю армии в 500.000 душ. Большой войны с Турцией мы не выдержим ни в военном, ни в финансовом отношении. Было бы преступлением обманывать себя. Чем раньше мы учтем политически наши победы, тем лучше будет для нас. Вмешательство Европы, а это значит прежде всего—России, является для нас жизненной необходимостью. Россия должна поторопиться крикнуть нам: «Довольно побед, остановитесь!»

Таково мнение болгарского политика, одного из тех, которые попеременно стоят здесь у кормила власти. И это отнюдь не единичное мнение.

После Киркилиссе.

Трагическое и повседневное уже сочетались в какой-то необходимой для поддержания жизни пропорции, сложилось и некоторое неустойчивое равновесие войны и мира. Война всасывает в себя все новые и новые свежие силы и выбрасывает к нам сюда отработанный человеческий материал: раненых и пленных.

Киркилиссе был взят 11-го. После того наступило несколько дней затишья. Что происходило на главном театре военных действий, никто не знал. Тайна, которая окружает операции болгарской армии, в своем роде поразительна—именно тем, что это действительно тайна. Что обеспечивает ее? Во всяком случае не одни только цензурные меры генерального штаба. Гораздо бо́льшую роль играет бесспорно относительная малочисленность и малокультурность населения тех областей, где развертываются военные операции. Никакая цензура не смогла бы укрыть направления армии, которой пришлось бы передвигаться по полям Франции или Германии. 18-го вечером Гешов запросил главную квартиру, что слышно у Адрианополя; ему ответили, что дело сейчас не в Адрианополе. Слух об этом моментально обошел все кафе. И тут можно было наблюдать любопытное психологическое явление. После взятия Кирккилиссе все мысли были устремлены на «Одрин» (Адрианополь). Здесь сильно преувеличивали мощь кирккилисских укреплений за счет адрианопольских. Даже самая осторожная попытка внести необхо-

димую поправку в оценку относительной силы обеих крепостей встречала в разговорах крайне резкий отпор. «Может быть, логически вы и правы,—говорили наиболее уравновешенные,—но наша армия не двинется к югу, не взяв Адрианополя. Одрин—это сейчас национальная потребность. Савов накануне войны говорил: положим 20.000 душ, но Одрин возьмем». Когда болгары заняли Бабаэски и подошли к Люле-Бургас, так что стратегическая ситуация могла считаться окончательно выяснившейся, возражали: «Это лишь второстепенные силы; главная армия у Адрианополя; завтра-послезавтра мы получим телеграмму о его падении». Когда же пришли достоверные сведения о сосредоточении 1-й и 3-й болгарских армий против турецких позиций на реке Эргене, общественная мысль безболезненно снялась с адрианопольских позиций и перенеслась на 50 верст к югу; никто не говорил больше, что немедленное взятие Одрина есть национальная потребность. Выразительная иллюстрация к вопросу о роли фетишей и мнимых величин в общественной психологии!

Только спустя двое суток, официально сообщили о захваченных в Кирккилиссе трофеях: 1.200 пленных, 2 аэроплана, 46 пушек, 12 тяжелых орудий и архив гарнизона. Это, во всяком случае, гораздо меньше того, что здесь ожидалось... Мнимо-«достоверные» частные источники и совершенно недостоверные софийские газеты сообщали о десятках тысяч пленных с ружьями, провиантскими складами, палатками и пр. О количестве убитых и раненых с той и другой стороны официальное извещение не говорит ни слова. Частным образом, министры утверждают, что раненых мало. Это вполне вероятно,—т.-е. что жертв относительно мало,—ибо все заставляет предполагать, что турки совершенно не надеялись отстоять Кирккилиссе и защищались, главным образом, для того, чтобы выиграть время. Если это верно,—значит турки отступили своевременно, оставив для прикрытия артиллерийский батальон, который и взят был болгарами в плен. Ходячая здесь характеристика лозенградской крепости резко расходится с данными европейской печати. Военный министр генерал Никифоров прямо заявил, что Лозенград это вторая Плевна, что укрепления несравненно совершеннее

адрианопольских укреплений. Газеты цитируют такое же мнение Гольц-паши, хотя—принимая во внимания характер здешних газет—это вовсе еще не значит, что реорганизатор турецкой армии когда-либо подобное мнение действительно высказывал. Между тем, по очень авторитетным европейским источникам, Кирккилиссе не может итти ни в какое сравнение с Адрианополем. По выработанному в 1882 г. плану путь к Босфору и Мраморному морю должен был быть загражден четыреугольником из четырех крепостей: Адрианополь, Кирккилиссе, Бабаэски и Люле-Бургас. Из этого плана осуществлена была только одна его часть: оборудование Адрианополя, расположенного в 50 километрах от болгарской границы. Адрианополь укреплен 17 сильными фортами, распределенными на протяжении 40 километров. Что же касается Кирккилиссе, отстоящего от границы на 60 километров, то он представляет собою широко развернутые земляные укрепления при всего только трех фортах. Какова была турецкая сравнительная оценка Адрианополя и Кирккилиссе, видно из распределения военных сил в обеих крепостях. Из 13 полков и 7 батальонов турецкой крепостной артиллерии в мирное время расположены: 2 полка на Босфоре, 2 на Дарданеллах, 5 (пять!) полков и 2 батальона в Адрианополе и только один полк в Кирккилиссе. Этих данных, на наш взгляд, совершенно достаточно, чтобы не разделять широко распространенного и тщательно культивируемого здесь оптимизма насчет ближайшей участи Адрианополя.

* * *

И г. Тодоров, нынешний министр финансов, и г. Ляпчев, его предшественник, с большим удовлетворением говорили мне о состоянии болгарских государственных финансов. Национальный банк может предоставить в распоряжение государства около 80 миллионов франков золота. Из этой суммы 10 миллионов депонированы в парижском и нидерландском банках, как гарантия уплаты по займам. Остается еще возможность расширения бумажно-денежного обращения, но эта возможность имеет свои

естественные пределы, которые эмпирически устанавливаются возрастанием лажа на золото. На государственном иждивении находятся уже в течение почти четырех недель свыше 360.000 душ, и число это все возрастает, приближаясь к 450.000. Расход на солдата в день равен приблизительно 5 франкам. Это составляет ежедневный расход в 2 миллиона франков, или 60 миллионов в месяц! Уже этот короткий расчет показывает, что Болгария, как и ее союзники, не может тянуть войны в течение месяцев, а должна стремиться закончить ее в недели.

Но финансовая сторона дела не является, пожалуй, самой важной. Соотношение сил Болгарии и Турции еще более властно требует форсированного ведения кампании. Об этом говорилось уже не раз: каждый лишний день дает возможность Турции мобилизовать ее азиатские резервы и сосредоточить их на том пространстве, где будет решена судьба всего балканского предприятия: между Адрианополем и Константинополем. С начала мобилизации прошло уже 26 дней. Борьба за обладание Адрианополем должна была бы отнять еще недели, а за это время Абдуллах-паша мог бы подвести к фортам Адрианополя полевую армию в 200-300 тысяч душ. Вся болгарская тактика может и должна быть поэтому рассчитана на быстроту и натиск. А при таких условиях совершенно естественным является предположение, что главная болгарская армия не станет терять времени под адрианопольскими стенами. Оставив там отряд, достаточный для того, чтобы держать в связанном состоянии адрианопольский гарнизон, сама отправится (вернее сказать: отправилась) от Кирккилиссе к югу—искать столкновений с той главной турецкой армией, которую Абдуллах-паша успел до настоящего времени объединить под своей командой.

Изнанка победы.

Два потока. До сих пор война являлась нам одной своей стороной: она уводила из деревень и городов цвет мужского населения, погружала в поезда и отправляла на театры будущих военных действий. Этот процесс еще не закончился, мобилизация доделывает свое дело, одновременно идет набор рекрутов, воинские поезда продолжают выкачивать трудовое население страны. Но навстречу идет уже другой поток. Поезда в течение двух последних дней не только отвозят, но и привозят. Великая убыль частично замещается. Я говорю о прибывающих транспортах—раненых и пленных.

Прибытие раненых не успело еще наложить траурного отпечатка на жизнь города: прежде всего, раненых пока немного здесь: две-три сотни; притом, это не софийцы, а все люди из далеких мест. Раненые софийцы размещены в Филиппополе, Сливне и других местах. В больнице Красного Креста еще много свободных кроватей, у сестер еще свежий, неистомленный, неистерзанный вид, дамы из богатого софийского круга приносят с собой в больничные палаты цветы и запах духов, снимают с правой руки перчатку и красивыми нежными пальцами гладят больным лоб и щеки, покрытые холодной испариной... Пленных еще мало, и они в диковинку. Ими интересуются, разглядывают их и «интервьюируют». Вчера из Мустафа-Паши прибыло 320 душ, в том числе 20 болгар (православных), 2 армянина, 1 горец-еврей; остальные—турки.

Но их будет все больше—и тех, и других. Теснее придется составить койки в софийских больницах, сестры не будут успе-

вать сменять свои белые передники каждый раз, когда на них брызнет свежая кровь, глаза у сестер будут не оживленно-приветливые, как сейчас, а устало-воспаленные и нехватит в Софии цветов, которыми теперь дамы украшают больничные палаты...

* * *

Едва была объявлена мобилизация, как на Балканы потянулись журналисты всех стран. Они заполняли в Белграде и в Софии все отели, кафе и приемные министров. Бранили министров, когда те отказывали в интервью, бранили телеграфистов за слишком медлительную работу, бранили правительство и генеральный штаб, которые слишком долго не открывали военных действий. Время от времени им давали понять, что война ведется собственно говоря, не для синематографов и газет, что для военных действий имеются и другие побудительные причины. Вскоре после открытия военных действий журналисты—за небольшими исключениями—уехали с главными квартирами, опустели отели и кафе. Теперь им на смену приезжают санитары: русские, немцы, австрийцы, чехи. С красными крестами на предплечных повязках, с сумочками через плечо, они бродят группами по улицам, ожидая «назначения». Встретил вчера нескольких русских сестер, которые с растерянным любопытством проталкивались сквозь толпу.

— Ждем вот назначения. Говорят, нас в самый этот... куда это сказывали?

— Будто в Лозевый...

— Может быть, в Лозенград?

— Так и есть,—обрадовалась сестра:—в Лозенград... А верно это говорят, будто болгары опять турок разбили.

— Верно: под Люле-Бургасом.

— Это хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо!—уверенно говорит сестра.

* * *

Дважды ездил смотреть пленных, помещающихся в казарме 4-го крепостного артиллерийского полка. Для этого приходилось предварительно отправляться в комендантство хлопотать о разрешении.

Благодаря военному положению, в комендантстве сосредоточены теперь все административные нити. Душно, тесно, накурено и шумно. Обстановка, приемы, слова и жесты—наши, родные, российские. Вот какой-то пожилой, по-городскому одетый, человек просит о пропускном свидетельстве в Филиппополь, где у него сын раненый в госпитале. Шепчется о чем-то с помощником коменданта...

— Ну ладно, поезжай. Только никому не говори, что я разрешил тебе: чтоб не приставали.

Немец в штатском, но с военной выправкой, тычет без слов какую-то бумагу. Помощник его не понимает, приходится служить переводчиком. Оказывается, немец—фельдфебель германского имени Фердинанда болгарского полка, вызвался добровольцем в болгарскую армию, приехал сюда на свой счет, но вот уж второй день никак не добьется толку...

— Скажите ему, пожалуйста, чтоб он шел к адъютанту военного министра. Если оттуда будет предписание, я выдам ему проходное свидетельство и бесплатный билет до Старой Загоры.

— Да он дважды уже был в военном министерстве. Там его к адъютанту не пустили, а послали сюда. Может, вы по телефону справитесь в министерстве?

— Не дозвонишься: телефон военного министерства все время занят. Да и что он там будет делать в армии без языка, немец этот самый?

— Говорит, что разберется. Мы, немцы,—говорит,—знаем, что делать на военном поле. Болгарский посланник ему в Берлине,—говорит,—обещал, что он будет принят в действующую армию и представлен царю, шефу его полка.

Разрешение посетить пленных готово, и я покидаю злополучного немецкого фельдфебеля, который собрался бить турок—по той собственно причине, что полк его зовется именем царя Фердинанда...

* * *

Ополченец у ворот казармы пытался было не пустить нас. Мы показали ему бумагу. Но он оказался неграмотным, и бумага не произвела на него никакого впечатления. Позвали старшего, и дело уладилось. В огромном четырехугольнике двора, фасад которого образует казарма, а три стороны—конюшни, стоят лошади, группы ополченцев и новобранцев, десятка два пленных вывозят в тачках из конюшни навоз. Мы хотим снять эту картину, но старший не дает.

— Да ведь у нас специальное разрешение есть на это?

— Уж вы завтра приходите, когда они обедать будут, тогда и снимете. А теперь чего их снимать...

Мы долго добиваемся, в чем тут дело. Оказывается, начальство не хочет, чтоб пленных снимали за работой: в Европе, мол, скажут, что болгарское правительство дурно обращается с пленниками, навоз заставляет возить. Так далеко здесь заходит забота об европейском общественном мнении.

Заведующий казармами резервный офицер ведет нас к пленным. Стук в дверь; дневальный изнутри отворяет ее, и мы входим в первое помещение. Здесь человек полтораста. Вдоль стен и посредине—в четыре ряда—тесно примыкая друг к другу, расположены на полу соломенники в старых, грязных чехлах. На них лежат и сидят пленные турки. При нашем появлении почти все торопливо вскакивают и становятся руки по-швам. Все в лаптях или опорках, в портянках, тщательно намотанных на ноги, в солдатских штанах и куртках серо-зеленого защитного цвета, в таких же фесках, некоторые—в красных. Лица... разные человеческие лица. У одних добродушные или безразличные, у других угрюмые или озлобленные. Есть совсем молодые, есть и пожилые. Они тут лежали на своих соломенных мешках, переговаривались, вспоминали или дремали. Наш приход взбудоражил их. Некоторые, повидимому, решили, что с офицером идет нивесть какое начальство, которое, может быть, внесет сейчас перемену в их судьбу: внимательно и недоверчиво провожают они нас взглядом. Человек десять демонстративно не встают. Другие притворяются спящими. В углу один пленный бреет другого; третий дожидается очереди.

— Насчет бритья они очень строго за собой следят,—говорит офицер. —А так, вообще—грязный народ.

Во втором помещении та же картина. В третьем—нет мешков. На полу разбросана солома, уже загрязнившаяся и слежавшаяся. Тут еще теснее и непригляднее, чем в двух других помещениях. При входе нашем встают лишь немногие.

— Вот и все, господа,—говорит офицер.—Их у меня всего 403 человека, двое сейчас в больнице. Человек 30—40 болгар, греков и армян, остальные—турки. Взяты они в Скечи, и под Мустафа-Пашей. А снимать приходите завтра в 12, когда они обедают. Это гораздо интереснее, уверяю вас. Они тогда располагаются во дворе очень живописными группами.

Сегодня опять ездил в артиллерийские казармы. Во дворе, у дверей с надписью «готварница» (кухня) стояло человек 50, с большими жестяными мисками и ведрами,—видимо, артельные старосты. «Дур бакалам, дур бакалам! («подождите»)—говорил слишком нетерпеливым резервный солдат у кухонных дверей. На дворе в турках не было ничего «пленного». Они мало чем отличались от болгарских новобранцев, тут же дожидающихся обеда. Ели группами, поджав ноги вокруг миски. Чорбы (щей с мясом) давали вволю, потом еще какое-то варево. Турки ели молча, сосредоточенно, не обгоняя друг друга, съедали все, облизывали ложки и пальцы—честно ели, по-мужицки.

— А как они, не тоскуют?—спрашиваю болгарина-ополченца, говорящего по-турецки.

— Как не тосковать—тоскуют. Все больше семейные. Ждут, когда все кончится, и их к семьям отпустят. Они все новобранцы, даром что немолодые. У них ведь так: несколько наборов откупается, а потом денег нехватит—и заберут. Военного дела они нисколько не знают. Забрали их без боя, сами сдались.

— А не боятся?

— Нет, теперь не боятся. По вечерам песни свои поют. Эй, ребята,—обратился он к пленным,—кто хочет, там на кухне еще чорба осталась...

* * *

Видел на почте трех русских добровольцев. Не порадовали они моего патриотического сердца.

У почтового окошечка какой-то бритый господин в штатском платье, но при шпаге, жаловался почтовым чиновникам но чью-то недисциплинированность. Говорил он по-русски, щеголяя отдельными болгарскими словами; говорил не твердо, и сильно несло от него вином. Почтовые чиновники чуть переглядывались, но вежливо соглашались: конечно, мол, дисциплина—вещь необходимая...

— Па-милте,—говорил господин со шпагой.—Да если он, с. с., без дисциплины, дэ-эк он мне, господа, на голову, с. с., сядет...

Двое русских добровольцев, почти мальчики, рассказывали мне, что они откуда-то пешком пришли в Одессу, оттуда в Рущук—на пароходе. Что-то в обоих болезненно-крикливое и требовательное.

— А вот слышали, как турки поступают: выкинут белый флаг, а потом на близком расстоянии стреляют. Ведь это чорт знает что такое, а? Как вы находите, а?

— Да, нехорошо.

— Ведь это же запрещено, что ж это в самом деле за безобразие. Как это нам придется сражаться при таких условиях, а?

— А вы, господа, на белый флаг не подавайтесь.

— Да, уж придется видно принять меры...

— Ну, всего хорошего, господа.

* * *

У пленных офицеров.

С любезным разрешением софийского комендантства в кармане мы направились в отель «Стара Загора».

Когда-то, говорят, это была гостиница, что называется, первого ранга. Но за последнее десятилетие понятие о первом ранге здесь сильно изменилось, уровень жизни верхов быстро повысился, появились отели с электричеством, паровым отоплением, подъемными машинами и гарсонами на трех языках. Такие

отельные цитадели, как «Македония», должны были потесниться и уступить первое, а затем и второе место щеголеватым parvenus. Сейчас в «Старой Загоре» отведено помещение пленным турецким офицерам.

В отельном кафе со старыми портретами, прокопченным потолком и сакраментальной надписью над буфетом: «Кредит нема», мы познакомились с десятью офицерами, взятыми в плен в Кирккилиссе и под Гечкенлией. Пехотный капитан Р. (он просил нас не называть его имени) служил посредником между нами и его остальными девятью товарищами по несчастью. Один только капитан Р. был ранен, остальные захвачены в плен совершенно здоровыми.

— Наша дивизия,—рассказывает нам капитан,—была направлена из Константинополя до Бабаэски по железной дороге, а оттуда пешком на Гечкенлию между Адрианополем и Кирккилиссе, приблизительно в тридцати километрах от Бабаэски, где и произошло это несчастное для нас сражение. С болгарской стороны была, повидимому, тоже дивизия. Я был болен уже до сражения, ранен в самом начале и потому мало могу вам сказать о ходе боевых действий, знаю только, что нам пришлось очистить позицию, и что в плен взято было четыре офицера и около двадцати турецких солдат.

— Европейская пресса объясняет причину турецких поражений тем обстоятельством, что ваше офицерство слишком ревностно занималось политикой в ущерб военному делу. Верно ли это?

На интеллигентном лице капитана появилась уклончивая улыбка.

— Простите, если этот вопрос вы считаете неудобным...

— Нет, почему же... Я вам отвечу, как могу. Я лично совсем не политик. Я—солдат и занят всегда только выполнением своего долга. Что касается офицерства в целом, то, может быть, мнение европейской прессы верно по отношению к эпохе революции. Но за последнее время турецкий офицер отошел от политики и занялся тем, что составляет его прямую обязанность. Где в таком случае причины наших неудач? На этот вопрос я

затрудняюсь ответить: я второстепенный офицер, общий план действий мне совершенно неизвестен. Из Константинополя месяц тому назад отправили одновременно три дивизии, в том числе и нашу. Какое назначение получили две другие—мне неизвестно.

Одно смогу вам сказать совершенно определенно. Сведения о том, будто наши войска голодали—а об этом говорится в газетах—совершенно неверны. Каждый солдат получил с собой съестных припасов на десять дней. У каждого была плитка из молока и муки, которая при кипячении в воде дает питательный суп; кроме того—жестянка консервов, картофель, горох и хлеб. На местах также было приготовлено все необходимое; в соответственных пунктах были размещены пекарни. Солдатам выданы были на всякий случай чугунные сковородки, на которых в походе можно печь плоский пресный хлеб. Но нам не приходилось к этому прибегать: наличные запасы позволяли выдавать каждому солдату 60 граммов в день. Начиная с Бабаэски, откуда нам пришлось совершить пеший переход в 30 километров, за нами гнали стадо баранов. Утром каждый солдат получал суп из молочных плиток, вечером—рагу из мяса и зелени, кроме того, свою порцию хлеба. Все слухи о голоде и смерти от голода выдуманы. Я расспрашивал,—прибавляет капитан Р.,—моих товарищей из других частей,—у них то же самое.

— Каковы были размеры турецкого гарнизона в Кирккилиссе?

Капитан перебрасывается несколькими словами со своими товарищами.

— К сожалению, мы не можем это установить. Здесь у нас 6 человек из Кирккилиссе, но так как там были соединены части разных дивизий, то второстепенным офицерам общая численность гарнизона оставалась совершенно неизвестной...

— Месяц тому назад, когда мы покидали Константинополь, там совсем еще не было азиатских корпусов. Были ли они перевезены в этот месяц и в каком количестве—я, конечно, не знаю.

Во время разговора в кафе спускаются сверху еще два турецких офицера крайне маленького роста. Они вежливо раскланиваются, прикладывая правую руку ко рту, а затем к феске, и присаживаются к общему столу. Между капитаном и остальными его товарищами, поручиками и подпоручиками, не трудно заметить большую разницу культурного уровня. Капитан бегло говорит по-французски, у него достаточно денационализированный интеллигентский вид, пенснэ и тонкие нервные пальцы. Его сотоварищи гораздо больше похожи на унтер-офицеров. Одному из них, анатолийцу, не совсем, повидимому, ясен смысл нашего посещения: вряд ли он принадлежит к самым прилежным читателям газет.

При нас пленникам приносят из комендантства болгарские военные шинели.

— Во время сражения,—объясняет тотчас же капитан,—мы были все без шинелей, в таком виде и попали в плен. Там нам дали кое-какое верхнее платье, так что от холода мы в дороге не страдали, а здесь господин комендант любезно предоставляет в наше распоряжение болгарские шинели.

Со всеми офицерами и заведующим их хозяйственным устройством мы поднимаемся наверх, посмотреть их комнаты. В одной—четыре кровати, в двух других—по три.

— Я сам бы хотел,—говорить заведывающий,—держать эти комнаты в большем порядке, но ничего не поделаешь,—совсем не осталось прислуги. Все призваны под оружие. Постельное белье сменяем во всяком случае два раза в неделю. Пища им доставляется из ресторана, в кафе они имеют необходимый кредит и, насколько я знаю, им будет вскоре выдано жалованье с первого дня плена.

— Мы ни в чем не терпим нужды,—говорит, прощаясь с нами, капитан Р.,—и ни в каком случае не можем пожаловаться на стеснения. Выходить из отеля мы можем с разрешения комендантства, но фактически за нами нет никакого надзора. Мы, однако, сами не пользуемся этой относительной свободой по причинам, которые не трудно понять. Во всяком случае, мои товарищи и я хотели бы засвидетельствовать, что мы ни на что

не можем жаловаться и пользуемся случаем, чтобы выразить господину коменданту нашу благодарность.

Последнее движение рук от губ к фескам—и мы покидаем отель, превращенный в маленький остров святой Елены для группы турецких офицеров.

* * *

К диалектике событий.

Настроение сербских солдат, идущих на «Едрине», гордое и приподнятое. Длинный путь для них—передышка между двумя боями. Они охотно, с сербской живостью, вступают в разговоры с толпой, которая говорит на полузнакомом им языке.

— Как и остальные мои политические друзья, я против войны,—говорил мне в Белграде один сербский социалист.— Но война—факт. И в отличие от многих моих друзей я не могу игнорировать того, что война эта оставит и некоторые очень ценные результаты в народном сознании. Главное значение в моих глазах имеет братание болгарских и сербских армий. Ведь это не армии, а народы. Главной язвой Балканского полуострова я считаю сербо-болгарскую вражду. После этой общей войны, которая морально спаяет народы-армии, никакая политика, построенная на разжигании ненависти двух соседних и столь родственных народов, не сможет иметь успеха. Хотят ли того правящие, или нет, но это братание на поле брани станет краеугольным камнем балканской федерации, не династической и дипломатической, а народной.

— Вы оперируете слишком невесомыми психологическими величинами,—возражали ему другие. Мы не знаем, как развернутся даже ближайшие события. Мы не знаем, долго ли протянется это братание. Где гарантии того, что в случае побед, как и в случае поражений—эти две родственные армии не будут враждебно противопоставлены друг другу?..

Похмелье.

Длинный месяц.

Все изменилось за этот длинный месяц, который так быстро промелькнул. Тогда, в начале войны, была прекрасная погода и большие надежды, по улицам еще ходили отряды запасных, македонцев, добровольцев с военной музыкой, песнями и громкими криками «ура»! Одно за другим приходили известия о победоносном движении болгарской армии вперед—почти без жертвы. Собиралась уличная толпа, слушала телеграммы, подхватывала на руки союзных посланников, а мальчишки звонили голосами, на перебой выкликали свои газеты, в которых всегда были вести о новых и новых победах над турками или над общественным мнением Европы. Из кафе в кафе сновали ловкие журналисты в мягких шелковых шляпах, с биноклями и кодаками, жадные все знать, видеть и слышать. Софийские женщины—они остались здесь в полном числе, на кровавый театр ушли только мужья, женихи и братья—проходили нарядные по главным улицам, залитым солнцем. Стояло начало октября, а казалось, что наступила весна, которая никогда не кончится...

Но весна кончилась. Пошли холодные ночи, Витоша покрылась снегом, хозяин отеля пустил по чугунным трубам горячую воду, по утрам вползает в открытое окно скверный туман, дождь идет два дня из трех, на улицах все меньше корреспондентов и все больше раненых, уволенных из больниц. Ушли последние остатки резерва, ушел македонский легион с армянским отрядом, прошли к Адрианополю сербские дивизии, нет украшенных цветами добровольцев, в шапках с красными верхами. Мокро

сверху, снизу и с боков, мальчишки прячут от дождя под полою газетные листы и, засунув красные руки в дырявые карманы, осипшими от сырости и месячной натуги голосами, выкрикивают о перемирии или о возобновлении военных действий. Давно уже не собирается толпа, и не слышно радостных криков на улицах Софии. Нарядные женщины не скользят, а тревожно пробираются под зонтами, приподняв юбки над мокрым тротуаром. Больше нищих выползло из Иоч-Бунара и, пересекая дорогу иностранцам, они жалобно мычат, протягивая грязные руки за подаянием. Иноземные санитары непрерывно прибывают группами и рассасываются госпиталями, население которых растет и растет...

Сейчас самое тяжкое время тут. Война не закончилась, Адрианополь стоит, сведения относительно взятия Чаталджи, которые были в свое время пропущены цензурой и, следовательно (такова здесь практика!), признаны достоверными, оказались ошибочными. Турецкая армия или, по крайней мере, значительная часть ее стоит у Чаталджи, и вместе с турецкой армией стоит призрак холеры. Война не кончена, но войны нет. Ведутся переговоры. Весть о перемирии была принята не радостно, ибо сопровождалась вестью о растущих затруднениях с той стороны, на которую так неосновательно возлагали надежды. Уже никого не приводит здесь в восторг большой патриотический барабан Вас. И. Немировича-Данченко, ибо раздражающая фальшь слышится в звуках этого музыкального инструмента даже самому тугому уху. Огни пушек еще не догорели, но цветы военной поэзии уже облетели,—страшная реальность войны вместе с волнами раненых разошлись по всей стране...

* * *

Болгары не сентиментальны, лишены лиризма и чувства театральности. Газетные статьи о победах пишутся, разумеется, отвечающим важности событий приподнятым стилем, но это стиль сухой, черствый, формально-торжественный, уже после первых дней сбившийся на шаблон. Взятие Лозенграда вызвало

в свое время в городе большое оживление, овации и шествия с факелами. Но все дальнейшие реляции о сражениях при Люле-Бургасе и Чорлу, о занятии Салоник не вызвали ни уличных шествий, ни радостного подъема. Единственный отголосок, какой находят еще сейчас на улицах события войны—это крики газетных мальчишек, начинающиеся в 6 часов утра и кончающиеся в 10 ночи. Известие о том, что болгарские миноноски потопили турецкий крейсер, распространенное здесь вчера всеми вечерними газетами и особой «притуркой» к официозу «Болгария», ничем не отразилась на уличной жизни. Население устало от побед,—оно хочет победы.

* * *

Дома. В Софию я приехал 5 октября, в день объявления войны, когда празднично светило осеннее балканское солнце, и казалось, что война состоит из песен, патриотических криков и цветов, воткнутых в отверстия ружейных дул.

Уехал я из Софии 26 ноября, когда жестокое похмелье уже вступило во все свои права. 67 тысяч убитых и раненых солдат, 15 тысяч больных—до сражения у Чаталджи—таков подсчет доктора Мерваля, уполномоченного интернационального Красного Креста. А под Чаталджей легло не менее 20 тысяч душ. Итого: 102 тысячи выбывших из строя—около третьей части боевых сил. Такие числа очень просто и легко пишутся и выговариваются, но на деле очень, очень тяжелые числа. Если уложить этих мертвых и искалеченных солдат в одну линию, то выйдет не меньше пятисот верст: первая пробитая маузеровской пулей голова ляжет у Николаевского вокзала в Петербурге, а сведенные холерными корчами ноги последнего солдата упрутся в ступени Николаевского вокзала в Москве. И это еще не конец. Тиф и холера не признают законов перемирия и неутомимо продолжают свою работу под Чаталджей.

Санитарная и особенно продовольственная часть поставлены у болгар отвратительно. Обольщенный легким взятием Кирк-

килиссе, Радко Дмитриев заботился только о том, чтоб весь остальной поход приблизить к типу кавалерийской атаки. Он совершенно не принимал мер к тому, чтобы установить соответствие между наступлением армии и передвижением обозов. Провиант и перевязочные материалы никогда не поспевали, и неизменно оказывались там, где в них не было нужды. Врачей нехватало, ибо чужестранцев болгары не подпускали к передовым позициям; там было слишком много такого, что приходилось скрывать от чужих глаз. Солдат, выбывший из строя, переставал существовать. Санитары были набраны из самых темных, негодных, низкопробных элементов. После первых сражений они превратились в большинстве своем в прямых мародеров. Во время сражения они держались вдали от боевой линии, и раненым солдатам приходилось целыми часами ползать в воде и грязи—почти все время стояли дожди—прежде, чем они добирались до перевязочных пунктов. Зато, когда стихала канонада, санитары бросались на боевое поле за добычей. Они не откликались на вопли и мольбы о помощи, а бросались на мертвых, снимали сапоги, выворачивали карманы, взрезали ножами платье. Сколько ужасов наслушался я на эту тему! Санитары пинком ноги отбрасывали протянутые к ним руки раненых, которые воспаленными губами просили о глотке воды. Один солдат в софийской больнице рассказывал, как хорошо знакомый ему санитар, из одного с ним села, рванул на нем куртку так, что пуговицы полетели прочь и стал шарить на груди и в карманах. Раненый застонал. «Я думал, мертвый», пробормотал мародер и бросился дальше. Незачем рассказывать, как «заботятся» о раненых турках. Прикалывание и прирезывание их превратилось в спорт. Один болгарский фельдшер рассказывал про другого, как тот после окончания боя отправлялся на охоту с хирургическим ножом в руке и с наслаждением, не торопясь, прирезывал одного раненого за другим. «Сегодня восемь душ зарезал», рассказывал он, возвратясь.

В начале войны болгарский генеральный штаб неоднократно сообщал в своих бюллетенях, что турки, отступая, покидают на произвол судьбы своих раненых и заботиться о них приходится

болгарскому Красному Кресту. В Княжеве, под Софией, лежат действительно несколько сот раненых турок, под наблюдением отряда английского красного полумесяца. Но за вычетом этого небольшого, на показ сервированного оазиса, где они, те многие тысячи раненых турок, о которых оповещал Европу болгарский штаб? Все они легли жертвами мер «к ускорению транспорта». Если верны были сообщения болгарских официальных бюллетеней, что раненые турки нередко убивали наклонившихся над ними болгарских санитаров, то объяснение этому чудовищному турецкому «зверству» напрашивается само собою: раненые просто защищались от санитарного ножа, занесенного над ними для последней операции.

Выше уже сказано, что болгарские раненые страшно страдали от полной дезорганизации тыловой службы. Они по четыреняти и более дней оставались без перевязки. В ранах заводились черви. А иностранные врачи шатались по Софии без дела из кафе к кафе. «На передовых позициях у нас своих врачей довольно», отвечал приезжим доктор Молов, заведывающий болгарским Красным Крестом. По три дня раненые оставались в дороге без всякой пищи, без куска хлеба. Один интеллигентный ополченец, охранявший железнодорожное полотно за Ямболем, рассказывал мне, как сотня раненых, голодавшая трое суток, поела сырой и недоваренной пшеницы: большинство погибло в страшных желудочных страданиях. Много, очень много таких рассказов передавалось в Софии за последнее время из уст в уста. Под Чаталджей погибает ежедневно 25—30 человек от холеры. В то время, как дипломаты съезжаются в Лондон, чтобы прикинуть на счетах кровь и срам войны, болгарская армия остается у Чаталджи—вместе с тифом, дизентерией, ревматизмом, холерой и вшами.

— Вошь—это страшная вещь,—рассказывал мне накануне моего отъезда один интеллигентный болгарский доброволец, по болезни вернувшийся в Софию,—это, может быть, самая страшная вещь на войне. Не моешься неделями, не меняешь белья, спишь в сапогах и шинели, все насквозь мокрое, гнилое, вонючее. Вошь облепляет тебя со всех сторон. Это—страшная, страшная

вещь. Гниешь заживо. Когда в походе, или под огнем, еще ничего. А ночью невыносимо. Особенно памятна мне одна ночь. Я перед тем двое суток глаз не сомкнул: шли спешно, по ночам тревога. На третью ночь был отдых. Лежали мы в одной избе покинутой, человек двадцать пять нас было. Усталость была неописуемая, каждый вершок тела хотел спать до смерти. Отогрелись мы в грязных своих отрепьях,—вошь зашевелилась. Что это за мука, господа, что за мука! Ты уж не свой, а—их. Истребляют тебя со всех сторон одновременно... Я, признаюсь вам, плакал, как ребенок, от бессонницы, стыда, унижения и обиды. Нельзя так поступать с человеком, с телом человеческим. Нельзя... Это подлость!.. Если б этих международных дипломатов, которые ежедневно принимают душистую ванну, если б их на три дня, только на три дня, посадить в такие мокрые, разваливающиеся, вшивые лохмотья,—какая это была бы для них спасительная школа!

* * *

В новых провинциях.

Нехорошие вести пошли и из завоеванных провинций. Вначале сообщали только о радостных кликах освобожденного населения, о патриотических речах, депутациях, о новоназначенных администраторах. Но радостные клики и патриотические речи замолкли,—остались хаос и безурядица. В Македонии и до войны было достаточно элементов социального распада и политической анархии. Четничество и динамитное партизанство дало этим элементам боевую выправку и привило уверенность в том, что им все позволено. Война временно растворила их в себе. А теперь они снова всплыли, насквозь развращенные войной.

В мои руки попала копия письма одного чиновника, посланного в Иштиб организовать отделение Национального банка. Письмо так красноречиво, что я привожу его целиком.

«Прибыл я четыре дня назад и уже жалею, что поехал. Застал сплошной ужас. Мне и не снилось никогда, что подобное возможно. В городе в 6 часов вечера все тушится. Турецкие и еврей-

ские дома, то-есть полгорода, совершенно пусты. Все магазины и дома в этой части разграблены и даже разрушены. Грабежи и убийства следуют непрерывно. На моих глазах 2 ноября, в обед, 20—25 четников и босяков напали на старика-еврея, лет 60—70, и разбили ему голову. Я вмешался, стал звать пристава. «Держи его, и он жид!» Погнались за мной, пришлось убегать. Укрылся я в своей квартире, на втором этаже, вынимаю револьвер, то же делает и хозяин квартиры. Громилы начинают стучаться в ворота, но ворота крепкие. Жена моя, оставшаяся за воротами, пыталась скрыться в подвальном этаже; но, заметив, что меня нет, бросилась искать. После непродолжительной осады громилы удалились. Я послал за городским головой, уездным начальником, приставом и воеводой четы. К часу собралось в доме у меня 12—15 человек «начальства». Без труда установили, кто убил старика: известные четники и несколько громил под видом новоиспеченных четников. Однако никто из них не был наказан. Войска здесь нет и эти «четники»—полные хозяева положения. Есть воеводы, которые награбили за это время вещей и денег на 3—4 тысячи лир (турецкая лира—23 франка). В Радовише подозревают, что в эту компанию входит и околийский начальник (исправник).

Ужасное положение! Иногда смотришь, как этих мирных крестьян-турок убивают без причины, как их вещи разграбляются, а жены и дети помирают с голоду,—и сердце прямо разрывается от скорби. Между Радовише и Иштибом умерло около 2.000 турецких беглецов, преимущественно женщин и детей, от голода, в буквальном смысле слова, от голода»...

Семидесятилетний старик с пробитой головою, тысячи женщин и детей, гибнущих от голода, революционные четы, выродившиеся в разбойничьи банды, околийский начальник, как патрон громил,—такова картина общественной жизни в освобожденной провинции. Попадая в эту атмосферу, новые администраторы далеко не всегда проявляют катоновские доблести. Пределы произвола слишком неограничены, возможность быстрой наживы слишком заманчива. «Передай Н. Н.,—пишет один чиновник другому,—что тут можно дешево купить землю, осо-

бенно в Овчем поле». Турки бежали, покинув свои владения, и расхищение турецких земель пойдет теперь во-всю. Предусмотрительные люди уже отправились на новые места,—присматриваются, принюхиваются. Многие болгарские солдаты, не без внушений сверху, вообразили, что покинутые земли достанутся им. Во время дневок они высматривали себе подходящие места и делали свои «приметы»... Ошибутся солдатики! Они принесут с собой из похода пару турецких безделушек, да искалеченную руку, да жестокий ревматизм на всю жизнь. Земли достанутся чорбаджиям, богатеям, да предусмотрительным политикам. Пока установятся новые владения, и закрепятся «неприкосновенные» границы собственности, пройдет, однако, немало времени, развернется жестокая гражданская война, в которой четники еще скажут свое последнее слово... А водворение «порядка» в покоренных провинциях ляжет прежде всего новыми тяготами на трудящееся население Болгарии.

Армия победителей.

— Когда будете писать о войне,—говорил мне на прощанье один интеллигентный болгарин, участвовавший в качестве добровольца в трех сражениях и по болезни вернувшийся накануне в Софию,—напишите непременно одну большую правду: те, кто громче всех агитировали за войну, кто неистовее всех выступали на митингах и в печати, наши стамбуловцы и другие патентованные патриоты, все они по возможности пристроились на безопасных позициях: адъютантами, в штабе, при цензуре... А идейные противники войны, те, которые считали своим политическим долгом бороться против вовлечения нашей страны в это страшное предприятие, все они, каждый на своем месте, честно и мужественно выполняли свой долг.

Это утверждение, которое я и до того не раз слышал и в отдельных случаях имел возможность проверить, в сущности, не нуждается в доказательствах: до такой степени оно внутренне правдоподобно. Оно, разумеется, только выиграет в своей убедительности, если вы его мысленно переведете на наши русские нравы...

Писали, что болгарский народ хотел и требовал войны. Особенно на этом настаивали некоторые русские журналисты, которые о настроениях народа осведомлялись в генеральном штабе, если не в штабах октябристской партии. Это неправда. Народ не хотел войны и не мог ее хотеть. Мужик, у которого забирали скот, провизию, возы и которого отправляли под Одрин; баба, которая оставалась с ребятами в опустелой избе—они не хотели войны. Они очень рады были бы мирному улажению дела. Но

командующие классы оказались неспособны найти другой выход из положения, кроме взаимного истребления болгарских и турецких мужиков. И когда война оказалась навязанной народу всей предшествующей политикой балканских правительств и европейской дипломатии, болгарский солдат принял войну, сознательно принял, как единственный выход из невыносимого положения, созданного македонским хаосом, с одной стороны, болгарским милитаризмом, с другой. И эти сознательно принявшие войну мужики и рабочие, грамотные и затронутые школой всеобщего избирательного права, оказались, как показал опыт, хорошим военным материалом. Это они обеспечили победу.

Совсем другую картину представлял собою болгарский офицерский корпус в своем верхнем ярусе. Болгария не вела войны в течение 27 лет. За это время «герои» болгаро-сербской войны в достаточной мере успели привыкнуть к обстановке покоя, довольства и наживы. Росло в стране богатство, возникали банки, рос бюджет, росли поставки, открывались широкие источники обогащения. Майоры и полковники 1885 г. превратились в генералов—преимущественно в генералов интендантских, торговых и банковских. Культ армии превратился для них прежде всего в культ собственной наживы. Их богом стал уже давно не Марс, а Гермес, и притом,—как показал процесс стамбулистского министерства,—в своем двойном звании: бога торговли и бога воровства.

Стамбуловцы имеют наибольшее из всех партий влияние в верхних кругах офицерства. Савов, главнокомандующий болгарской армии, бывший военный министр стамбулистского министерства, пользовался среди офицерства большой популярностью, которой—очень любопытная для болгарских политических нравов черта!—не пошатнула отдача Савова под суд за хищения. Последнее стамбулистское министерство (1902—1907 г.г.) ассигновало большие суммы на армию, как на орудие «национальных задач». Но как-то так оказалось,—природа национализма не терпит пустоты!—что значительная часть военного бюджета была разворована министрами-стамбуловцами купно с французскими сенаторами и дипломатическим агентом Франции в Софии.

Когда дальнейшее пребывание стамбуловцев у власти оказалось невозможным, они сами рекомендовали Фердинанду демократов, как партию наиболее близкую к ним в вопросах внешней политики. Находясь в оппозиции, демократы требовали предания стамбуловцев беспощадному суду. Став у власти, они всячески стремились уклониться от этого. И только когда у них самих рыльце оказалось в пушку, в связи с финансовыми операциями при выкупе восточно-румелийской дороги, и положение их пошатнулось, демократы увидели себя вынужденными прибегнуть к последнем средству,—и демократический парламент постановил отдать под суд оба стамбулистских кабинета: Петкова (убитого) и Гудева. Наиболее тяжко скомпрометированными оказались: министр торговли Геннадиев, министр финансов Пайков и военный министр Савов. Следственная комиссия работала около двух лет, и профессор Данаилов составил обвинительный акт в 2.000 страниц. Уже одни эти размеры обвинительного акта свидетельствуют, что у стамбуловцев было достаточно причин работать в направлении войны, которая должна была принести с собою уголовно-политическую амнистию.

Главным представителем воинствующего стамбулизма на поле журналистики выступал Семен Радев. Эта фигура, получившая—благодаря военным корреспондентам—всесветную известность, заслуживает некоторого внимания. В начале девятисотых годов Радев был «анархистом» и издавал в 1901—1902 г.г. за границей «Mouvement macédonien» («Македонское движение»), где выступал сторонником и рекламистом македонского революционера Сарафова, убитого позже агентом Санданского, Паницей. Вернувшись в Болгарию, Радев примкнул к стамбуловцам, которые искони отличались искусством греть руки около македонского вопроса. В качестве нелишенного дарований и на свой лад неглупого журналиста, Радев сумел сделаться необходимым для стамбуловцев человеком. И когда Савов, имея за спиной роман в 2.000 страниц, стал главнокомандующим, а другой стамбуловский генерал, Фичев—начальником штаба, Семен Радев превратился в фактического хозяина военной цензуры. На то была еще и особая причина. Радев—автор исторического

«труда»: «Строители Болгарии». Ближайший том этого сочинения будет посвящен теперешней войне. Таким образом, та мера славы, которою история должна увенчать победоносных полковников и генералов, во многом зависит от Семена Радева. И незачем говорить, что он постарался извлечь все выгоды из своего положения. Дорвавшийся до власти бывший «анархист» приложил все усилия своей грубой натуры к тому, чтобы отравить существование европейским журналистам, вынужденным с ним соприкасаться. Иным он, правда, делал поблажки—по общему убеждению, небескорыстно. И только под самый конец, когда Радев слишком уж бесцеремонно положил обе ноги на стол,—его вынуждены были убрать.

Еще пример.

Военным комендантом Софии назначили запасного полковника Бонева, коммерсанта, банкира и в высшей степени темного дельца. В качестве удалого, что называется, человека, Бонев не раз похвалялся, что сумел бы унести в своем кармане всю Софию, если б только его назначили на два месяца городским головой. Взяточничество в комендантстве идет совершенно открытое. А так как, сверх всего прочего, комендант имеет ближайшее отношение к реквизиции, то можно без труда представить себе, что там творится.

В софийском кафе мне указывали бывшего градоначальника Софии, тоже, помнится, стамбуловца, который в свое время был изобличен в том, что состоял агентом турецкого правительства. Во избежание «скандала» его тогда не судили. А теперь этот субъект снова носит офицерскую форму и состоит в каком-то звании при военном министерстве.

«Популярный» генерал, которого не успели осудить за казнокрадство—в качестве главнокомандующего; заведомый... престидижитатор—в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист—в роли военного цензора; отставной турецкий агент,—как необходимая фигура при военном министерстве,—все это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии. Само собою разумеется, что начальствующие произвели соответственный отбор ближайших подчиненных.

Кумовство играло при этом решающую роль. Карьеристы из среды регулярных офицеров пристроились на безопасных, но не безвыгодных местах. Команда над всеми низшими боевыми единицами, до рот включительно, была поручена преимущественно резервным офицерам, то-есть по существу дела интеллигентным гражданам, из которых многие были принципиальными противниками войны, но, раз попав в ответственное положение, добросовестно выполняли свое дело.

Действительно ли так уж хороши были стратегические планы болгарского генерального штаба, сказать затрудняюсь. Но полагаю, что дело было вовсе не в этих планах. Слухи, шедшие из хорошо осведомленных источников, утверждали, что командир III й армии Радко Дмитриев, близкий к панковистам, руссофил, находился все время на ножах со стамбуловцем Савовым и генеральным штабом, выполнял важнейшие операции на собственный страх и по 3—4 дня держал Савова в полной неизвестности. Уже одно это обстоятельство заставляет сомневаться в полной согласованности всех военных действий под всеобъемлющим, будто бы, контролем генерального штаба. Но как бы на этот счет дело ни обстояло, для всякого, кто со вниманием следил за всем ходом кампании, совершенно ясно, что своими победами болгары, как и сербы, обязаны полному моральному распаду и технической неподготовленности турецкой армии. Победу обеспечили граждане-солдаты и граждане-офицеры, честно выполнявшие то, что они считали своим долгом.

Стремительное, так-называемое (по г. Немировичу-Данченко) «скобелевское», движение армии Радко Дмитриева от Киркки-лиссе к Чаталдже вызвано было не заранее разработанным планом, а паническим отступлением турецкой армии, лишенной нравственной силы сопротивления. В какой мере все это движение было мало предусмотрено, видно из того, что оно совершенно не было согласовано со службой тыла. Доставка провианта и транспорт раненых были поставлены отвратительно. Солдаты в дороге по два, по три дня ничего не ели. Раненые по неделям оставались без перевязки, в ранах у них заводились черви. В довершение всего домчавшаяся в течение, немногим больше, двух не-

дель от Кирккилиссе до Чаталджи армия, совершенно истощенная, оказалась без боевых припасов. Генерал Дмитриев пытался и Чаталджу взять с маху, как Лозенград. Но напрасно он загонял у Деркоса лихорадящих солдат по пояс и по грудь в грязь и в воду, где турки расстреливали их, как уток; дальнейшее движение было пресечено. Измученной армии оставалось только умирать от тифа и холеры, и корчиться от ревматических страданий. «Скобелевщина» повернулась к победителям другим своим концом.

Тот же Радко Дмитриев—и в этом-то уже он несомненно орудовал заодно с главкнокомандующим—внес яд ужасающей деморализации в ряды армии, толкнув ее на путь бесчеловечной расправы с ранеными и пленными врагами. «Если раненые и пленные турки будут затруднять транспорты—принять меры к устранению препятствий». Это было понятно; раненые и пленные стали истребляться—сперва сотнями, затем тысячами. Радко Дмитриев все поставил на одну карту: на энергию натиска. При этом он, с близорукостью генерала-рубаки, нимало не заботился о поддержании на высоте основного капитала армии: нравственного самосознания солдат. Отнюдь не худший из генералов болгарской армии, Дмитриев, однако, сам глубоко проникнут теми чертами карьеризма, безразборчивого азарта и нравственного цинизма, воплощением которых является антагонист Дмитриева, главнокомандующий Савов.

Не благодаря недоказанному еще гению своих генералов, ошибки которых очевидны, а заслуги еще требуют критической проверки, одержала Болгария свои победы. Если военные победы приносят честь, то честь эта по праву принадлежит выносливости и сметливости болгарского мужика или рабочего-солдата и болгарского интеллигента-офицера.

Преступления шовинизма и демократия.

Болгарская пресса.

Болгарская пресса, как и вся болгарская общественность, представляет в настоящий момент только разрозненные осколки целого. Из пятнадцати ежедневных софийских газет выходят сейчас только семь, а из семи лишь две в полном объеме: «Мир» и «България». «Мир»—руководящий орган народняков, а сейчас, следовательно, официоз правительства Гешова-Тодорова. Ближайшим вдохновителем газеты является Пеев, министр народного просвещения и один из лучших болгарских публицистов. «България»—орган другой половины правительства, цанковистов. Газету редактирует доктор Списаревский, года три назад перешедший от социалистов к цанковистам. В полном объеме, то-есть в четырех страницах небольшого формата, «България» стала печататься неделю назад, а с начала войны и она выходила в размере полулиста.

В ранние утренние часы появляются две газеты «Утро» и «Речь»,—информационно-сенсационные листки желтого направления, со стамбулистским и радославистским оттенком. Разносчики обоих изданий, мальчики от семи до пятнадцати лет, преимущественно школьники, неистовым криком своим отрывают в 6 часов утра от подушек все население центральной части города.

Вечером выходит «Вечерна Поща», связанная с «Речью», и «Дневник», дополняющий «Утро». «Дневни Новини», появляющийся в полдень, отличается от четырех названных газет только временем своего выхода из типографии.

«Камбана» («Колокол»)—«свободно»-социалистическая и республиканско-националистическая газета, обслуживавшая в последнее время македоно-одринскую революционную организацию и неутомимо агитировавшая за войну. «Камбана» пустила в европейский оборот выдуманную ею самою 11 октября весть о пленении в Лозенграде 40 тысяч турецких солдат с пашами и принцами и потопила в пучине своей фантазии турецкий броненосец, а затем была приостановлена комендантом на несколько дней за выпуск «притурки» без разрешения цензуры. Так как около этого же времени редактор газеты Кристю Станчев уехал со штабом македонского легиона, то газета и совсем перестала выходить—без большого ущерба для родины и человечества.

Орган демократической партии «Препорец» («Знамя») был приостановлен до начала войны—не в силу технических затруднений (отсутствие наборщиков и пр.), а по политическим соображениям. «Мы свертываем партийное знамя,—заявил шеф демократов г. Малинов,—и поднимаем знамя национальное». Политический смысл этой операции не трудно разгадать. Война представляла собою во всяком случае большую загадку. И оппозиционные партии—здесь, как и в Сербии,—поставили себе за правило ни в чем не мешать правительству, наоборот, оказывать ему всяческое содействие, но в то же время и не брать на себя полной ответственности. В таких условиях удобнее всего вовсе не высказываться до поры, до времени. Чтобы освободить себя от необходимости во всем соглашаться с правительством, или во многом ему перечить, демократы просто-на-просто прикрыли свой орган. Одновременно были приостановлены и другие партийные издания—по тем же или схожим мотивам. Главный редактор стамбулистской «Воли» г. Семен Радев сменил свое энергичное публицистическое перо на не менее энергичный цензорский карандаш. Прикрылся радославистский орган «Народни Права». Исчезла с поля «Балканская Трибуна», «независимый» орган, примыкавший к народнякам (партии Гешова) «слева».

Вынуждены были приостановиться также и две ежедневные социалистические газеты: «Народ», орган «объединенной» партии, и «Работнический Вестник», орган «тесняков». Первое время

после начала войны оба издания стали выходить два раза в неделю,—некому было писать, набирать и читать: три четверти организованных рабочих находятся в действующей армии. Но существует военное положение и комендант. В комендантстве разъяснили редакции «Работнического Вестника» на выразительном болгарском языке все возможные неудобства дальнейшего выхода газеты.

* * *

В связи с этим будет нелишним еще раз остановиться на неиссякаемой теме наших здешних корреспондентских скорбей и разговоров—на так называемой военной цензуре.

Многие «руководящие» европейские органы успели написать об этой цензуре столь много лестного, что, признаюсь, будь я на месте одного из тех уважаемых болгарских профессоров, доцентов, учителей латинского языка и лирических поэтов, которые в интересах отечества превратились в свирепых цензоров, я бы несомненно давно уже пришел к тому убеждению, что секрет военных побед заключается в неумеренном употреблении красного карандаша. Но так как я не цензор, а всего только подцензурный журналист, то, вопреки мнению «мередавних» европейских вестников, я позволю себе все-таки заметить, что, по скромному суждению моему, организация болгарской цензуры не вполне совершенна.

В первое время нам, помимо военных бюллетеней генерального штаба, позволяли телеграфировать и наши собственные частные сведения—под условием особой каждый раз оговорки, что дело идет именно о частном; а не об официальном сообщении. Так как это требование совпадало с интересами добросовестной информации, то мы ему без ропота подчинялись. Но довольно скоро режим был радикально изменен: запретили телеграфировать какие бы то ни было частные сообщения о военных операциях. Раз цензура пропускает что-нибудь,—объяснили нам внезапно,—этим самым она берет на себя ответственность за достоверность сообщения. Новая функция цензуры—наблюдать не только за тем, чтобы корреспонденты не сообщали ничего

вредного интересам военных операций и всяким иным государственным интересам, но и за тем, чтоб они телеграфировали «правду и только правду»—казалась нам несколько чрезмерной заботливостью о доброй нравственности корреспондентов и о духовной пище европейских читателей. Пришлось, однако, подчиниться. При этом новом режиме мы уж были избавлены от труда частной проверки наших информаций: пропускает цензура телеграмму—значит, «правда и только правда»: задерживает—стало-быть, вымысел. И вот на почве этого нового порядка мы уже раза два оказались в крайне печальном положении. Еще в начале ноября здесь тонкой струйкой пробился слух, что болгарская армия у Чаталджи отбросила турок на правом фланге и разбила армию Назим-паши в центре. Телеграмм об этом не пропустили: стало-быть, вымысел. Но к 3-му ноября слухи уплотнились и приняли такую форму: чаталджинские укрепления прорваны окончательно, турецкая армия разрезана на несколько частей, болгары наступают и вступление армии царя Фердинанда в Константинополь предстоит 5 ноября. Все корреспонденты бросились в цензуру. Там наши срочные телеграммы беспрепятственно пропустили. Значит, правда. У нас уж не было нужды ни заботиться о проверке известия, ни придавать сообщению осторожную форму. И если мы таким образом ввели дня на два в заблуждение европейское общественное мнение, то было бы грехом умолчать, что сделали мы это при активном содействии военной цензуры.

* * *

Военная цензура.

Когда болгарский офицер на границе просматривал наши паспорта,—прежде этого в Цареброде не делали,—я сделал из этого тот вывод, что Болгария хочет затруднить доступ на свою территорию военным шпионам и вообще подозрительным лицам. Желание совершенно натуральное.

Когда софийская военная цензура запрещает печатать или телеграфировать какие бы то ни было сведения о комплектовании и передвижениях войсковых частей, о распределении бое-

вых материалов, о военных планах, я могу это понять. Войну ведут для того, чтобы победить. А одним из условий победы является, как говорят, военная тайна. В какой мере эта последняя ограждается телеграфной цензурой, в какой мере враждебные штабы почерпают свои сведения из сообщений газетных корреспондентов, а не из источников несравненно более непосредственных и надежных,—это для меня вопрос.

Правда, Мольтке, как говорят, первую весть о намерении Мак-Магона итти на выручку Метца получил из парижской телеграммы лондонского «Times». Может быть. Но любопытно было бы справиться в архивах немецкого военного министерства, из каких источников Мольтке получил вторую весть, более надежную,—ту, которая определила его действия. Ссылаются на японцев, которые-де совершали свои подготовительные операции в строжайшей тайне и—победили. Точно ли, однако, японская цензура сыграла серьезную роль в той всесторонней неосведомленности, какую проявил русский генеральный штаб? По меньшей мере, сомнительно. Генерал Ноги, в свою очередь, строил свои планы, надо думать, не на основании газетных телеграмм, а на более прочном фундаменте шпионских донесений. К этому нужно еще прибавить, что военные действия развертываются на территории, население которой одной своей частью—на стороне союзников, другой—на стороне турок. Какие отсюда открываются возможности военного осведомления, понятно без дальних слов.

Но я готов оставить все эти соображения в стороне: мне просто трудно понять значение запрета, налагаемого на мобилизационные и вообще чисто военные сообщения. Здесь моя способность постигать упирается в свои пределы.

А между тем софийская военная цензура за этими пределами находит еще очень широкое поле деятельности. Она считает своим правом и своим долгом упразднить с поля зрения европейской читающей публики все те факты и толкования, которые, по ее, цензуры, мнению, способны представить с неблагоприятной стороны какую-либо область болгарской общественной жизни, соприкасающуюся и даже не соприкасающуюся с войной.

Дня два тому назад я описал в телеграмме, посланной вам, поразительную в своем роде картину подвоза патронов к софийскому вокзалу: по городу тянулись цепью сотни мужицких возов, запряженных волами и буйволами; ветхозаветные старики в лаптях, с посохами—в качестве ямщиков; корявые ополченцы в мужицкой одежде—в качестве конвоя; и эта кладь, заделанная в аккуратные деревянные ящики небольшого размера... Но дело сейчас не в этом. Цензора усомнились.

— Помилуйте,—говорю,—ведь тут ни словом не сказано, куда идут патроны. Или турки не догадываются, что у вас есть патроны и что эти патроны приходится перевозить?

— Так-то так... Но из вашей телеграммы могут заключить, что мы не готовы. Раз перевозим патроны, стало-быть, они еще не там.

— Неужели вы хотите заставить мир думать, что у вас все патроны до единого находятся уж на месте будущих сражений?

Спорили долго. Цензора уступили.

Телеграфирую другой раз, что софийская городская комиссия в городском участке Юч-Бунар насчитала около 1.500 семейств с 12.000 членов (сейчас у меня этих цифр нет под рукою), лишенных всяких средств к существованию.

— Да откуда вы это знаете?

— Знаю.

— А мы этого не знаем.

В знак сожаления, развожу руками.

— Неудобно. Скажут, что у нас сплошная нужда.

— О сплошной нужде я ничего не говорю, а привожу точные цифры. К тому же указываю, что город ассигновал 500.000 левов для бедных семейств на шесть месяцев.

— Это можно.

— Но ведь если мы будем сообщать одни бодрящие факты, нам никто верить не будет. Как-никак, мы не агенты болгарского министерства или генерального штаба, мы независимые журналисты.

Поспорили. Цензора и на этот раз уступили.

В третий раз я телеграфировал вам о том невероятном напряжении всех сил и средств, на которое война обрекла эту не-

большую и небогатую страну. «С содроганием думаешь,—писал я,—об этом страшном ударе молодой болгарской культуре. Только тут можно оценить страшное преступление самонадеянной, близорукой и малодушной европейской дипломатии»...

— Этого никак нельзя. Против войны. У вас прямо сказано, что война—удар культуре.

— Во-первых, это, надеюсь, неоспоримо. Во-вторых, я ведь не для болгар пишу: моей газете вы во всяком случае не можете воспрепятствовать развивать эту точку зрения. А в третьих, мне ваш министр финансов давеча говорил: «война—это война прежде всего против финансов и экономического развития страны», и эти слова я протелеграфировал.

— Никак невозможно.

Поспорил, но безрезультатно: «удар культуре» вычеркнули.

Это факты мелкие; но до крупных теперь дело уже и не доходит: наученные опытом первых телеграмм, мы и не пытаемся сообщать факты и толкования, ни мало не нарушающие интересов Болгарии, как воюющей страны, но явно идущие вразрез с тенденциями софийской военной цензуры.

Кроме этой военной цензуры (хотя, как видите, она распространяет свое внимание на такие штатские вещи, как количество бедняков в Юч-Бунаре), существует еще цензура политическая. Как она организована и как действует—не знаю, ибо свои операции она совершает за нашей спиной. Но на час, а то и на два, она, во всяком случае, нужно думать, задерживает наши телеграммы.

В результате—телеграфное корреспондирование превращается в сплошную борьбу с препятствиями.

Написанную телеграмму нужно нести в цензурный комитет. Там сидят два-три резервных офицера и два-три штатских молодых человека, чрезвычайно юного возраста. Работы у них много, ибо им же приходится цензуровать и все софийские газеты. Телеграмма сперва дожидается очереди, затем прочитывается кем-либо и, если возбуждает сомнения, идет на просмотр к профессору Цончеву. На одобренном тексте ставится подпись цензора и печать: «военно министерство—штаб на армията». С этим текстом вы идете на телеграф. До отъезда военных корреспондентов

при цензуре дежурил особый телеграфный чиновник, принимавший наши депеши. Теперь этого нет, за нехваткой чиновников (несколько их при главной квартире). Приходится становиться в очередь. А так как каждая болгарская семья непрерывно терзается теперь тревогой за чью-нибудь жизнь, то количество телеграмм огромно. Ждать приходится иной раз полчаса и более. И наконец, подавши телеграмму, вы не знаете, какой прием уготован ей еще со стороны политической цензуры.

Европейское общественное мнение, разумеется, в обиду себя не даст. Коррективом к телеграммам из Софии будут служить телеграммы из Константинополя. Публика очень скоро увидит, что болгарская информация тенденциозно окрашена в бодрящий цвет, и научится вносить к ней необходимую поправку. Гораздо хуже обстоит дело с общественным мнением самой Болгарии. Вся пресса настроена здесь на крайне мажорный тон. Сообщения из главной квартиры—чрезвычайно общие и неопределенные—говорят лишь о болгарских победах, о захваченных позициях, об убитых, раненых и пленных турках. О раненых болгарах публика получила возможность узнать из правительственного сообщения о награждении Фердинандом нескольких раненых орденом «за храбрость». Мне не позволили вчера протелеграфировать, что в здешней больнице ожидалось к ночи прибытие двухсот раненых. С местной прессой цензурный комитет поступает еще суровее: вычеркивается все, что хоть в отдаленной степени живописует тыльную сторону войны:—смерть, болезни, нужду. Этими мерами читающая публика настраивается в сторону крайне некритического, легкомысленно-мажорного отношения к войне. Телеграфные сведения подчищают и приукрашивают факты, а слухи удесятеряют телеграфные сведения. Уже с первых дней войны в кафэ «Болгария», центральной квартире политиков, журналистов и политизирующих зевак, уверяли, что Лозенград взят и набрасывались с кулаками на того, кто выражал в этом сомнение. «Если так дело пойдет, мы через десять дней будем в Константинополе», сказал мне после взятия Лозенграда болгарский публицист.—Высадка турецкого отряда в Коварне?—Вздор, пустяки, абсолютная невозможность. Во-первых, у ту-

рок нет транспортных средств. Во-вторых, у них нет солдат для дессанта. В-третьих, у нас на Черноморском побережье большие силы. В-четвертых, Россия Турции не позволит. В-пятых, Греция запрет проливы и вынудит этим державы нейтрализовать Черное море. Ни один турецкий солдат не переходил нашей границы с начала войны.—Турки не взяли ни одного пленного.—В таком направлении идет обработка общественного мнения соединенными усилиями штаба, цензуры и прессы.

Пока что—руководители курса очень довольны результатом своей политики: в иностранной печати нет никаких известий о распределении болгарских сил; болгарская пресса, вернее,—полу-пресса, ибо газеты выходят теперь в половинном размере,—занята всецело вариациями на темы генерального штаба; противники войны приведены к полному молчанию.

* * *

Ответ П. Тодорову [1].

В ответ на письмо П. Тодорова [2]) пишущий эти строки обратился к болгарскому поэту с открытым письмом, которое появится в болгарской прессе, как только будет снята военная цензура. Считаю это обращение небезынтересным и для русского читателя и привожу его поэтому полностью:

«Вы сделали мне честь, обратившись ко мне с письмом по поводу моей статьи о болгарской военной цензуре и о той не вполне, на мой взгляд, достойной роли, которую выполняют в ней отдельные представители демократической или квази-демократической интеллигенции. Вы не только отметаете одним-двумя энергичными жестами выдвинутые мною обвинения, которые я лично считаю крайне тяжелыми обвинениями политического и нравственного характера, вы сами переходите в на-

---

[1]) Г. Петко Тодоров—известный болгарский поэт, один из основателей партии радикалов. В то время он состоял военным цензором.

[2]) В письме этом Тодоров выступил на защиту болгарской демократической интеллигенции, которой автором этих строк было поставлено на вид ее участие в военной цензуре, покрывающей все преступления шовинизма.

ступление по всей линии—против европейского журнализма, с одной стороны, против русских «левых»—с другой. Я лично нимало не склонен брать на себя огульную защиту русских «левых», а тем более европейского журнализма. Но позвольте вам с самого начала со всей откровенностью заявить, что ваши обвинения так же несостоятельны, как и ваша защита.

Незачем говорить, что вы без критики принимаете военную цензуру, как необходимое и спасительное учреждение. Я совсем не военный человек, так же, впрочем, как и вы, но тем не менее я позволю себе, наперекор утверждениям так называемых военных авторитетов, почтительно поддерживаемых филистерами всех стран, я позволю себе заявить, что ваша военная цензура лишена какого бы то ни было военного значения и по существу дела вовсе не преследовала военных целей. Бесспорно, в европейскую прессу могли бы, при отсутствии цензуры, просочиться отдельные сведения, в том или другом отношении вредные для вашей армии; но совершенно так же они могли просочиться через частную переписку и особенно через личное общение. А вы ведь не запретили на это время людям приезжать и уезжать. Вы считаете возможным характеризовать европейских журналистов, как шпионов и мародеров, посланных к вам европейскими ростовщиками. Но потрудитесь понять, что те из журналистов, которые маской военного корреспондента прикрывают шпионскую профессию, имеют сотни путей довести свои сообщения куда следует, минуя вашу грозную цензуру: я не говорю уж о химизированных письмах, употребление которых хорошо известно военным штабам и военным шпионам; я не говорю также о хорошо разработанных системах условных телеграмм. Но отсюда до Рущука 12 часов езды, и тот, кому нужно было, имел всегда возможность переслать какой угодно отчет через ваших же кондукторов или через вольнонаемных людей. Когда кому-нибудь из журналистов нужно бывало переслать нелегальным путем свою статью, отвергнутую вашей цензурой, у него никогда не бывало недостатка в таких путях. Я лично не прибегал к методам обхода цензуры, потому что считал неудобным вести одно-

временно непримиримую борьбу с вами за мои права политического корреспондента и в то же время осуществлять эти права в неограниченной мере за вашей спиной. Но я не могу в то же время бросить обвинения тем из моих европейских коллег, которые придерживались другого образа действий, ибо некоторых из них ваша цензура третировала совершенно бессовестным образом.

Против нелегальных, обходных способов, всегда остававшихся в распоряжении людей злонамеренных, ваша цензура была совершенно бессильна. Зато тем могущественнее она выступала против серьезных политических журналистов, которые имели своей задачей не обслуживание своих генеральных штабов, а честное осведомление европейского общественного мнения. Вы хотели нас заставить глядеть вашими глазами и слушать вашими ушами, думать и писать по-болгарски и по-болгарски же вводить в заблуждение Европу.

Не военные цели, не охранение штабных тайн преследовала ваша цензура, а сокрытие «тайн» совсем другого рода: все черные пятна, все жестокости и преступления, все бесчестие, которые сопутствуют всякой войне и вашей войне в частности, вот что вы стремились в первую голову сокрыть от Европы! Вы задались бессмысленной мечтой гипнотизировать европейское общественное мнение и заставить его верить не тому, что было правдой, не тому, что вы сами считали правдой, а тому, что вы хотели выдать за правду. Вы хотели заставить Европу верить, будто вооруженные турецкие мужики, рабочие и хамалы, которых правящая турецкая каста превращает в орудие порабощения не-турецких национальностей и турецких рабочих масс, представляют собою сплошное воплощение жестокостей, варварства и зверства. И вы хотели заставить Европу верить тому, что болгарская армия от низшего чина, выполняющего обязанности кашевара, до главнокомандующего Савова, со лба которого вы еще не успели смыть штемпель обвинительного акта по делу о казнокрадстве, что вся она, эта армия, представляет собою живое воплощение высших идеалов права и справедливости. Вы серьезно надеялись достигнуть этого, терроризовав нас, европейских журналистов,

при помощи дюжины цензоров, в большинстве своем лишенных в наших глазах какого бы то ни было морального или интелектуального авторитета. Вы доставляли нам в ваших бюллетенях бесчисленные вариации на одну и ту же тему о жестокостях и коварстве турок: о зарезанных женщинах, об обманных белых флагах и о пулях дум-дум,—и вы в корне подавляли всякую попытку с нашей стороны сказать Европе, что турецкие жестокости находят свое дополнение в жестокостях с болгарской стороны. Не военные тайны охраняли вы, господа профессора, поэты, чиновники и вчерашние гимназисты,—в ребяческом самоупоении вы задались целью превратить нас в агентов болгарского генерального штаба и министерства царя Фердинанда. А когда наиболее дружественно к вам настроенные среди нас указывали вам, что таким путем вы добьетесь прямо-противоположных результатов, что вы раньше или позже вызовете всеобщее возмущение против страны, которая так варварски третирует европейское общественное мнение, которая не отличает журналиста от шпиона и поручает контроль над прессой такому насквозь деморализованному субъекту, как ваш «историк» Семен Радев,—наиболее откровенные из вас или наиболее циничные отвечали нам: «Только бы довести войну до счастливого конца, а там—плевать нам на европейское общественное мнение». И это вы считали реалистической, практической истинно-болгарской политикой!

Увы! — ваша практичность оказалась до последней степени недальновидной. Именно теперь, когда вопрос с военного поля перешел на дипломатическое, и вы более, чем когда бы то ни было, нуждаетесь в сочувственном вам давлении европейской демократии на европейскую дипломатию, именно теперь десятки корреспондентов, покинувших Болгарию, разнесут в концентрированном виде по всей Европе ту половину правды, о которой вы нас так долго заставляли молчать!

Вашу войну вы определили, как крестовый поход цивилизации против варварства. Под эти две категории вы вашими карандашами и ножницами стремитесь подогнать все наши телеграммы и корреспонденции,—теперь Европа узнает, что путь крестоносной армии отмечался такими злодеяниями, которые способны вызвать

содрогание и отвращение в сердце каждого культурного, каждого чувствующего и мыслящего человека.

Может-быть, вы, г. Тодоров, не догадываетесь, о чем я говорю? Может-быть, вам неизвестно, что в самом начале войны ваши родопские войска артиллерийским огнем истребили поголовно целую помацкую деревню,—дома и дворы, людей и скот, женщин и детей. Не говорите мне, что это зверство имеет свое объяснение в ожесточении солдат против болгар-магометан, соединившихся с неприятелем. Это объяснение я знаю не хуже вас. Но тот факт, что сообщение о средневековой расправе над помаками бесследно вычеркивалось вашей военной цензурой; тот факт, что не раздалось тогда же, по горячим следам совершенного преступления, достаточно громких голосов протеста и предостережения,—этот факт неизбежно должен был разнуздать ваше офицерство и ваших солдат, вселив в них сознание полной моральной безответственности.

Может-быть, вам не известно, как расправился ваш кавалерийский отряд с пленниками и с мирным населением Демотики? Спросите возвратившихся оттуда офицеров, спросите раненых соддат. Они расскажут вам с полной откровенностью—ибо они ведь считают вас, и с полным правом, своим нравственным сообщником,—как они загнали в реку безоружных турок, расстреливали их, точно диких уток, и как они штыками сбрасывали с моста в воду безоружных людей.

Может-быть, неусыпно занятые охранением военных тайн, на которые мы не покушались, вы ничего не слышали о том, как македонский легион, под видом истребления лазутчиков, перерезывал горло всякому мирному турку, который показывался на его пути? Если вы этого не слыхали, если вы этого не знаете, тогда поезжайте немедленно в Тырново, а оттуда отправляйтесь в Кирджали и далее к югу,—и вы найдете по дороге бородатых мусульман со связанными на спинах руками и с горлом, перерезанным до шейных позвонков; вы найдете не одну мусульманскую старуху, ударом в темя уложенную у своего очага, и, не сомневаюсь, вы увидите и трупы турецких детей, которые, точно неподобранные трофеи, отмечают собою победоносный путь «освободительного» легиона.

А бессмысленные, беспричинные «казни» в Мустафа-Паше, казни, превращенные в дьявольскую игру праздных офицеров? Или, может-быть, вы и об этом ничего не знаете? Или, может-быть, вы гневно протестовали против этого? Или, может-быть, вы позволили нам, журналистам, возвысить голос протеста и тем выполнить долг элементарной человечности?

Но все эти факты, как ни кошмарны они, бледнеют перед тем каиновым делом, которое не было единичным эпизодом или случайностью, которое нельзя также объяснить ожесточением солдат, опьяневших от крови: я говорю ни о чем другом, господин Тодоров, как о холодном прикалывании и прирезывании раненых турок на открытом поле—по приказанию командиров. Не один раненый болгарский солдат рассказывал мне, блуждая глазами, об этом истреблении безоружных, которые горячечным взором следили, как над ними заносился штык. Вы думаете, что это можно замолчать? Или, может-быть, вы попытаетесь это опровергнуть? Но тогда мы ответим: в начале войны ваш генеральный штаб неоднократно извещал Европу о том, что турки тысячами покидают своих раненых на поле военных действий, и что болгарам приходится этих раненых подбирать. Где же они, эти многие тысячи раненых? Что произошло с ними? Что вы сделали с ними, господин Тодоров? Дайте нам ответ на этот вопрос!

В противовес чувству непримиримости, о котором я писал, вы славите «чувство меры», как лучшее наследие античного мира. Но разве вы сами нашли в себе мужество громко и ясно напомнить вашим офицерам о необходимости соблюдать «меру» по отношению к побежденному и распластанному на земле врагу? Нет, вы проявили лишь необузданную «непримиримость»—по отношению к нам, журналистам, которые пытались поднять голос протеста из глубины возмущенной совести. И этим самым вы, цензора, и вы, господин Тодоров, лично взяли на себя полную меру ответственности за истребление больных, раненых и безоружных турецких солдат, ибо, я не сомневаюсь,—и вы сами сомневаетесь в этом так же мало, как и я—если бы мы получили возможность своевременно огласить те факты, при одном воспоминании о которых кровь и сейчас кипит в жилах, ваш генеральный

штаб вынужден был бы крикнуть своим офицерам, а офицеры солдатам: остановитесь! И что же? Вы, радикал, вы, поэт, вы, гуманист, не только сами не напомнили вашей армии о том, что кроме острых штыков и метких пуль существует еще на свете человеческая совесть и то самое учение Христа, именем которого вы будто бы ведете вашу войну,—нет, вы связывали нам, европейским журналистам, руки за спиною и наступали нам на грудь вашим военно-цензурным сапогом! Вы с легкой душой надели на голову поэта форменный картуз с цензурной кокардой, вы взяли на себя ответственность перед вашим штабом и за ваш штаб, перед вашей дипломатией и за вашу дипломатию, перед вашей монархией и за вашу монархию. Большое ли содействие оказал ваш красный карандаш расширению границ Болгарии—я не знаю. Но что болгарская демократическая интеллигенция была попустительницей, а потому и сообщницей всех тех страшных дел, которыми эта война надолго, может-быть, на десятилетия отравила душу вашего народа,—это остается незыблемым фактом, который вы бессильны исправить или вычеркнуть из истории вашей страны.

Ваша общественность находится еще в колыбели. Элементарные политические и нравственные понятия у вас еще не установлены. Тем обязательнее для передовых элементов вашего народа непримиримо блюсти принципы демократии, ее политику, ее мораль. В конце-концов, основной исторический капитал каждой нации—это общественное и нравственное сознание народных масс. И если история поручила сейчас вашей монархии, вашей дипломатии и вашим генералам сделать попытку расчистки вашего исторического пути при помощи пули, шрапнели и ножа, то вы-то, во всяком случае, независимо от того, как вы по существу относитесь к войне, должны были бы взять на себя задачу охраны народного сознания от всех тех ядовитых опасностей, которые несет в себе победоносная война. Вы этого не сделали—тем хуже для вас!

Примите и пр.».

Четничество и война.

«Внутренняя наша македонская организация,—начал Христо Матов, вождь одного из македонских революционных течений,—существует непрерывно с 1893 года. Но в первую эпоху, с 93 до 902 года, наша организация оставалась на легальной почве. Впрочем, не думайте, что легально—значит в рамках законов Турции. Нет. Но члены нашей организации, интеллигенты и крестьяне, оставались на своих обычных местах, не порывали со своими постоянными занятиями и не применяли боевых методов действия. Легальной мы называем их деятельность по сопоставлению с четничеством. Четник—это в большинстве случаев скомпрометировавший себя перед турецкими властями член «легальной» организации: он порывает со своим промыслом, с своей семьей и с ружьем за плечами уходит в горы. Но четничество возникло лишь позже. В 1903 г. у нас, как помните, произошло массовое восстание. После разгрома восставших селян развилось четничество, деятельность которого заполняет четырехлетие 1904—1908 г.г. Под влиянием восстания и четничества, Турция вынуждена была приступить к финансовой реформе в Македонии, а Европа пришла к Ревельскому соглашению. Это была наша огромная моральная победа. Международная дипломатия начала серьезно считаться с нами. Но тут разразилась турецкая революция. Четничество прекратилось. Почему? Многие из македонских деятелей верили, что турецкая конституция даст возможность легальной и мирной борьбы за широкие реформы в Македонии. Я и мои ближайшие друзья этому не верили. Но другие верили. Санданский верил. Чернопеев верил. Большинство чет

сошло с гор. Я сказал тогда же двум своим воеводам, Петру Ацеву и Петру Чаулеву: «возвращайтесь в горы, удержите остальных и сохраните в ваших руках ружья». Они поднялись, но было уже поздно, пришлось и им вернуться. Тогда мы сказали: нужно хоть легальную организацию сохранить. А сила наша всегда была не в четах, а в массовой организации селян и отчасти горожан. Четы—только небольшие боевые дружины, набирающиеся из массовой организации. Недовольство младотурками обнаружилось уже очень скоро. Но тут произошла абдул-гамидовская контрреволюция, а затем, в апреле 1909 г., новая победа комитета, при открытом содействии македонцев. Младотурки сказали нам: «Погодите, дайте срок, мы введем в Македонии реформы». Я по-прежнему оставался при своем недоверии. Но нельзя было не сделать опыта. Наши чорбаджии, богатеи, поддерживали нас и раньше только из-под палки; теперь они первыми пошли навстречу младотуркам. С ними вместе многие наши интеллигенты. Верили и многие революционеры, что на этом пути возможен успех. Сделали опыт: приступили к созданию легальных македонских клубов. Одни—с полной верой, мы—скрепя сердце. Не пойди мы на это, мы восстановили бы против себя широкие круги населения. Четы упразднились совсем. За время с 1908 г. до весны 1910 года чет в Македонии не существовало совершенно. Воеводы и четники вошли в клубы или просто отстранились, выжидая.

Но и в клубах мы оставались верны своей программе. Чорбаджии и вообще умеренные искали соглашения с младотурками во что бы то ни стало. Они готовы были до крайности урезать требования. Мы же не верили в практические завоевания при младотурецком режиме и политику компромиссов отвергали. Мы выставили в клубах программу полного самоуправления Македонии. Главная наша забота при этом была—воспитать население в недоверии к младотуркам, разрушить иллюзии, революционизировать македонцев. Так и вышло. Требование автономии сразу настроило младотурок враждебно против нас. Стало ясно, что соглашение невозможно. В таком случае и клубы теряли в наших глазах свое значение. Мы собрали конгресс делегатов от клубов

и решили: легальная работа ничего не дает, младотурецкий комитет нас игнорирует, болгарское правительство нас игнорирует, население разочарованно,—распускаем клубную организацию, переходим снова на революционный путь. Но тут пришло известие, что турки хотят принять закон, воспрещающий национальные организации. Тогда мы перерешили: клубов не распускать, а заставить самих младотурок распустить, — хороший урок для умеренных. Вы верили, господа, в новый режим, так вот же вам ваша легальная работа!

После перерыва в 15 месяцев мы снова стали на старый путь: стали укреплять сельские организации и восстановлять четы.

Формы организации у нас уже были выработаны в эпоху до турецкой революции. По этому типу мы и строили. В селах и городах восстановились комитетские бюро, по возможности выборные, по крайней мере, от лучших, надежнейших элементов населения. Выборы производятся по соглашению с четами. В некоторых местах воссозданы были сверх того судебные бюро, арбитражные комиссии—для разбора всяких недоразумений и тяжб между самими македонцами. До 1908 года такие комиссии существовали у нас во всех местах. А затем—во всяком селе милиция: воевода, подвоевода, 10—25 душ парней. Прежде у нас все милиции были вооружены. Но младотркуи, как вы знаете, производили разоружение населения: у одних отнимали ружья, другие сами отдавали. С оружием у нас поэтому были затруднения. Но все же сохранились округа, почти сплошь вооруженные. Теперь о четах. Во всяком участке казы (уезда)—1—2—3 четы. Норма для четы: 5—10 человек. Но за последние годы многие члены нашей «легальной» организации скомпрометировали себя перед властями, — одни бежали в Болгарию, другие ушли в четы. Пришлось состав чет расширить. Четники, конечно, все вооружены.

В чем состояла деятельность чет до войны?

Приступивши в 1910 году к восстановлению боевой нашей организации, мы сказали себе: нам нет нужды начинать сначала, как это было в 1893 г.,—за нами почти двадцатилетнее прошлое, за нами первый период мирной работы, за нами восстание 1903 г., за нами—четырехлетняя работа чет. Восстание застави-

ло Турцию провозгласить финансовую реформу, которая была в принципе началом автономизирования Македонии. Четничество привело дипломатию в Ревель. Это все наш капитал. Нам не приходилось поэтому начинать с подготовительной работы. Опираясь на наше прошлое, мы могли сразу начать с боевых действий. Но так как для больших массовых выступлений мы не были готовы, то решили начать с мелких партизанских актов. Цель наша при этом состояла в том, чтобы снова приковать к себе внимание Европы и Болгарии, напомнить миру, что мы живы, и что ничто не изменилось. Ближайшая задача была—вызвать новое дипломатическое вмешательство. Я напомню вам некоторые действия четников за это время.

В 1910 году был взорван поезд между Кумановым и Скопьем; путь разворотило, вагоны стали ребром. Были тогда же произведены еще 3—4 покушения, более мелких.

В 1911 г. был разрушен зимою поезд около Доеране; в Кичевом взорван был хекумат (правительственный дом), в Солуни—банк; в Велесе—вокзал и пр.

Летом 1912 года снова начинается ряд покушений. Между Велесом и Скопьем разрушены 17 вагонов; чтобы восстановить движение, турки вынуждены были провести параллельную линию. В Солуни разрушены: сперва австрийская почта, затем—трамвайное депо. В Крушевом—хекумат. И так далее.

Нас обвиняли, что своими террористическими актами мы вызвали резню в Щипе и Кочанах, от которой ведь и настоящая война получила свой последний толчок. На самом деле в Щипе произошло вот что: четник нес заведенную на известный час бомбу в хекумат, а дом оказался заперт. Остановить механизм четник не умел. Вот он и занес бомбу в турецкую лавку: «взвесьте, говорит, посылку, а я пока за осликом схожу». Убило 3—4 человека, лавку разнесло. Отсюда и резня.

— Верно ли, что македонское население стало последние годы враждебно относиться к четам?

— Нет, не верно. Сейчас у нас война, дело пошло в открытую, прихорашивать действительное положение нет у меня оснований. И я вам говорю: население в массе своей приветствовало возро-

ждение четничества. Чет, как я уж говорил вам, не существовало 15 месяцев, в медовую пору турецкой конституции. И приступили мы к их воссозданию с опаской: а как отнесется народ?—И что же оказалось? Крестьяне стали укорять нас: «Зачем скрываетесь? разве мы предатели?» Пришлось четникам открыться населению. Тому была, впрочем, и еще одна причина. В каждом селе есть 2—3 чорбаджия, которых революционные селяне опасаются: как бы не донесли. Этих чорбаджиев приходится насильственно вводить в организации, связывать с нею круговой ответственностью. Делается это просто: приходит чета в дом к чорбаджию и—хочет он или не хочет—ночует у него... Так за один месяц открылись четники почти всему населению...

Когда чета приходит на время в село, ее встречает местная милиция и, под руководством одного-двух четников, караулит. В случае турецкой погони милиция обязана сражаться заодно с четой... Мы думали, что крестьяне за время перерыва отвыкли, пожалуй, от обращения с оружием. Оказалось нет: бывали за последнее время случаи, что милиция из 5—6 человек успешно сражалась с целым турецким отрядом, разумеется, из-за прикрытия.

Говорят, крестьянам солоно приходилось от чет в материальном отношении: турки выжигали села за укрывательство оружия, а четы, мол, налагали на селян большие денежные штрафы за выдачу оружия туркам. Конечно, многое бывало. Однако, неверно, будто четы оказались македонцами в тягость. Наоборот: как раз экономические интересы заставляли крестьян искать четников. До турецкой революции крестьяне у нас, благодаря организации, стали полными хозяевами в чифликах, т.-е. в имениях турецких помещиков, беков. Беки повально бежали в города, опасаясь за свою жизнь. Какой урожай крестьяне беку покажут, тем он и должен был удовлетворяться. А после конституции и упразднения чет, беки, в полном сознании своих прав, вернулись в чифлики и установили свои порядки. В 1908 г. я сам наблюдал такой случай. В село Трубарево (это в Скопском) вернулся бек и зажил припеваючи; для развлечения пригласил он в село музыкантов-цыган и цыганок с бубнами, а квартиры им

отвел у своих крестьян. «Были четы,—говорили мне селяки,—бек и сам сюда четыре года не показывался; исчезли четы—он и цыган к нам привел на постой».

Четничество заставляло беков продавать свои поместья,—и никому другому,—боялись!—а своим же крестьянам.

Под охраной чет крестьяне сами нередко откупали тяжкий налог, десятину, за половину той суммы, которая прежде налагалась на их село.

Бегликчия, т.-е. счетчик мелкого скота, на который в Турции особый налог наложен, так называемый беглик, должен был заносить в свои записи столько овец, сколько ему указывали сами крестьяне.

Автономия Македонии для массы крестьян—лозунг отвлеченный. Другое дело—экономические выгоды и защита от произвола беков и администрации. А это им давало четничество.

Исчезли в 1908 г. четы—исчезли все эти выгоды. Прежде беки продавали свои земли македонцам, а тут стали продавать младотурецкому правительству, которое сделало попытку заселять их мухаджирами, т.-е. мусульманскими переселенцами из Боснии, Кавказа, Болгарии и других мест.

А когда восстановились в 1910 г. четы, стало восстановляться и прежнее положение в чифликах...

— Какова роль чет в нынешней войне?

— На этот вопрос я, по вполне понятным причинам, могу ответить лишь в самых общих чертах. Мы действуем заодно с болгарской армией. Не только в ее интересах, но и под руководством ее командиров.

Не в интересах дела было бы, разумеется, поднимать восстание в местах, далеко отстоящих от театра военных действий: ничего, кроме резни, это не принесло бы. Тут милиционеры под руководством четников будут вести только конспиративную разрушительную работу: перерезать телеграфные провода, где возможно, снимать рельсы и пр.

В местах же, где развертываются военные операции, четы поступают в непосредственное распоряжение военачальников. Они неоценимы для рекогносцировок, отдельных разрушитель-

ных работ и партизанских предприятий. Когда была объявлена мобилизация, четами между болгарской границей и Кочанами были разрущены два шоссейных моста, крайне важных для турецкой артиллерии. До войны же был разрушен мост в Крестенском проходе у Джумайи. Из Кочан бригадный командир послал четников в Щип—перерезать проволоку. Это действует на отдельные турецкие гарнизоны и отряды крайне деморализующим образом: изолированные одним ударом от своих штабов, они нередко сдают значительные позиции без боя. Четы будут также отрезать турецкие обозы и явятся постоянной опасностью для турецкого тыла. Во главе боевых македонских дружин стоят такие испытанные воеводы, как Ефрем Чучков, Кристо Булгарията, Мишель Герджиков и др.

* * *

«К чему мы стремимся: к автономии Македонии или к ее соединению с Болгарией? Вопрос совершенно естественный. И если бы вы задали его мне до войны, я не усомнился бы ответить вам. Но теперь, когда мы боремся в союзе с Сербией и Грецией, я попрошу позволения не отвечать на ваш последний вопрос. Желательно ли вмешательство России? И на этот вопрос я считал бы затруднительным ответить вам».

Македонский революционер, динамитчик, показал мне тут свое другое лицо: лицо дипломата. На первый взгляд может показаться, что психология четника, который пытается разрешить сложнейшую политическую проблему подкладыванием адских машин в хекуматы, не может иметь никаких точек соприкосновения с психологией приспособления к политике дипломатических канцелярий. Но это совсем не так. Национальные революционеры, в противоположность социальным, всегда стремились сопречь свои заговорщические действия с действиями династий или дипломатий, своих или чужих. Когда дело идет о территориально-государственном самоопределении молодой нации, тогда нетерпеливое карбонарство нередко лишь вызывает,

дополняет и подгоняет медлительные попытки династически-дипломатических сил и при первой возможности передает этим последним политическую инициативу. Так было с Маццини и Гарибальди в классическом примере борьбы за объединение Италии. Старый республиканец-карбонарий Джузеппе Маццини, признававший только народ и бога, вынужден был в решительную минуту посторониться, чтобы оставить между народом и богом место для савойской династии. И если венгерец Кошут и итальянец Маццини апеллировали так же часто к народу, как и к европейской дипломатии, то тем непосредственнее такая тактика навязывалась революционерам маленькой и культурно-отсталой Македонии, стоящей в центре пересечения международных интересов. Македонские революционеры и в минуты своих наибольших успехов не могли самообольщаться мыслью, что Македония fara da se («довлеет себе»). Венцом их усилий являлось всегда привлечение внимания европейской дипломатии и болгарского правительства. Варварские аграрные отношения и такие же способы «управления» толкали македонцев на путь отчаянных восстаний и четничества. А совершенно ясная невозможность разрешить судьбы Македонии собственными силами заставляла их эмпирически разбираться в вожделениях великих и малых держав и в каждый данный момент выбирать линию наименьшего сопротивления. В консульствах и посольствах эти заговорщики были в такой же мере своими людьми, как и в горах, среди профессиональных боевиков. Заготовляя адскую машину, они заранее и притом весьма недурно ориентировались, какое эхо она найдет в «руководящей» европейской печати и кто из дипломатических алхимиков превратит их динамит в новую «македонскую» ноту. Так выработался этот двойственный тип отчаянного динамитчика и дипломата себе на уме, сочетающего заговорщическую конспирацию с канцелярской тайной.

Война растворяет в себе македонского революционера. Она посылает «анархиста» Герджикова срезать телеграфные провода, а старому заговорщику Гьорджио Петрову поручает ведение интендантства в македонском легионе. Как бы война в дальнейшем ни шла и чем бы она ни закончилась, она, во всяком слу-

чае, раз-навсегда уничтожит психологические предпосылки практики и идеологии македонского четничества. После этой колоссальной по напряжению и жертвам попытки разрубить старые балканские узлы, никого нельзя будет увлечь на путь подкладывания адских машин в македонские хекуматы. Четничество окончательно изжило себя. Христо Матов и его друзья представляют собою вымирающую политическую породу.

БОЛГАРИЯ
В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
(1912—1922)

(Очерк Х. Кабакчиева)

Введение.

Прошло ровно десять лет с начала Балканской войны. Балканские народы были втянуты в эту войну еще в октябре 1912 года. В этой «освободительной» войне против турок они оросили своей кровью фракийские поля и заполнили своими костями болота перед Чаталджой. Но дело «национального освобождения и объединения» не было закончено перед стенами Царьграда. Шесть месяцев спустя, в июне 1913 года, балканские народы должны были снова проливать обильно свою кровь в горах Македонии—и уже не против «векового врага», турок, а в схватке друг с другом, в новой междусоюзнической и взаимно-истребительной войне.

Пожар войны на Балканах не был еще потушен, партизанские столкновения в Албании между албанскими племенами и сербами еще продолжались, когда вспыхнула европейская империалистическая война, которая сейчас же вовлекла в свою кровавую орбиту Сербию и скоро после этого, одно за другим, остальные балканские государства. Четыре года бушевала на Балканах империалистическая война со всеми своими ужасами. И в то время, когда эта война прекратилась в Европе, на Балканах она продолжается почти беспрерывно и по сей день: мир между Грецией и Турцией еще не восстановлен. Огненный вал войны прокатился несколько раз вдоль и вширь по всем Балканам—от Черного моря до Адриатического и от Дуная до Белого моря. Страшное разорение и массовые смерти опустошили балканские народы и превратили в развалины их очаги. Но еще пепелища на Балканах дымятся, и пролитая кровь еще не высохла, а между тем снова надвигается на балканские народы призрак

новой войны: Англия и Франция готовятся использовать эти народы, как пушечное мясо, для достижения своих империалистических планов по отношению Проливов и Турции.

Болгария находится в центре Балкан, ей пришлось играть в событиях главную роль; но зато она понесла и самые большие жертвы в кровавой трагедии балканских народов в течение последнего десятилетия. Болгария стояла во главе Балканского союза, и ее войска обеспечили этому союзу первые победы; но именно Болгария своею жадностью к завоеваниям ускорила разгром Балканского союза и явилась виновницей собственной национальной катастрофы в 1913 году. Во время европейской войны Болгария была победоносным авангардом германского империализма на Балканах. Болгарская националистическая буржуазия была накануне осуществления своей мечты о «Великой Болгарии», берега которой омывались бы тремя морями: Черным, Белым и Синим (Адриатическим) и Дунаем, и в руках которой находилась бы гегемония на Балканах. Но поражение Болгарии в 1918 году было еще более катастрофическим, чем в 1913 году; оно ускорило падение германского империализма, расчистило путь к совершенно новому распределению сил на Балканах; и теперь Болгария более отдалена от осуществления своих «национальных идеалов», чем она была десять лет тому назад.

Болгарская буржуазия употребила первые три десятилетия своего самостоятельного существования на подготовку катастрофических войн, в которые она дважды бросила болгарский народ. Эти войны принесли ему страшное разорение, громадные жертвы и новое рабство,—рабство антантовского империализма.

Есть три фактора, которыми обусловлена политика, ввергнувшая болгарский, как и вообще балканские народы в продолжительные и разорительные войны и превратившая Балканы в постоянно дымящийся вулкан: эти факторы—националистическая буржуазия, династии и европейские империалистические державы.

Балканская буржуазия вообще и болгарская—в особенности ведут националистическую завоевательную политику. Национальное освобождение и объединение балканских народов, усилиям

европейской дипломатии распыленных и поставленных в невозможные условия для их развития, является исторической и экономической необходимостью для этих народов. Но балканская буржуазия не ведет политики освобождения и объединения балканских народов, а ведет политику завоевания соседних народов и создания больших сильных «великих» держав на Балканах для расширения своих рынков, приобретения новых торговых путей сообщения, для эксплоатации новых плательщиков податей и рабочих масс и для большей добычи и богатства. Болгарская буржуазия стремится к присоединению Македонии, Фракии и Добруджи; ее жадность идет дальше: она требует расширения границ Болгарии до реки Моравы, до Валоны, Салоники и Родосто; одним словом, болгарская буржуазия мечтает о «Великой Болгарии».

Но эта «Великая Болгария» насчитывала бы восемь-девять миллионов жителей, из коих болгар было бы только пять миллионов (так велика численность болгарского народа), а остальные три-четыре миллиона—турки, греки, сербы, албанцы и другие. Ясно, что болгарская националистическая буржуазия стремится к созданию не национального, а многонационального государства, которое, чтобы поддержать владычество господствующей нации над подчиненными народами, неизбежно было бы централистическим и милитаристическим, полицейско-бюрократическим государством.

Но таковы стремления националистической буржуазии и в других балканских странах. Эти стремления мы видим теперь временно осуществленными в Румынии и Юго-Славии, где национальное объединение румынского и сербского народов достигнуто ценою национального раздробления и порабощения других народов. Опьянение «победами» и «величием» у этих государств уже прошло: они также порабощены в экономическом и финансовом отношении антантовским империализмом; они держатся благодаря огромному и непосильному милитаризму и реакционному полицейско-бюрократическому режиму, который душит борьбу эксплоатируемых классов и порабощенных народов за социальное и национальное освобождение.

Болгарская буржуазия развилась и укрепилась у власти под крылышком монархизма. В своей борьбе за независимость против завоевательных стремлений русского монархизма, в борьбе, которую болгарская буржуазия вела в первые годы после своего освобождения, и которая составляет единственное проявление действительно национальной ее политики, она искала поддержки у западных капиталистических правительств. Чтобы не попасть в лапы царской России, болгарская буржуазия бросилась в объятия монархической Австро-Венгрии. Фердинанд был агентом этого монархизма и вообще западных капиталистических держав. Династия Фердинанда сделалась первостепенным фактором, потому что через нее проводилась политика больших империалистических держав на Балканах. Но монархизм, который окреп при властвовании Фердинанда, сделался с своей стороны опорой болгарской буржуазии в ее внутренней политике. Для первоначального накопления капитала, совершавшегося по самым бесцеремонным методам насильственной экспроприации мелких производителей, крестьян и ремесленников, по методам ограбления среди бела дня государственных и общинных средств, лишения прав и насилия над трудящимися массами,—буржуазия нуждалась в сильной и авторитетной монархической власти. Монархизм, в лице династии Фердинанда, понял хорошо грабительские капиталистические интересы буржуазии и взял их под свою защиту. С своей стороны, буржуазия предоставила ведение внешней политики страны всецело в руки монархизма: династическую политику Фердинанда, которая совпадала с националистической завоевательной политикой буржуазии, но которая не имела ничего общего с истинно национальной политикой болгарского народа, буржуазия сделала своею собственною политикою.

Но такую же роль играли и продолжают играть династии и во всех остальных балканских государствах. Эти династии были и остаются агентами европейских империалистических держав: укрепляя монархизм на Балканах, они защищают классовые интересы и классовое господство балканской буржуазии и поддерживают ее националистическую завоевательную поли-

тику; в то же время они являются проводниками завоевательной политики больших империалистических держав на Балканах.

Балканы всегда служили ареной соперничества больших европейских держав. Еще Наполеон и Александр I делили между собой Балканы на «сферы влияния». Позже, в течение целого века, Россия и Австро-Венгрия боролись за преобладание на Балканах. После раздробления Балкан на множество небольших и бессильных государств западные державы, с одной стороны, и Россия—с другой, пользовались немощью и взаимным соперничеством балканских государств, чтобы превращать их в орудие своей завоевательной политики на Балканах.

Буржуазия в каждом из балканских государств была слишком слабой, чтобы самостоятельно осуществить большие завоевательные цели своей националистической политики. Поэтому она всегда искала поддержки той или иной из больших европейских держав. Но одновременно она основательно попадалась в когти европейских правительств и делалась агентом их империалистических стремлений. Заемная политика—заключение займов у европейских банков—политика займов, связанных с военными поставками и политическими обязательствами,—политика, без которой балканская буржуазия не могла развить капитализм, укрепить внутреннее свое господство, усилить милитаризм и преследовать свою националистическую завоевательную линию, запрягла еще туже балканские государства в хомут европейских и империалистических держав. Балканская буржуазия, которая стремится к завоеванию чужих земель, сделалась проводником империалистической попытки больших держав и превратила Балканы и балканские народы в объект их завоевательных планов. Конечно, и болгарская буржуазия, наподобие буржуазии других балканских государств и вообще всех стран, стремится отождествить свои классовые интересы с интересами всей нации, представить свои классовые стремления, как стремления национальные. Болгарская буржуазия сделала из «национальных идеалов» свое знамя: «национальными идеалами» она оправдывала беспрерывное усиление милитаризма, увеличение податного бремени трудящихся масс, развитие

полицейско-бюрократического аппарата государства, подъем политической реакции и т. п. Как везде, и в Болгарии «национальные идеалы» служили фиговым листом, которым буржуазия прикрывала грубый эгоистический, грабительски-классовый характер своей внутренней и внешней политики.

Ту же роль выполняют «национальные идеалы» для румынской, сербской и греческой буржуазии, потому что Румыния, Сербия и Греция имеют также свои «национальные идеалы»: каждая из них, наподобие монархической буржуазной Болгарии, стремится сделаться самым большим, самым сильным государством на Балканах, которое пользовалось бы экономическим, политическим и военным преобладанием по всему Балканскому полуострову.

Эта националистическая завоевательная политика балканской буржуазии, поддерживаемая династиями и используемая европейским империализмом, бросила балканские народы в продолжительные и разорительные войны, которые обескровили, опустошили и ввергли в новое экономическое, национальное и империалистическое рабство. Эта националистическая завоевательная политика бросила и болгарский народ в ту пропасть, где он теперь находится. Но страшная катастрофа балканских народов, и особенно болгарского народа, означает полное банкротство этой националистической завоевательной политики. Политика, которая принесла только жертвы и разорения, которая временные успехи националистических аспираций покупает ценой национального разъединения и порабощения соседних народов, которая ведет все балканские народы в лапы больших европейских хищников, которая специально для болгарского народа закончилась двумя последовательными катастрофами и новым еще более тяжелым национальным порабощением— эта националистическая завоевательная политика претерпела полное банкротство. Она не принесла балканским народам национального освобождения и объединения, она не открыла им дороги к экономическому, социальному и культурному развитию; нет, она бросила их в цепи еще более тяжелого экономического, национального и империалистического рабства!

От этого рабства балканские народы будут освобождены не буржуазией, которая на Балканах оказалась неспособной выполнить свою историческую миссию,—они будут освобождены борьбой и революцией балканских рабочих и крестьян, которая принесет одновременно социальное и национальное освобождение балканским народам и их объединение в пределах Балканской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Балканская война.

Политическая и дипломатическая подготовка войны.

Вся политическая история Болгарии в течение двух десятилетий, предшествующих войне, заполнена подготовлениями к этой «национальной» и «освободительной» войне. Первый этап по пути к национальному объединению был достигнут в 1885 г. — присоединением северной Болгарии (существовавшей согласно Берлинскому мирному договору, как независимое княжество) к южной Болгарии (Восточной Румелии), которая, согласно этому же мирному договору, была оставлена, в виде автономной области, под верховной властью султана. Против объединения обеих Болгарий, которое встречено было большим энтузиазмом всего болгарского народа, объявила себя царская Россия, «освободительница» и «покровительница» болгарского народа. Русская дипломатия смотрела на Болгарию, как на «Задунайскую губернию» и как на мост для России в Царьград: поэтому она не могла одобрить демонстративное стремление болгар к полной национальной независимости. Русские генералы начали распоряжаться в новом княжестве, как полные хозяева, и ополчили против себя буржуазную интеллигенцию, офицерство и даже первого болгарского князя Баттенберга: царская Россия не могла примириться с актом независимости, каким являлось соединение северной и южной Болгарий, происшедшее без ее ведома и против ее воли. Соединение стало началом дипломатического разрыва между Россией и Болгарией, который продолжался почти все время властвования Стамбулова—1886—

1894 г. Имя Стамбулова, убитого в 1895 году, связано с первым и самым замечательным периодом истории болгарской буржуазии, когда у нее еще были живы революционные традиции *Христо Ботева* и *Василия Левского*—двух болгарских революционеров, боровшихся и погибших за освобождение болгарского народа от турецкого ига—и когда она еще боролась против завоевательных стремлений русского деспотизма.

Вторым этапом к объединению болгарского народа должно было послужить освобождение и присоединение Македонии. Стамбулов, самый выдающийся и самый прозорливый буржуазный националист, во время междуцарствия в 1886 году (когда князь Баттенберг был свергнут с престола агентами русского царского правительства, а преемник ему еще не был отыскан), предлагал корону Болгарии султану, под формальным суверинитетом которого он надеялся достигнуть объединения всего болгарского народа—Болгарии, Македонии и Фракии— в большую автономную область, которая позже должна была разорвать последние цепи турецкого владычества и явиться в виде большой, «объединенной» «великой» Болгарии. Но болгарской буржуазии и ее руководителю Стамбулову, чтобы спастись от посягательств Романовых, пришлось опереться на Кобургов,— и в лице Фердинанда вступил на болгарский престол агент австрийского монархизма. Внутреннее капиталистическое развитие, как и внешние влияния, исходившие, главным образом, из династических кругов, направили националистическую политику болгарской буржуазии на путь завоеваний. Соперничество между националистическими аспирациями четырех балканских государств, великодержавные аппетиты четырех династий, для которых Балканы являлись тесными, потому что каждая из них хотела владеть всем Балканским полуостровом, развитие милитаризма и полицейско-бюрократического режима,— все это определило завоевательную политику буржуазии; а собственно «национальные идеалы» остались для нее только красивой мантией.

Болгарская буржуазия для целей своей внешней политики— чтобы прикрыть свои завоевательные планы—выдвинула ло-

зунг «автономии» для Македонии. Внутри, в Болгарии, она однако не скрывала своих намерений по отношению к Македонии. Литература, поэзия, журналистика, все это работало ревностно и единодушно на подготовку болгарского народа для достижения «национальных идеалов». Народный поэт Иван Вазов пел, что «Македония наша»,—и его песни декламировались с энтузиазмом в школах. С церковных амвонов благословлялось будущее «великое царство всех болгар». В казармах обучалась сильная армия, на которую расходовалась половина государственных средств, и которая воспитывалась в идеалах будущей «освободительной» войны. Македонская патриотическая интеллигенция организовывалась и вела открыто свою пропаганду как внутри самой Болгарии, так и в Македонии, за присоединение Македонии к Болгарии. Были организованы повстанческие отряды (четы), дирижируемые болгарским правительством и династией, создававшие беспорядки в Македонии, в целях подготовки вмешательства Болгарии и ее будущей войны против Турции.

Национализм и его главная политическая цель, присоединение Македонии, сделались идейным знаменем всех буржуазных и мелко-буржуазных партий. Партии делились на две большие группы: руссофилов и германофилов. К лагерю первых примыкали те, которые рекомендовали политику дружбы с Россией и которые являлись самыми ревностными агентами русского царизма в Болгарии и на Балканах: это цанковистская и народная партии, за которыми шли радикальная, земледельческая и «широкая» социалистическая (социал-патриотическая) партии. В другом лагере были те, которые агитировали за дружбу с Германией и Австро-Венгрией и были слепым орудием их империалистической политики; это либеральные партии: либералы, народо-либералы и младо-либералы. Однако, ориентируясь в своей внешней политике на разные капиталистические державы, оба эти боровшиеся за власть лагеря в своей националистической политике были солидарны между собой. Все партии стремились к осуществлению «национальных идеалов»; они отличались друг от друга только тем, что в то время, как одни из

них, для достижения этих идеалов, опирались на Россию и Антанту, другие—на центральные державы. Но и те и другие в безумной иллюзии возможности использовать большие империалистические державы для дела своей националистической политики, сделались проводниками завоевательных планов этих держав.

Внешняя политика Болгарии находилась в руках Фердинанда. Болгарские министры иностранных дел были фигурантами,—и им поверялись Фердинандом дипломатические тайны только тогда, когда требовалось подписать какой-нибудь тайный договор, предварительно уже обсуженный с австро-венгерским императором или русским царем. Фердинанд умел подготовлять «государственных мужей» для обоих курсов своей политики—германофильского и руссофильского. Когда нужно было подписать тайные договоры с Россией, он ставил у власти Данева, Тодорова или Малинова; когда же нужно было заключить тайные конвенции с Австро-Венгрией и Германией, он призывал к власти Радославова, Тончева или Геннадиева. Русская революция опубликовала часть этих тайных договоров. Важнейший из них—договор 1902 года, заключенный при правительстве Данева. Это соглашение отдавало болгарские армии и болгарские пристани в полное распоряжение России.

На младотурецкий переворот в Турции Болгария ответила «провозглашением независимости»—уничтожив последние остатки формального суверенного права Турции. Но «провозглашение независимости» не было самостоятельным делом болгарского правительства. Оно было условлено в Вене—между тогдашним министром иностранных дел австро-венгерской монархии Эренталем и Фердинандом. Австро-Венгрия, провозгласив присоединение Боснии и Герцеговины, одновременно толкнула Болгарию прокламировать свою независимость, заставив ее для этого мобилизовать две дивизии на турецкой границе, парализовала какую бы то ни было попытку протеста со стороны Турции против аннексии Боснии и Герцеговины и углубила свое влияние в Болгарии. Фердинанд заполучил королевскую корону и титул «болгарского царя». Но болгарский народ не выиграл ничего,

кроме нового государственного долга в сто миллионов левов, занятых у русского правительства на унизительных и связывающих по рукам и ногам политических условиях. Таким образом «провозглашение независимости» было использовано одновременно Австро-Венгрией и Россией для усиления их влияния над Болгарией и для фактического ограничения ее независимости; попользовался здесь и Фердинанд—в интересах закрепления монархизма. Этими «национальными успехами» Болгария обязана демократической партии,—которая является в стране главной носительницей «принципов» и «идеалов» буржуазной демократии.

После того как Фердинанд сделался «болгарским царем», он начал еще энергичнее ратовать за «объединение всех болгар»—под своим скипетром,—т.-е. прежде всего за присоединение Македонии—этой «самой блестящей жемчужины», которой Фердинанд очень хотел украсить свою царскую корону. Уверенный в полной внутренней поддержке со стороны буржуазных партий, Фердинанд стремился прежде всего обеспечить себе внешнюю дипломатическую и военную поддержку. С этой целью он потребовал от демократического правительства изменения конституции и формального облечения его тем правом, которое он фактически практиковал—связывать Болгарию тайными политическими и военными договорами. После того как демократическая партия провела через Народное Собрание (парламент) эту «демократическую» реформу, Фердинанд поставил у власти народную и цанковистскую партии,—самых верных сторонников русской политики в Болгарии; созвано было в 1911 г. Великое Народное Собрание (Учредилка), и санкционировано изменение конституции. Эти партии нужны были Фердинанду, чтобы заручиться доверием и поддержкой со стороны России и обмануть Турцию своим «миролюбием»,—ибо народная партия, во главе с Гешовым, считалась самой преданной Турции партией.

Националистическая политика болгарской буржуазии, руководимая Фердинандом при активной поддержке всех буржуазных и мелко-буржуазных партий, вошла в свою последнюю и решительную фазу.

Обеспечив себя поддержкой всех партий и увидев свои руки вполне развязанными, Фердинанд приступил, по внушению и под руководством царской России, к созданию Балканского союза.

Балканский союз и Россия.

Основание Балканскому союзу было положено заключением сербско-болгарского договора. Союз между Болгарией и Сербией был расширен несколько месяцев спустя заключением Болгарией подобных же договоров с Грецией и Юго-Славией. Вместе с политическими договорами были заключены и военные конвенции, в которых был определен размер взаимной военной помощи союзников друг другу.

Каковы были политические цели этих договоров? В сербско-болгарском договоре предусматривалось, на случай победоносной войны с Турцией, разделение Македонии между Болгарией и Сербией,—при чем большая, юго-восточная, часть Македонии предоставлялась Болгарии и значительно меньшая, ее северо-западная часть—Сербии. Но в то же время договор разрешал Болгарии и Сербии «распоряжаться свободно», т.-е. заграбить первой—территорию восточнее Струмы, т.-е. Фракию, и второй—территорию на севере и западе от горы Шар, т.-е. Санджак (Старую Сербию и Албанию). Этим договором националистическая буржуазия Болгарии и Сербии обнаруживала свои истинные, завоевательные цели, которые сводились к завладению и разделу Македонии и других восточных и западных областей бывшей европейской Турции.

В договорах с Грецией и Черногорией определялись, в более общей форме, будущие «сферы влияния», т.-е. добыча, которую должны были получить эти помощники Болгарии в ее «великом национальном деле».

Из военных конвенций, заключенных одновременно с политическими договорами, заслуживает внимания конвенция между Болгарией и Сербией, в которой, кроме пунктов, относящихся к распределению военных сил против Турции, был специальный пункт, в силу которого Болгария обязывалась дать в помощь Сербии 200.000 войска, в случае нападения на последнюю со

стороны Австро-Венгрии. Этот пункт бросает свет на интимные и отдаленные цели, которые Россия, не без знания своих союзников, преследовала Балканским союзом; царская империя имела в виду создать на Балканах аванпост Антанте,—который в готовящейся европейской войне должен был быть использован против центральных держав. Если Балканский союз послужил другим целям, то это только благодаря националистическим правительствам и балканским династиям, которые ради «национальных идеалов» ввергли этим союзом балканские народы в авантюру войн, грабежа и раздела награбленного у Турции.

Разоблачения дипломатических махинаций, сделанные по окончании мировой войны в Вене, а отчасти в Париже и Риме, подтвердили не только то, что Балканский союз был создан Антантой ради будущей европейской войны, но раскрыли и следующее. В июле 1913 года, когда интриги Австро-Венгрии и политика России, не желавшей допустить осуществления широких планов Фердинанда и боявшейся создания большой, сильной и самостоятельной Болгарии, привели к распадению Балканского союза, Европа оказалась совсем уже накануне вспышки большой европейской войны. Австро-Венгрия тогда уже испрашивала согласия и поддержки Италии, собираясь вторгнуться в Сербию, чтобы спасать Фердинанда и заменить Россию в ее роли на Балканах; но Италия отвергла это требование Австро-Венгрии под предлогом, что «casus belli» не существует в их союзническом договоре.

Значит, если бы интересы и подготовка Италии летом 1913 г. позволили ей поддержать агрессивные намерения Австро-Венгрии, большая империалистическая война вспыхнула бы на год раньше. Австро-Венгрия, которая в 1913 г. не решилась сама выступить против Сербии, в следующем году использовала первый подвернувшийся случай — убийство австрийского престолонаследника,—чтобы, при согласии и поддержке Германии, наверстать упущенное. Эти факты доказывают, что, действительно, Балканская война послужила прологом мировой империалистической войны—не только потому, что она вообще обострила противоречия между двумя большими империалистическими коали-

циями, но и потому, что, разложив Балканский союз и ослабив позиции Антанты, она усилила непосредственно агрессивные тенденции центральных держав и ускорила начало мировой империалистической войны.

Все дипломатические документы установили самым точным образом, что Балканский союз был заключен по внушению и под руководством царской России. Более того, дипломатические разоблачения, сделанные после Октябрьской революции (по документам архива Азиатского департамента в Петрограде), доказали, что в том же 1912 году, когда был заключен Балканский союз и военная сербско-болгарская конвенция, обещавшая выставить 200.000-е болгарское войско против Австро-Венгрии, Фердинанд получил «заем» от русского государственного банка, в трех миллионах лев золотом, в уплату которых он не возвратил ни одного сантима. Этот факт бросает яркий свет вообще на предательскую роль балканских династий, которым балканская буржуазия вверила осуществление «национальных идеалов».

Таковы делишки, которые обделывали парижские и берлинские банки с министрами националистической буржуазии на Балканах — уплачивая им каждый раз при заключении государственных займов «комиссионные»; такие же сделки совершали петроградское и венское правительства с балканскими династиями, устраивая им непосредственно за заключением конвенций «займы».

Но Россия не доверяла вполне своему подкупленному орудию, Фердинанду, как не доверяла и болгарской националистической буржуазии. Деспотическая Россия боялась великой и сильной Болгарии, которая могла бы направить свое оружие против нее и стать поперек ее пути к Константинополю. Поэтому, когда болгарские войска находились под Чаталджой, Россия объявила себя против намерении Фердинанда войти в Константинополь: в самом деле—какой-то маленький болгарский царь приготовил уже свою царскую колесницу и один эскадрон блестящей гвардии к своему торжественному въезду в Царьград, к чему большие русские цари безуспешно стремились в продолжение целых трех столетий!.. Поэтому позже, когда Болгария,

завладев всей Фракией до Родосто, хотела сохранить за собой и всю Македонию, до Солуни, Битоли и Скопле, Россия снова ополчилась против этих «великих» националистических стремлений болгарской буржуазии и династии; она поощрила сопротивление Сербии широким завоевательным планам Болгарии и таким путем содействовала появлению второй междусоюзнической войны, которая разрушила созданный Россией же Балканский союз. Мстительность русского царя, без ведома и согласия которого Фердинанд и его министры начали слушаться советов Вены, дошла до того, что он в самый трагический момент, когда сербские и греческие войска вошли в Болгарию, толкнул Румынию с севера в спину Болгарии и молчаливо одобрил нашествие турок с юга.

Болгария была побеждена и подавлена. Но вместе с нею был уничтожен и Балканский союз. Болгария была брошена в объятия Австро-Венгрии и Германии.

Партии и война.

Буржуазия встретила войну националистическим беснованием. Национализм праздновал свой триумф, в мутных потоках шовинизм закрутил все партии и большую массу болгарского народа. Всеобщая военная мобилизация, объявленная одновременно — 17 сентября 1912 г. — в Болгарии, Сербии и Греции, еще более взвинтила энтузиазм и самоуверенность увлеченных национализмом народных масс. Против напора этого стихийного шовинистического и воинственного потока устояла смело и решительно одна единственная партия — это партия *«тесных»* социалистов, которая теперь называется *Болгарской коммунистической партией*. Но эта партия была очень слаба, чтобы остановить этот поток, — и война пришла со всеми катастрофическими последствиями, которые наша партия предсказала накануне ее объявления.

22 сентября 1912 г. в Софии открылось Народное Собрание, которое должно было голосовать кредиты для объявленной за пять дней до этого военной мобилизации. Царь Фердинанд был встречен в парламенте всеми партиями, как триумфатор. Националистическая буржуазия сложила к его ногам свою судьбу, она

питала безграничную веру в его дипломатические способности,— потому что никогда она не знала, что он делал: в тайны своих дипломатических переговоров и сделок Фердинанд посвящал только одного или двух из своих министров, поскольку это было необходимо подписать подготовленные им и русским или австрийским правительствами договоры. Народное Собрание не знало о заключенных тайных договорах и военных конвенциях, оно аккламировало, кричало «ура» и голосовало требовавшиеся сотни миллионов.

Представитель «широко»-социалистической (т. е. социал-патриотической) партии в Народном Собрании, Я. Сакызов, поднял свой голос против войны,—но не потому, что эта партия была против националистической, династической и завоевательной войны, а потому, что Болгария не была хорошо к ней подготовлена. Голос этого социал-патриота была заглушен бешеным шовинистическим ревом всего парламента. Позже этот же самый представитель широко-социалистической партии увлекся первыми победами в марте и в апреле 1913 г., он стал требовать от Сербии уступки всей Македонии, ибо—говорил он—«то, что наше, нашим должно остаться!»...

Руссофильские партии оппозиции—демократы, радикалы и земледельцы—безоговорочно поддержали коалиционное правительство объявивших войну народной и цанковистской партий, во главе которых стояли Гешов и Данев. Малинов, руководитель демократической партии, заявил с трибуны Народного Собрания, когда болгарские войска гибли от тифа и холеры под Чаталджой: «Наша победоносная армия должна войти в Царьград и водрузить над святой Софией честной крест на месте полумесяца».

Либеральные партии приветствовали войну и победы, но они делали оговорки относительно Балканского союза и русского курса воинственной политики. Фердинанд держал либеральные партии в резерве, чтобы использовать их, когда это будет нужно, когда другие партии окажутся скомпрометированными. И действительно, когда болгарская армия была разбита в междусоюзнической войне (июнь и июль 1913 г.), когда политика завоевания и гегемонии на Балканах сплотила и ополчила

против Болгарии всех ее соседей, когда румынские войска находились под столицей Софией, тогда Фердинанд поставил у власти шефов либеральной коалиции—Радославова, Тончева и Геннадиева—и с помощью их перебросился из лагеря России и Антанты в лагерь центральных держав.

Буржуазные партии обоих лагерей, вся националистическая буржуазия поддерживала войну; ее поэты воспевали ее, как «национальную» и «освободительную», ее журналисты раздували шовинизм в массах, а ее профессора доказывали «научно», что Болгария имеет «исторические права» на Родосто, Салоники и Эгейские острова, что они якобы необходимы для развития Болгарии, и что без них она непременно задохнется и погибнет.

Мы выше сказали, что только партия *«тесных»* социалистов заявила себя противницей войны. В день мобилизации, 17 сентября 1912 года, орган партии—*«Работнический Вестник»* поместил передовицу, в которой говорилось:

«Мы заявляем открыто перед рабочим классом и всем болгарским народом, что в данной войне Болгария явится чужим орудием, что, даже в случае победы, она только обожжет себе руки, вынимая из огня каштаны, которые будут есть другие. Не в войне и не в союзе балканских государств против Турции, а в союзе со всеми балканскими государствами и Турцией против больших капиталистических держав—в Балканской Федеративной Республике—теперь спасение балканских народов. Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствует Балканская Федеративная Республика!»

За этот смелый язык *«Работнический Вестник»* был воспрещен в продолжение пяти месяцев. Только в половине февраля 1913 г. ему удалось вновь начать выходить; и хотя он подвергался самой строгой цензуре, он продолжал борьбу против войны.

Партия представила на Базельском конгрессе, в ноябре 1912 года, посредством своего делегата, пишущего эти строки, печатный протест против войны. Но бюро конгресса, во главе с председателем его, Виктором Адлером, и другими, не разрешило оглашения этого протеста. Только выдержки из него были

напечатаны в берлинском «Vorwärts». Это отношение европейской социал-демократии к единственной в Болгарии партии, которая смело и решительно высказалась против войны, стало вполне понятным два года спустя, в 1914 году—когда та же самая социал-демократия свернула свое знамя перед империалистической буржуазией и совершила страшную и беспримерную в истории измену делу угнетенных классов и революции.

Точно так же смело и решительно боролись против Балканской войны наши сербские товарищи.

«Работнический Вестник» под режимом цензуры успел напечатать одно воззвание партии также и против подготовлявшейся междусоюзнической войны. Он сделался нашей постоянной и самой распространенной газетой на фронте, вследствие чего главное командование воспретило его распространение среди войск. Вопреки всему, партия продолжала свою борьбу против войны. Народные массы видели, как каждый день все более и более сбываются предсказания партийного органа, как «освободительная» война оказывалась на деле сущей завоевательной, как она неизбежно вела к громадным жертвам и бедствиям, как она подготовляла большую национальную катастрофу. Болгарские рабочие и крестьяне еще тогда, лет десять назад, увидели в теперешней Коммунистической партии своего верного и беззаветно преданного защитника. Этим и объясняются успехи партии, как партии массовой, после войны.

От победы к поражению.

В течение нескольких недель армии молодых и маленьких балканских государств разгромили старую, вековую Турецкую империю. Эту победу Балканский союз одержал благодаря быстрой мобилизации и концентрации войск, близости театра войны и своему современному вооружению. Но еще больше этой победой Балканский союз обязан был энтузиазму, который националистическая буржуазия сумела влить в народные массы. Война, посредством которой буржуазия стремилась добыть рынки Македонии и Фракии, пристани Салоники и Деде-Агач, эксплоатацию новых миллионов трудящихся и плательщиков

податей, накопить больше прибыли, добычи и богатств; война, которою династия хотела расширить и укрепить свою монархическую власть и достигнуть владычества над Болгарией великой и сильной,—эта война захватила рабочие и крестьянские массы, которые шли в полной уверенности, что они проливают свою кровь за «великое национальное дело».

Но скоро опьянение от побед начало исчезать. Война далеко еще не была закончена, Турция выставила свои азиатские резервы—и при Чаталдже остановила победоносный ход болгарской армии. Болгария бросила все свои боевые силы еще в первый период войны—и имела 120.000 жертв—убитых и раненых. Холера и тиф продолжали косить и ослаблять ряды армии. Националистические иллюзии начали рассеиваться. Продолжительная зимняя окопная война под Чаталджой и Адрианополем, бесконечные мирные переговоры, конца которым не было видно—пришли на смену розовым надеждам. Народные массы были глубоко разочарованы.

В это время разногласия между союзниками начали проявляться все более резко и более демонстративно. Сербская и греческая армии использовали полное сосредоточение болгарских войск под Чаталджой и Адрианополем, чтобы оккупировать: первые—Македонию, и вторые—Салоники. То, что *«тесные»* социалисты предсказали в самом начале войны, и что было неизбежным, уже осуществлялось: Балканский союз, который не был союзом балканских народов, а был династическим и военным союзом для достижения завоевательных целей националистической буржуазии, начал разлагаться, как только общий враг, Турция, был разгромлен, и союзники приступили к разделу добычи.

Завоевательные стремления болгарской буржуазии усиливались одновременно с победами армии. Захватив всю Фракию и Родосто, она не хотела уступить ни пяди от Македонии своим союзникам, требовала для себя и Скопле, и Битоль (Монастырь), и Салоники. Сербская и греческая буржуазия, с своей стороны, также не хотела упустить захваченной добычи, находившейся в их руках, и боялись гегемонии Болгарии, которая владела

бы всей Фракией и Македонией. Балканы оказались тесными для удовлетворения широких завоевательных планов националистических буржуазий и династий.

Болгарская буржуазия, ее партии и Фердинанд сознательно провоцировали новую междусоюзническую войну. Они были настолько ослеплены первыми победами, что не замечали ни истощения войск, ни разочарования масс; они не понимали, что «велико-национальные» интересы Болгарии объединят и ополчат против нее всех ее соседей.

16 июня 1913 года вспыхнула кровавая и позорная война между вчерашними союзниками на Балканах. В течение нескольких дней болгарская армия была побеждена соединенными силами Сербии и Греции, к которым скоро присоединились Румыния и Турция. Катастрофа Болгарии была полная. Если она не была разделена между соседями, то вовсе не благодаря великодушию их одинаково-жадных буржуазий, а единственно в силу невозможности для великих держав притти к соглашению относительно раздела Болгарии.

Поражение Болгарии было первым большим поражением в националистической, завоевательной политике болгарской буржуазии. Это поражение доказало, что национального освобождения и объединения балканских народов нельзя достигнуть путем завоеваний и войн, путем создания «великих» царств на Балканах, путем объединения одного из балканских народов за счет раздробления и порабощения остальных. Реками крови, массовыми бедствиями и страшными страданиями балканских народов, и особенно болгарского народа, доказало это поражение правильность политики, которую за два года до того, на первой своей общей конференции в 1910 году, решили проводить все балканские социал-демократические партии—политики *Балканской Федеративной Республики.*

Но балканская и болгарская буржуазия ничему не научились на кровавых исторических уроках. И народы поплатились новыми национальными катастрофами: участь Болгарии 1913 г. испытала Сербия в 1914 году, Румыния—в 1915 году и Греция—в наши дни. Болгарский же народ в 1918 году вторично распла-

тился своей кровью за преступные стремления своей буржуазии и династии.

Бухарестский мир (июль 1913 г.), положивший конец балканским войнам, продолжавшимся с 1912 по 1913 год, отнял у Болгарии все ее победы и еще более сузил ее границы. Однако националистическая буржуазия и династия не отказались от своей преступной политики. Болгарская армия была демобилизована, но Фердинанд своим манифестом, по случаю демобилизации, оповестил болгарский народ, что «знамена свертываются до более благоприятного времени».

На другой день после демобилизации буржуазная и монархическая Болгария начала готовиться к реваншу.

II. Империалистическая война.

На поводу у Германии.

Разложение Балканского союза означало победу центральных держав. Болгария, побежденная и изолированная, перебросилась в 24 часа из объятий царя Николая в объятия кайзера Вильгельма. Болгарская буржуазия и династия остались верными своей традиционной политике: когда не состоят орудиями при русском деспотизме—состоять таковыми при германском империализме.

Деспотическая Россия, под высоким покровительством которой был создан Балканский союз, и на поддержку которой более всего рассчитывали болгарские националисты—оставила Болгарию на произвол судьбы, как только она начала требовать больше того, что русский царь хотел дать. Деспотическая Россия, чтобы сдерживать широкие амбиции и жадность болгарской буржуазии и династии, настраивала против Болгарии сперва Сербию, а потом и Румынию. Жестокая и мстительная, как всегда, монархическая Россия, оставив свое орудие и свою жертву на произвол судьбы, поражения и унижения,—этим самым толкнула Болгарию в объятия империалистической Германии.

Еще весной 1914 г. либеральная коалиция, во главе с Радославовым, начала свои тайные переговоры с Австро-Венгрией и Германией относительно привлечения Болгарии в союз центральных держав. Германское правительство имело в виду закрепить политический и военный союз с Болгарией финансовым займом, в котором болгарское правительство крайне нуждалось прежде всего для восстановления военной мощи Болгарии. Правительства Антанты, главным образом—Франции, которые

следили зорко за новым курсом болгарской политики, предложили Болгарии заем из парижских банков на более выгодных условиях. Борьба вокруг займа двух балканских синдикатов—берлинского, во главе с Diskonto-Gesellschaft и парижского, во главе с Banque de Paris et des Pays-Bas—была прелюдией к большой дипломатической борьбе между Францией и Германией, в целях вовлечения Болгарии в предстоящую империалистическую войну. И оба банковые синдиката действовали, конечно, не только политическими, но и денежными аргументами. Вопрос заключался в том, кто больше дает: министры коалиционного либерального правительства получили, наконец, свою «комиссионную» долю от Diskonto-Gesellschaft, и вопрос о заключении займа в Берлине был решен. Но победа берлинского банкового синдиката объясняется еще и общим политическим положением Болгарии: разочарование в России и Антанте питало надежду, что политика реванша и «национальных идеалов» будет, наконец, осуществлена в союзе с центральными державами.

Антантовские правительства, конечно, не сидели сложа руки. Они потратили десятки миллионов, чтобы купить себе на службу руссофильскую оппозицию. Они основали синдикат для закупки болгарского хлеба, рассчитывая этим лишить Болгарию необходимых хлебных рессурсов,—на случай если бы она вмешалась в предстоящую войну на стороне их врагов.

Вспыхнула империалистическая война. Сербия была вовлечена в нее раньше, чем успела демобилизовать свое войско, находившееся на Албанской границе, где последнее эхо балканской войны не успело еще заглохнуть. Поражение Сербии и успехи центральных держав в европейской войне усилили германофильский курс болгарского правительства. Под маской «нейтралитета»—в начале «дружеского» и потом «вооруженного»—Болгария подготовлялась броситься в большую войну под знаменем кайзера Вильгельма. Либерально-коалиционное правительство заключило два тайных договора—один с Австро-Венгрией, другой с Германией: Болгария обязывалась вмешаться в войну на стороне центральных держав, взамен чего получила от них обещание финансовой поддержки, по 50 миллионов еже-

месячно, и «территориальных компенсаций», состоявших в присоединении Македонии, а также Сербии до реки Моравы и Добруджи—до Черна-Вода.

Но буржуазная и монархическая Болгария готовилась к новой империалистической войне уже в совершенно иной психологической обстановке, по сравнению с кануном Балканской войны. Все усилия националистической буржуазии оживить патриотизм и шовинизм народных масс остались напрасными. Отсутствовало настроение и желание, не было веры, не было энтузиазма. Хотя вся буржуазия, т.-е. оба лагеря буржуазных партий, германофилы и руссофилы, проповедовали и подготовляли войну за осуществление «национальных идеалов», но первые требовали союза с центральными державами, а вторые—с Антантой. И вот это раздвоение нарушало единство и уменьшало влияние националистических и шовинистических агитаторов.

И болгарскому правительству, чтобы суметь бросить народные массы в новую войну, нужно было объявить военное положение, обуздать цензурой печать, ввести самый безоглядный реакционный режим за целый год до открытия военных действий (сентябрь 1915 года).

Сплочение буржуазных партий.

Партии обоих лагерей, германофильского и руссофильского, вели ожесточенную борьбу между собою до самого объявления войны. Но существо этой борьбы заключалось отнюдь не в том, что оппозиционный руссофильский блок будто был против войны, а правящая германофильская коалиция была за войну. Наоборот, правительство и оппозиция, все партии «объединения»—стояли за войну, которой они ставили «великую» историческую задачу: реванш и осуществление «национальных идеалов». Борьба велась из-за того, на чьей стороне должна была вмешаться Болгария в войну—на стороне ли центральных держав, или на стороне Антанты. На фоне этой борьбы между буржуазными партиями выделялись дирижирующие фигуры дипломатических представителей двух воюющих коалиций. Немного дальше, за кулисами, стояли представители двух банковых синдикатов.

Руссофильский оппозиционный блок, спинным хребтом которого являлись народная, цанковистская и демократическая партии, увлек за собой три мелко-буржуазных партии: радикальную, земледельческую и «широко»-социалистическую (социал-патриотическую). Инспирируемый руководителями этого блока, *народняками*, в целях принудить Фердинанда в последний момент перейти на сторону Антанты, лидер земледельцев Стамболийский (нынешний министр-председатель Болгарии) произнес во дворце запугивающую речь против династии. За этот свой «героический» подвиг Стамболийский едва не поплатился жизнью; он был отдан под суд, осужден на вечное заключение и просидел три года в тюрьме; это доставило ему большую популярность среди крестьянских масс. Но ему не удалось отклонить Фердинанда от его решения итти с Австро-Венгрией и Германией.

Однако, на другой день после объявления войны, борьба между оппозиционным блоком и правительством затихла. Руководящий печатный орган блока, газета «Мир» заявила сейчас же, что оппозиционные партии «свертывают свои знамена» перед начатым «великим национальным делом». Газета «Препорец» и другие органы оппозиции присоединились к этому. Сторонники земледельческого союза кой-где в рядах армии протестовали против осуждения Стамболийского; но этим и закончилась оппозиционная борьба земледельцев против правительства Радославова. Широко-социалистическая партия отпечатала воззвание против войны, но не имела смелости распространить его,—уничтожила его раньше, чем вывезти из типографии.

Таким образом, очень скоро вся националистическая буржуазия, от самых правых до самых левых ее групп, сплотилась под знаменем националистической завоевательной политики. Разница между 1912 и 1915 годом была та, что в 1912 г. эта политика велась руссофильской коалицией, во главе с Гешовым и Даневым, под покровительством России и Антанты, а теперь та же политика велась германофильской коалицией—во главе с Радославовым и Тончевым, под патронатом Германии и центральных держав.

Быстрые победы над Сербией, ее оккупация до реки Моравы болгарскими войсками, овладение почти всей Македонией, а год спустя—победы над Румынией и оккупация Добруджи болгарскими же войсками,—все это являлось триумфом не только политики Радославова, но вообще националистической завоевательной политики болгарской буржуазии и династии. В действительности же, эти победы и этот триумф национализма и монархизма были временными и преходящими, какими были в 1912 году, хотя бы и бо́льшей длительности и масштабов. Но националистическая буржуазия ничему не научилась от недавнего кровавого исторического опыта; мутные воды шовинизма снова залили буржуазную прессу, литературу, поэзию и науку, писателей, поэтов и профессоров буржуазии,—все было двинуто в работу для того, чтобы раздувать националистические иллюзии и шовинистические страсти. Радославов, тогдашний министр председатель, заявил: «Там, где проходила болгарская нога, земля останется болгарской»,—и эта фраза повторялась на разные лады всеми жрецами националистической идеологии. Болгарские профессора снова доказывали «научно», что Македония,—в которой до балканской войны, по существовавшим самым положительным статистическим данным, болгары составляли одну треть всего населения, а турки, греки, албанцы, сербы и евреи составляли другие две трети—болгарская; что Салоники, где в 1912 году из 60.000 населения болгары насчитывали только 12.000, должны принадлежать Болгарии; что даже Родосто на Мраморном море и Валона на Адриатическом, где уж совсем нет никаких болгар, являются необходимыми для будущей большой торговой политики «великой» Болгарии. А один профессор сделал открытие, что должен быть возвращен Болгарии и остров Крит,—где одна деревня называлась неласковым болгарским названием «Кратуна» [1]) и имела старинные исторические связи с болгарским племенем.

Националистическая горячка снесла границы между партиями двух боровшихся лагерей. *Народняки* писали хвалебные статьи

[1]) «Кратуна»—название овоща, вроде тыквы; в переносном смысле—«пустая башка», «дурак» и т. п...

в своем органе «героическому духу», *демократы* предложили свои услуги Радославову в качестве его политических представителей в Германии; *земледельцы* писали верноподданнические письма главнокомандующему и всецело приняли воинственную германофильскую политику либерального правительства; даже *широкие социалисты* поспешили помочь победоносному завершению «великого национального дела». Я. Сакызов одобрил политику Радославова в парламенте и получил за это его благодарность; более молодые сторонники Сакызова посетили, в качестве корреспондентов, кайзера Вильгельма и генералиссимуса Гинденбурга, чтобы походатайствовать о «коридоре»—через Сербию между Болгарией и Австро-Венгрией; а другая широкосоциалистическая делегация поехала на предполагавшуюся международную социалистическую конференцию в Стокгольм (май 1917 г.) с официальной миссией — защищать «национальные интересы», т.-е. аспирации националистической, завоевательной политики Болгарии.

Впрочем, буржуазные правительственные и оппозиционные партии сплотились еще с первого дня в Народном Собрании, созванном после объявления войны,—где они все одобрили политику Радославова и голосовали ему все военные кредиты. *Широкие* социалисты воздержались от голосования, но в своей декларации они дали понять, что они поддерживают «национальное дело», начатое правительством.

Чем дальше развертывалась война, тем решительнее и безусловнее буржуазная оппозиция отдавала себя в услужение либеральной коалиции. Когда в 1917 г. Фердинанд устроил торжественную встречу германскому кайзеру Вильгельму в Софии, шефы всех буржуазных оппозиционных партий были выстроены шпалерой перед высочайшим гостем и верноподданнически... *целовали ему руку!* Это был апогей династической политики Фердинанда.

Борьба «тесных» социалистов против войны.

Партия *«тесных» социалистов* была единственной, объявившей себя решительно против войны. В день мобилизации центральный комитет партии выпустил воззвание, распространенное в тысячах

экземпляров среди народа и войска, в котором он разоблачил истинные завоевательные цели войны и предсказал гибельные катастрофические ее последствия. Это воззвание заканчивалось следующими словами:

«Мы заявляем, что балканским народам нечего делить между собой, что если есть что-либо, толкающее их на междоусобные войны, то это капиталистические и династические интересы правящих классов и династии. Спасение балканских и европейских народов от ужасов бушующей всемирной войны—в уничтожении капитализма и его спутников: милитаризма и империализма. А этого можно достигнуть только путем непримиримой революционной классовой борьбы пролетариата всех стран, сплоченного международной солидарностью. Через границы мы подаем братскую руку рабочим Сербии, Румынии, Греции и Турции и вместе со всем баяканским пролетариатом заявляем:

Долой войну! Да здравствует международная рабочая солидарность! Да здравствует *Балканская Федеративная Республика!* Да здравствует освободительный революционный социализм!»

За это воззвание, отпечатанное и распространенное нелегально, правительство предало членов центрального комитета военному суду. Но ввиду того, что они были депутатами Народного Собрания, и правительство опасалось, что лишение их депутатской неприкосновенности и привлечение к суду подымет массовое недовольство в народе и армии, их не посмели арестовать. Позже, однако, когда недовольство рабочих масс приняло большие размеры и среди войск, и *тесно*-социалистическая партия приобрела громадное влияние как в стране, так и на фронте, правительство набралось храбрости,—и военные суды приговорили за нелегальную борьбу против войны двух членов центрального комитета: *Т. Луканова* на 5 лет и *Г. Дмитрова* на 3 года тюремного заключения. Депутат *К. Ципоранов* был продержан в тюрьме 9 месяцев без суда за такую же нелегальную деятельность.

Правительство набросилось со всем своим свирепым пылом на *«Работнический Вестник»*, ежедневный орган партии. Не менее свирепая военная цензура опустошала ежедневно большую часть

колонн газеты. Последнюю приостанавливали более 10 раз,— то на несколько дней, то на целый месяц; много номеров было конфисковано; редакцию несколько раз отдавали под суд. Но, несмотря ни на что, *«Работнический Вестник»* продолжал свою смелую и непримиримую кампанию против войны. Этой своей решительной борьбой газета привлекла к себе симпатии широких масс в стране и, особенно, на фронте. Несмотря на все усилия со стороны военного командования затруднить получение газеты на фронте, она проникала туда в десятках тысяч экземпляров. Солдаты ее требовали; были некоторые роты, в которых все солдаты получали *«Р. В.»*, и когда власть не пропускала его, солдаты протестовали. Боясь усиления недовольства на фронте, власть шла на уступки требованиям солдат. Но она мстила отдельным, наиболее смелым товарищам-солдатам, организовывавшим распространение газеты в армии: сотни из них были осуждены на долгие годы тюрьмы, другие десятки были расстреляны.

15 декабря 1915 года, в день первого заседания Народного Собрания после объявления войны, тов. *Дмитрий Благоев*, старый основатель и вождь партии, огласил энергичную декларацию протеста против войны от имени партийной парламентской группы, которая голосовала—единственная в парламенте—против военных кредитов. Партия продолжала борьбу в парламенте, используя трибуну парламента для самой широкой революционной агитации среди народных масс и войск. Впрочем, партия объявила себя против войны еще до формального вступления в нее Болгарии; с восторгом встретила она протест тов. Карла Либкнехта в германском парламенте и заклеймила беспощадно измену социал-патриотов.

Благодаря этой борьбе против войны, партия приобрела широкое и большое влияние среди рабочих и крестьянских масс. Но это влияние не было прочным и сознание масс не стояло достаточно высоко, чтобы партия могла предпринять более революционную кампанию еще во время войны. Вспыхнувший после поражения, в сентябре 1918 г., стихийный солдатский бунт был использован *земледельцами*, которые, под лозунгом водворения республиканского строя, взяли власть, чтобы изменить на

третий уже день своим обещаниям и стать самыми ревностными сторонниками монархизма и царя Бориса III.

Влияние нашей партии после катастрофы усилилось еще больше. Она организовала массовые кампании с требованием общей амнистии и с лозунгами русской революции; под своим знаменем в парламентских выборах она сплотила 180.000 рабочих и крестьян. Партия согласовывала и соединяла свою борьбу в парламенте с революционными кампаниями среди трудящихся масс, она провела после войны большую общую политическую забастовку и множество массовых демонстраций,—и в этой борьбе она имела тысячи арестованных, сотни осужденных и десятки убитых жертв. Сейчас же после основания Коммунистического Интернационала, партия *тесных социалистов* присоединилась к нему, изменив свое название в *Болгарскую Коммунистическую Партию*, и приняла программную декларацию вполне в духе принципов и тактики Коммунистического Интернационала (на съезде в мае 1919 г.).

Вторая национальная катастрофа.

Националистическая буржуазия и ее хвалители были опьянены победами, они не видели и не слышали того, что творилось в глубинах народных масс, в стране и в окопах. Они не видели растущей нищеты и бедствий трудящихся масс, они не слышали воплей и стенаний исстрадавшихся босых и голодных солдат в окопах. Буржуазия праздновала триумф своей воинственной и завоевательной политики, которая сулила ей новые рынки для ее товаров, новые торговые пути и массы новых плательщиков податей. Война превратилась в золотой дождь для буржуазии, которая при всем своем большом «патриотизме» послала на фронт все-таки рабочих и крестьян, а сама осталась в тылу и занялась накоплением колоссальных богатств, посредством всевозможных сделок с интендантством и государством, наглым грабежом хлеба и обмундирования для войск. В 1916, 1917 и 1918 годах открылись сотни новых банков и акционерных обществ, внесенный в банки и общества капитал увеличился в десятки раз. Могла ли при этих условиях буржуазия торопить с окончанием войны и заключением мира?

Но растущие разорение, усталость и истощение народных масс, недовольство в войсках и общее положение центральных держав заставили Фердинанда переменить правительство. Эта перемена правительства, однако, не была и переменой политики. В июне 1918 года либеральное коалиционное правительство Радославова было заменено коалиционным демократическо-радикальным правительством *Малинова*. Эти две партии, которые десятки лет вели руссофильскую политику, до момента объявления войны были самыми ревностными агентами Антанты и работали изо всех сил на привлечение Болгарии в антантовский лагерь—взялись продолжать войну и германофильскую политику либеральной коалиции. И, действительно, первым актом нового правительства было—послать верноподданническую телеграмму кайзеру Вильгельму, в которой оно засвидетельствовало свою полную преданность политике центральных держав.

Правительство Малинова оперлось на те же факторы, на которые опиралось и правительство Радославова: оно правило при том же парламенте и том же главном военном командовании, оно сохранило военные суды и цензуру в стране, оно усилило террор над войсками и на фронте. Это правительство, которое должно было послужить отдушиной накопившемуся негодованию в народных массах, приняло власть во имя трех главных целей: прекратить разложение, накормить и одеть войско, ускорить заключение мира. Оно не выполнило ни одного из своих торжественных обещаний: разложение продолжало увеличиваться больше, чем когда-либо, с той разницей, что теперь больше пользовались им демократы, чем либералы; войско осталось голым и голодным, а для ускорения мира правительство Малинова не сделало решительно ничего. Наоборот, оно высказалось против ноты австрийского премьер-министра Буриана (в августе 1918 г.), в которой тот предлагал начать мирные переговоры, потому что в этой ноте не принимались во внимание «национальные» желания Болгарии. Более того, правительство Малинова вместо того, чтобы думать об ускорении мира, вело переговоры о «кондоминиуме» Болгарии с Турцией на Кавказе. Этими безумствами демократическое правительство было занято в то время,

когда болгарский фронт, под тяжестью страшных лишений, бедствий и истощения, разлагался; когда с фронта раздавались возраставшие громкие массовые крики: «не хотим войны, пустите нас по домам», когда неприятельские силы уже явно превышали по всему фронту силы нашей армии.

Поражение надвигалось и приближалось с каждым днем. Только сидящие у власти правительство и Фердинанд не видели назревающей катастрофы, потому что не хотели ее видеть.

Здесь нужно отметить одну важную страницу из истории оппозиционного блока и, особенно, демократической партии. Руководители блока, поддерживая Радославова и центральные державы, в то же время никогда, в течение всего периода войны, не прерывали своих тайных связей с Антантой. Открытые и опубликованные большевистским правительством после Октябрьской революции документы установили, что оппозиционный блок не прерывал переговоров с агентами Антанты через своих представителей — между прочими и через широкого социалиста Я. Сакызова. Болгарские патрпоты и националисты народной, демократической и других партий вели *во время войны* тайные переговоры с неприятелем за переход Болгарии из лагеря центральных держав в лагерь Антанты. Эти переговоры не имели успеха, потому что Антанта ставила первым условием—отказ Фердинанда от престола. А болгарские «государственные мужи» блока не имели смелости сделать государственный переворот. Этими переговорами они, очевидно, преследовали одну цель: сохранить свои связи и дружеские отношения с Антантой, чтобы явиться естественными наследниками либеральной коалиции, если центральные державы потерпят поражение и проиграют войну.

Правительство Малинова не могло помешать поражению (в сентябре 1918 года), приближение которого с каждым днем оно видело. Через море крови и через страшную катастрофу, в которой погибли десятки тысяч солдат, и было уничтожено имущество на сотни миллионов левов, буржуазная и монархическая Болгария бросилась из лагеря центральных держав в лагерь Антанты. Правительство Малинова отдало 150.000 болгарских солдат,

которые могли бы возвратиться в Болгарию, в плен Антанте, где они оставались годами (бо́льшая часть из них погибла); оно отдало в распоряжение французского генерала Депре, главнокомандующего антантовскими военными силами в Салониках, две болгарские дивизии для использования их против Турции; оно открыло границу Болгарии для антантовских войск, которым нужно было перебраться на север; оно, по настоянию генерала Депре, принудило Фердинанда отречься, но оставило его династию, передав престол наследнику его, Борису III.

Разгромленные и преследуемые неприятелем войска бросили македонские поля и с ружьями в руках отправились к Софии требовать отчета от своего правительства. Стихийный военный бунт охватил несколько десятков тысяч солдат, которые заняли г. Кюстендиль; Радомир и Перник и приблизились к столице. Но они не имели необходимой военной организации, ни определенного и решительного политического руководства. Во главе восставших солдат стали теперешние земледельческие министры— *Стамболийский* и *Даскалов*. Они провозгласили республику; но на следующий день первый из них скрылся и написал верноподданническое письмо царю Борису, а второй, после поражения взбунтовавшихся войск, нашел прибежище в лагере антантовских войск... Уже три года, как эти «республиканские герои» являются самым ревностным оплотом монархизма в Болгарии.

Правительство Малинова, которое не имело в своем распоряжении никаких военных сил, попросило помощи у германских войск: германскими пушками и пулеметами это патриотическое правительство спасло софийскую буржуазию от стихийной мести взбунтовавшихся войск. Более 3.000 солдат было перебито и вымерло потом по тюрьмам, бунт был потушен— «порядок восстановлен»! Так закончила болгарская националистическая буржуазия свою преступную, предательскую и позорную роль в большой империалистической войне.

Второй раз болгарский народ испытал ужасы «национальной катастрофы». К сотням тысяч жертв, убитых и инвалидов балканской войны прибавились новые сотни тысяч войны европейской. Болгария, которая мобилизовала свыше 800.000 человек,

т.-е. почти все мужское население в возрасте от 20 до 50 лет, потеряла по меньшей мере 200.000, т.-е. одну четверть своих живых сил. Болгарский народ вышел из войны не только обескровленным, но совершенно разоренным экономически, порабощенным в финансовом и политическом отношении европейским империализмом, втиснутым в еще более узкие границы и с миллиардами долга, который мешает всякому дальнейшему развитию его производительных сил.

III. После империалистической войны.

Под режимом буржуазной «демократии».

После того как буржуазные партии толкнули страну в две последовательные катастрофы, после того как их политика потерпела полное банкротство, и они потеряли всякую опору в народных массах, буржуазия и монархизм обратились к мелко-буржуазным, не бывавшим до того у власти, так называемым еще «левым», партиям. Эти партии: *радикальная*, *земледельческая* и *широко-социалистическая*. Когда старые буржуазные партии были уже окончательно скомпрометированы, когда классовое господство буржуазии и монархизма было расшатано до основания, когда волны недовольства рабочих и крестьянских масс поднялись высоко и опасность от революции в Болгарии, как и во всей Европе, сделалась почти неизбежной—буржуазия вверила власть «левым» мелко-буржуазным партиям с тем, чтобы они взяли на себя, под маской «демократизма», спасение расшатанных основ капиталистического режима.

Радикальная партия, малочисленная и без влияния в массах, рекрутирующая своих сторонников из мелко-буржуазной интеллигенции и городских ремесленников, испортила себе репутацию еще во время войны—своим участием в кабинете Малинова. После войны она на очень короткое время могла остаться у власти в коалиционном правительстве «левых» партий.

Несколько больше буржуазия надеялась на *широких* социалистов. В их привязанности к капиталистическому режиму буржуазия уже имела много случаев убедиться, ибо *широкие*

социалисты всегда поддерживали буржуазные оппозиционные, а часто—как это было в европейской войне—и правящие партии. Они были нужны буржуазии, как противоядие против могущественного и быстрого развития *коммунистической партии*, для пресечения и удушения подымавшейся в массах революционной волны. Широкие социалисты дали трех министров в коалиционное правительство, в котором кроме «*левых*» партий, участвовали еще *народняки* и *демократы*. Чтобы усилить свою партию и уничтожить коммунистическую, широкие социалисты взяли портфели министерства внутренних дел (полицию) и министерства торговли и труда.

Широкие социалисты разыграли в Болгарии роли маленьких Носке и Шейдеманов. Они стали душой самых бешеных реакционных походов против болгарских рабочих и крестьян. Чтобы потопить в крови большие демонстрации *коммунистической партии*, состоявшиеся в июле 1919 года—одновременно с подобными выступлениями коммунистических партий во всей Европе—*широко-социалистические* министры мобилизовали и спустили на манифестирующих рабочих не только болгарскую полицию и войско, но использовали и цветные оккупационные войска Антанты. Они уничтожили свободу собраний и печати, начали массовые аресты и убили нескольких рабочих.

Но болгарские социал-патриотические орудия буржуазии скоро пришли в негодность и провалились. Несмотря на то, что они применяли всю силу власти, они не могли получить столько мест в парламенте, сколько их завоевала *коммунистическая партия* при самых тяжелых условиях борьбы: они получили всего 37 депутатских мест против 50 коммунистических. Но их реальная сила была на много меньше; когда вскоре после этого *земледельцы* выбросили их из правительства, они получили едва около 10 мандатов. Они потеряли всякое влияние в массах и поэтому сделались ненужными для буржуазии.

В самой *широко-социалистической* партии образовалась коммунистическая—левая фракция, которая сплотила всех честных и способных к развитию рабочих и интеллигентов, оставшихся еще в этой партии. Эта левая откололась—и объединилась с

коммунистической партией в 1920 году. Одновременно, профсоюзы, шедшие вместе с широко-социалистической партией, целиком влились в *Общий Рабочий Синдикальный Союз* при коммунистической партии.

Но обанкротившаяся националистическая и монархическая буржуазия стала искать себе опору в деревне, в крестьянских массах, где она еще надеется найти свои главные резервы. Поэтому старые буржуазные партии, и особенно самая дальнозоркая из них, народная партия, убедившись, что ни радикалы, ни широкие социалисты не могут сплотить большие массы, уничтожить *коммунистическое* движение и укрепить расшатанное господство буржуазии, прибегли к помощи народного земледельческого союза. Этот союз является самой большой земледельческой организацией в стране,—он ведет за собой самые большие крестьянские массы; и для того, чтобы привлечь вообще крестьянские массы к делу укрепления буржуазно-монархического режима, использовать эти массы для подавления городского революционного рабочего движения, нужно было призвать земледельческий союз к власти. Это именно и сделала буржуазия в сентябре 1920 года, вручив власть теперешнему *земледельческому* правительству во главе с *Стамболийским*.

Земледельческое правительство начало свой режим бешеным походом против коммунистической партии. Оно пустило в действие все свои политические и военные силы, вооружило и привело крестьянские банды в города, предприняло тысячи арестов, предало военному суду и приговорило сотни рабочих, расстреляло другие десятки из них, чтобы потушить большую общую транспортную и политическую забастовку в декабре 1919 и в январе 1920 годов. Эта забастовка, в которой приняли участие железнодорожники, почтово-телеграфные служащие и рабочие на рудниках, началась профессиональными требованиями. Но она была сейчас же подкреплена всеобщей *политической* забастовкой, организованной коммунистической партией. Борьба приняла политический характер, и *земледельческое* правительство решило не только разбить транспортных рабочих, но главное—уничтожить коммунистическую партию.

Земледельческому правительству удалось провалить забастовку, но ему не удалось разгромить *коммунистическую партию*. Вопреки исключительному режиму, военному суду, цензуре, массовым арестам и убийствам, которые *земледельческое* правительство применяло в избирательной борьбе против коммунистической партии, последней удалось на общинных выборах в декабре 1919 года сплотить под своим знаменем 140 тысяч избирателей, на окружных (земских) выборах 24 января 1920 года—160.000, и на парламентских (28 марта 1920 года)—180.000 избирателей — рабочих и крестьян. С тех пор *коммунистическая партия* беспрерывно усиливает свою организацию и влияние в массах,—наперекор новому демагогическому курсу, которым *земледельческое* правительство «освежило» свой старый курс насилия над борющимися рабочими и крестьянскими массами. Правительство предприняло ряд «социальных» реформ, из коих заслуживают внимания только две: об «обязательной трудовой повинности» и о «трудовой земледельческой собственности». Но первая реформа превратилась в натуральный налог, уплачиваемый трудом,—только для рабочих и бедных крестьян, деревенские же кулаки и городские капиталисты откупаются деньгами от «обязательного» труда; а вторая реформа (об отнятии земли от крупных землевладельцев, имеющих более трехсот декар), осталась на бумаге,—пострадали только некоторые из политических противников правительства. В то же время, когда все эти «социальные реформы» *земледельческого* правительства провалились, оно продолжало накладывать новые и новые миллиарды на широкие рабочие и крестьянские массы. Оно продолжало финансовую политику буржуазных партий, оно развязало руки спекулянтам, забыло свое обещание—переложить бремя налогов на буржуазию, поддержало и продолжает поддерживать монархизм и политику буржуазии; оно превратилось в слепое орудие Антанты и расчищает путь к окончательному превращению Болгарии в колонию антантовского империализма.

Тем временем между земледельческим правительством и буржуазными партиями обозначались противоречия, которые

обострялись по мере использования *земледельческим* правительством власти преимущественно в интересах деревенской буржуазии и по мере выявления бессилия его выполнить миссию, для которой оно было вызвано к власти: уничтожить *коммунистическую партию*. Борьба между *земледельческим* правительством и блоком буржуазных партий разгорается все сильнее. Буржуазный блок стремится свергнуть *земледельческое* правительство и, посредством власти и исключительного режима, уничтожить *коммунистическую партию*, перебросить всю громадную налоговую тяжесть репараций на рабочие и крестьянские массы, и при поддержке антантовских империалистов, продавая им полностью независимость болгарского народа, укрепить и продолжить свое классовое господство. Внутри самого *земледельческого* правительства имеются два враждебных друг другу течения: одно из них, опирающееся на большинство членов земледельческого союза, состоящее из мелких крестьян, и более радикальное,—хочет продолжать всеми средствами борьбу против буржуазного блока и не уступать ему власти; другое—опирающееся на средняков и особенно на богатых крестьян, имеющее экономические и политические связи с городской буржуазией—склоняется к компромиссу с буржуазным блоком для общей борьбы против *коммунистической опасности*.

Экономическая разруха и кризис.

Болгария еще не вышла из экономической разрухи и кризиса, явившихся следствием войн 1912 и 1918 годов; и нет никаких надежд, что она выйдет из этого положения до тех пор, пока остается в силе Нейльский (Neuilly) мир и колоссальные репарационные долги, которыми она обременена. Жертвы и разрушения, причиненные войнами нашей стране, громадны: почти все мужское население в возрасте от 20 до 50-ти лет было мобилизовано и изъято из производства; 200.000 было убито и другие двести—вернулись инвалидами; слабая индустрия почти совершенно приостановилась, уменьшились ремесленное и земледельческое производства.

Первый год после войны почувствовалось некоторое оживление в индустрии и в торговле, но оно было недостаточным и про-

ходящим. Вспыхнувший в середине 1920 года всемирный экономический кризис отразился и на нашей стране: наплыв иностранных индустриальных товаров во внутренний рынок и в те соседние рынки (Константинополь и др.), куда вывозились некоторые из фабрикатов нашей промышленности, вызвал закрытие и уменьшение едва ставших на ноги промышленных предприятий и массовую безработицу. Но начиная с осени 1921 года заметно новое оживление и развитие в индустриальном и ремесленном производстве. Капиталы, накопленные буржуазией во время войны, внесенные, главным образом, в торговлю и спекуляцию предметами первой необходимости, начали переводиться постепенно в промышленность. Это развитие, однако, очень слабое; вследствие обесценения денег (лев теперь равняется 3 швейцарским сантим.), порчи машин, отсутствия и вздорожания сырых материалов, нужны большие капиталы для восстановления промышленности; с этой целью буржуазия прибегла к развитию акционерных обществ, в которых теперь уже имеются внесенных 1.500 миллионов левов, из коих 300 миллионов — иностранного капитала (главным образом, французского, итальянского, английского и бельгийского, а также—и германского); но из этих капиталов $^3/_4$ внесено в крупную торговлю и в банки, и едва $^1/_4$—в промышленность.

Вообще теперь, вопреки сравнительному подъему в последний год, в промышленности занято на $^1/_3$ меньше рабочих, чем до войны; при отсутствии других статистических данных этот факт сам по себе доказывает, что и без того очень слабая промышленность нашей страны еще не восстановлена. Но не восстановлены также и ремесленное и земледельческое производства: мелкие ремесленники лишены теперь кредита и сырых материалов (вследствие громадного увеличения процентов на ссуды, а также увеличения цен на материалы); мелкие земледельцы, несмотря на увеличение цен на земледельческие продукты, не могут восстановить уничтоженный во время войны живой и мертвый инвентарь, стоящий теперь колоссальных денег; кроме того, они должны платить все более высокие налоги.

Внешняя торговля кончается пассивным балансом, делающимся все более пассивным: в 1919 году ввоз превышает вывоз

на 411 миллионов левов, в 1920 году — на 570 миллионов, в 1921 году—уже на 870.

Финансовый банкрот.

Во время войны долги Болгарии увеличились с 700 миллионов до 30 миллиардов левов; к ним прибавилось репарационных 70 миллиардов; в общем, государственный долг Болгарии теперь превышает 100 миллиардов. Бюджеты государства заканчиваются постоянно увеличивающимися дефицитами, которые за последние три года превышают четыре миллиарда левов. Кроме того, сумма налогов, именно косвенных, ложащихся всей тяжестью на рабочих и малоимущие классы, раздулась до колоссальных размеров,— в круглых цифрах, с 150 миллионов до 3.000 миллионов левов. Эмиссия бумажных денег довела сумму обращающихся банкнот с 226 миллионов до 3.615 миллионов левов, в то время, как золотое обеспечение их уменьшилось с 55 до 38 миллионов и серебряный эфектив с 28 до 20 миллионов левов.

Таково финансовое положение Болгарии сейчас, пока она еще не начинала платить репарационные долги. До сих пор она уплатила около 1 миллиарда левов в натуре (углем, скотом и друг.) на издержки репарационной комиссии, но в уплату основного репарационного долга еще ничего не внесено. Антанта согласилась дать отсрочку на три года для первых взносов по этому долгу на условиях, окончательно порабощающих в экономическом, финансовом и политическом отношениях страну и превращающих ее в колонию антантовских империалистических держав. Болгария должна уплачивать, начиная с 1924 года, ежегодно более четырех миллиардов левов (по теперешнему курсу)— сумма, равняющаяся всему бюджету государства. Чтобы уплачивать репарации и в то же время удовлетворять свои текущие потребности, понадобилось бы отдать почти весь годовой национальный доход страны. Безысходное катастрофическое финансовое положение Болгарии очевидно. Поэтому она уже не только не в состоянии осуществить какие бы то ни было социальные реформы для облегчения бедственного положения народных масс, но ей крайне трудно хотя бы поддерживать и развивать транспорт и пути сообщения, даже уплачивать жалование,

обеспечивающее черствый кусок хлеба, государственным чиновникам и служащим.

Растущая дороговизна и бедствия масс.

Индекс цен предметов первой необходимости показывает увеличение, в сравнении с 1914 годом, в среднем—в 35 раз. Хотя Болгария аграрная и мелко-хозяйственная страна, цены на земледельческие продукты увеличиваются в том же, даже в большем, размере, чем на промышленные продукты. В то же время заработная плата увеличилась, в среднем, в 11 раз, а государственным служащим—в 5 раз,—что означает уменьшение реальной заработной платы в 3 раза, а реального жалования служащим—в 6 раз. Точно так же уменьшен реальный доход сельско-хозяйственных полупролетариев и мелких хозяев, владеющих от 1 до 110 декар земли и составляющих громадное большинство крестьянского населения (548 тысяч из 705 тысяч земледельцев-собственников). Эти полупролетарии и мелкие земледельцы производят едва на свое собственное прокормление, а большинство из них принуждено по-сезонно работать в качестве наемных рабочих, в деревне или городе; при этом все необходимое им они покупают на рынке—и таким образом испытывают дороговизну на собственной спине.

Вследствие этих причин, тяжелое положение трудящихся масс города и деревни с каждым днем ухудшается.

В этом—основная причина расширения и обострения классовой борьбы в Болгарии в течение последних трех лет. Уже шесть месяцев [1]), как началось большое забастовочное движение, направленное против капиталистической офензивы, охватывающее все более широкие слои рабочего класса, а в последнее время—увлекающее уже с собой государственных служащих и рабочих.

Буржуазные партии и земледельческое правительство.

Старые буржуазные партии, представляющие городскую, индустриальную, торговую и финансовую буржуазию, как мы видели, были вынуждены после войны уступить власть теперешнему земледельческому правительству. Последнее вы-

---

[1]) Писано в декабре 1922 г.

двинуто Народным земледельческим союзом—партией, в которой подавляющее большинство составляют мелкие земледельцы, но в которой руководящую политическую роль играет новая деревенская буржуазия (состоящая из средняков и крупных крестьян, разбогатевших во время и после войны). Буржуазия, под влиянием относительного оживления промышленности и реакции в соседних и антантовских державах, воспрянула духом и стала стремиться вновь к власти. Это ее стремление усиливается еще и потому, что земледельческому правительству не удалось разгромить коммунистическую партию,—несмотря на весь террор, применявшийся по отношению к ней, особенно в первом году «земледельческой» власти (например, во время большой транспортной забастовки); а буржуазии, чтобы переложить окончательно тяжесть репарационных долгов на плечи народа и увеличить эксплоатацию рабочих, нужно уничтожить «красную опасность», которая в Болгарии для нее является большой непосредственной опасностью. С другой стороны, земледельческое правительство больше защищает интересы деревенской буржуазии и этим обостряет антагонизм деревни с городской буржуазией.

Буржуазные партии предприняли, впрочем, энергичную и широкую кампанию за овладение властью. Но так как их политический кредит в народных массах ничтожен, они ищут поддержки у белогвардейских организаций, у состоящих на действительной службе, а также запасных офицеров, у буржуазной молодежи, организации которой они вооружают; буржуазные партии вошли в соглашение и с врангелевскими генералами, собираясь использовать находящиеся в Болгарии врангелевские контр-революционные войска для совершения государственного переворота и захвата власти. Непосредственною целью готовившегося переворота было низвержение земледельческого правительства и нанесение сокрушительного удара коммунистической партии.

Первая попытка буржуазных партий, объединенных в так называемом «Конституционном блоке», совершить переворот в мае с. г. была парализована главным образом благодаря большому

массовому движению, которое компартия сорганизовала против готовившегося переворота, своевременно разоблачив приготовления к нему и сделав их достоянием широких масс народа. Но буржуазный блок не оставил попыток захватить власть. Несмотря на удар, нанесенный блоку 17-го сентября (1922 г.) в г. Тырнове арестом его шефов, блок продолжает свои конспиративные приготовления. Его надежды и шансы на успех заключаются в том факте, что бо́льшая часть офицерства войск, полиции и жандармерии является сторонником старых буржуазных партий; кроме того, земледельческое правительство раздирается внутренней борьбой в среде деревенской буржуазии, часть которой стремится к коалиции с городской буржуазией, а другая, чтобы сохранить свое влияние над крестьянскими массами, продолжает политику демагогии и вынуждена бороться против подымающейся буржуазной реакции. Эта внутренняя борьба ослабляет партию земледельческого правительства, которое, под нажимом масс, вынуждено ополчиться против буржуазного блока, в то время как его сторонники из деревенской буржуазии—руководители земледельческой партии в деревнях, в парламенте, в самом совете министров—толкают его к соглашению с городской буржуазией для совместной борьбы против коммунистической партии.

Коммунистическая партия.

Коммунистическая партия борется самостоятельно — и против буржуазного блока, и против земледельческого правительства. Но, сохраняя полную свою самостоятельность, она ведет свою борьбу против буржуазного блока параллельно с борьбой земледельческого правительства, которую последнее вынуждено, под давлением масс и ради сохранения власти, вести против блока. Широкая повсеместная политическая борьба городских и крестьянских масс, которые компартия организовала и ведет самостоятельно с большим успехом против буржуазного блока и надвигающейся буржуазной реакции, ставит земледельческую партию и земледельческое правительство перед дилеммой: под натиском городских и особенно крестьянских трудящихся масс, входящих в земледельческую

партию, но в то же время воспринимающих наши лозунги (против войны, за уменьшение налогов, за обезоружение белогвардейских организаций, за отдачу под суд бывших министров и проч.), партия и правительство вынуждены или итти влево—и тем усиливать позиции коммунистической партии против буржуазного блока, или изменить и на этот раз массам, обмануть их—и тогда растерять массы мелких крестьян, идущих за ними. Это именно и происходит на наших глазах.

Двойственная, непоследовательная, колеблющаяся политика земледельческого правительства увеличивает приток крестьянских масс к коммунистической партии. Организованные компартией за последние два месяца большие окружные собрания, митинги и демонстрации, равно как и произведенные 1-го октября (1922 г.) выборы судей в деревнях, сплотили новые десятки тысяч деревенских полупролетариев и мелких собственников под нашим знаменем и дали новое увеличение наших избирателей в деревнях—за счет не только буржуазных, но и за счет земледельческой партии.

Коммунистическая партия выдвинула решительно требования обезоружения врангелевских войск и буржуазных белогвардейских организаций и вооружения рабочих и малоимущих крестьян. Приготовления в обоих лагерях—буржуазном и коммунистическом—к надвигающейся и приближающейся гражданской войне делаются все более лихарадочными. Борьба между буржуазным блоком и нашей партией с каждым днем принимает все более ожесточенный характер. Первая попытка буржуазии организовать нападение и погром коммунистических клубов, каковой и был учинен над Народным домом в Софии (24-го мая 1922 г.), была успешной. Но партия сейчас же подняла массы на ноги, организовала вооруженную охрану коммунистических клубов и собраний и парализовала дальнейшие эксцессы. В последние месяцы 1922 г. буржуазия возобновила свои нападения, и фашистские банды налетали на коммунистические собрания и манифестации в Дубнице, в Тревне, в Габрове и друг. местностях,—но повсюду эти банды были отброшены после кровавых столкновений, в которых наша партия понесла потери, но еще больше

жертв имели банды буржуазии. 15-го октября в г. Кюстендиле одно отделение солдат, во главе с офицерами блока, неожиданно напало на коммунистическую вечеринку и несколькими залпами убило троих и ранило около 10-ти рабочих. Партия ответила на это нападение новой, еще более энергичной, работой для подготовки вооруженной борьбы рабочего класса.

Главные удары буржуазной реакции направлены против коммунистической партии; поэтому последняя призывает городские и крестьянские трудящиеся массы рассчитывать только на себя, на свою сплоченность, вооружение и сознание в борьбе против буржуазной реакции. Выдвигая лозунги момента—особенно лозунг против войны с Турцией, за союз с балканскими народами и за Балканскую советскую республику, против репарационных долгов, за увеличение заработной платы и др.—коммунистическая партия расширяет одновременно все более свою агитацию и направляет борьбу к завоеванию власти и установлению Советской республики.

Теперь Болгарская Коммунистическая Партия насчитывает 40 тысяч членов, объединяет на выборах 200 тысяч избирателей, в парламенте имеет 40 представителей (из всего 216), имеет абсолютное большинство в нескольких городских общинных советах и в сотнях деревенских и неуклонно получает увеличение числа голосов на всех выборах (она потеряла некоторые городские общинные советы, несмотря на увеличение полученных ею голосов, вследствие блока всех партий против нее—буржуазных, земледельческой и социал-патриотической); партийный ежедневный орган «Работнический Вестник» имеет 25-тысячный тираж, «Сельский Вестник»—10 тысяч и т. д. Партия издала и распространила, начиная с 1919 года, почти 1.500.000 экземпляров коммунистических брошюр, оригинальных и переводных. На месте сожженного в Софии Народного дома рабочая кооперация «Освобождение», насчитывающая свыше 100 тысяч членов, построила новый Народный дом, гораздо более обширный, являющийся одним из самых больших и красивых зданий в центре столицы.

Поражение греческой националистической буржуазии и английского империализма, создавшийся кризис в Греции и приближение кемалийских войск к Константинополю—все это очень меняет положение и обостряет кризис на Балканах. Для революционного движения балканских рабочих и крестьян открываются новые перспективы.

Балканская Коммунистическая Федерация работает над объединением борьбы пролетариата всех балканских стран, над подготовлением условий и ускорением победы балканской пролетарской революции. Коммунистические партии в Юго-Славии и Румынии начинают оправляться после тяжелых ударов, нанесенных им реакцией. Греческая компартия приобретает все более широкое влияние, являясь единственной партией в Греции, указывающей спасительный выход истекающим кровью, разочарованным и отчаявшимся народным массам. На-ряду с болгарской компартией, вырастают и усиливаются братские партии соседних балканских стран. Мы надеемся, что балканский пролетариат станет на подобающую ему высоту, чтобы выполнить тяжелую, но великую задачу, которую история может ему поставить в ближайшем будущем.

Влияние русской революции в Болгарии и на Балканах.

Победа пролетарской революции в России была встречена неудержимым общим восторгом болгарских рабочих и крестьян. Поднялась небывалая волна собраний и манифестаций, которая залила всю страну и докатилась до фронта. Революция дала сильный толчок коммунистической партии,—ее ежедневный орган, имевший массовое распространение среди войск, и ее агитация за лозунги русской революции увеличили быстро ее влияние в массах.

Для болгарских сознательных рабочих, которые всегда следили с живейшим интересом за борьбой русского пролетариата и учились на сочинениях русских марксистов, русская революция явилась новым неисчерпаемым источником поучения и энтузиазма. Коммунистическая партия, которая во время войны осталась верной революционному социализму, голосовала против военных кредитов и боролась против войны, развила самую

широкую агитацию и борьбу за защиту русской революции, издала и распространила с 1919 года до сего времени более полутора миллиона брошюр и книг, бо́льшая часть коих посвящена популяризации лозунгов и использованию уроков русской пролетарской революции.

Русская пролетарская революция была блестящим оправданием непримиримой борьбы, которую болгарская компартия вела в течение пятнадцати лет против социал-патриотов («широких» социалистов) и против войны. Русская революция укрепила веру борющихся рабочих и крестьян в близкое окончание войны и неизбежную победу всемирной социальной революции.

Но не только сознательные рабочие отнеслись с энтузиазмом и любовью к русской революции. Весь болгарский народ, за исключением кучки капиталистов и крупных землевладельцев, отнесся, и относится и до сих пор, с симпатией и доверием к Российской Советской Республике. Болгарский народ сохранил воспоминания и благодарность к русским рабочим и крестьянам, которые пролили свою кровь в русско-турецкой войне в 1877—1878 г.г., принесшей освобождение Болгарии. Болгарская буржуазия в течение сорока лет использовывала эти чувства болгарского народа, чтобы превратить Болгарию в орудие русского монархизма и его завоевательной политики на Балканах. Коммунистическая партия сделала из этих чувств другое употребление: эти чувства помогли агитации и борьбе в защиту российской Советской Республики размахнуться широчайшим образом. Компартия разъясняет народным массам—и с огромным успехом,—что монархическая Россия являлась самой большой опасностью для независимости болгарского и балканских народов, тогда как революционная Россия является защитницей их независимости и союзницей в борьбе за освобождение из-под ига европейского империализма.

Большие успехи болгарской коммунистической партии, которая после войны увеличила число своих членов с 5 на 40 тысяч и число избирателей—с 10 на 200 тысяч, обязаны в большой

степени влиянию русской революции. Болгарская компартия следует великому примеру российского революционного пролетариата: она воспринимает его методы борьбы и использовывает его опыт, чтобы подготовить условия близкой победы революции в Болгарии и на Балканах.

Но чем больше самый народ, т. е. рабочие и крестьяне, исполняется любви и восторга к Советской России, тем сильнее буржуазия и ее котерия пылают ненавистью и... боязнью к Российской Республике. Балканская буржуазия, после банкротства ее националистической политики, превратилась в слепое и свирепое орудие антантовского империализма: балканские правительства просто являются кочергой в руках антантовских комиссий. Одержимая вечным страхом пред революцией и инспирируемая со стороны Антанты, балканская буржуазия ведет провокационную политику по отношению к Советской России; она приняла русские контр-революционные войска Врангеля, снабжала Деникина оружием,—она становится предмостным укреплением Антанты, которая явно собирается сделать Балканы базой будущей войны против революционной России. Но эти преступные замыслы останутся неосуществленными; балканские народы не пойдут никогда на войну против русского народа,—и если балканские правительства рискнут на безумие зажечь такую войну, последняя сделается началом революции на Балканах!

В этой революции, условия для которой быстро назревают и которая может вспыхнуть не только вследствие войны, но и вследствие постоянно обостряющегося общего кризиса на Балканах, балканские рабочие и крестьяне будут бороться за создание в своих странах Советских республик и за их союз в Балканскую Федеративную Социалистическую Советскую Республику. Победа Балканской Советской Республики и ее союз с Советской Россией расширит фронт пролетарской революции, даст новый толчок революционному движению за освобождение восточных народов от ига антантовского империализма и ускорит победу Всемирной Социальной Революции.

Балканская Коммунистическая Федерация.

Балканская буржуазия использовала национальную раздробленность балканских народов и невозможность их экономического развития в их узких границах, чтобы вести во имя «национального освобождения» свою националистическую и завоевательную политику. Этой политикой буржуазия каждой из балканских стран стремится создать одну большую державу, в которой объединение одного из балканских народов достигается за счет разъединения других балканских народов и порабощения их большей части. Эта националистическая завоевательная политика привела к частым войнам на Балканах и, наконец, к Балканской войне 1912—1913 г.г.,—к войнам, которые принесли не национальное освобождение и объединение, а еще большее национальное разъединение, порабощение и экономическое и финансовое разорение балканских народов. Кроме того, балканские войны усилили зависимость балканских народов от больших капиталистических держав. Вследствие своего взаимного соперничества, балканские государства обратились в слепые орудия европейского империализма, который, наконец, вовлек их в европейскую империалистическую войну. В европейской империалистической войне Румынии и Юго-Славии удалось добиться (временного) объединения румынского и сербского народов, но—ценой раздробления на части остальных балканских народов и порабощения большей части из них; эти новые многонациональные государства держатся благодаря режиму насилия и бесправия эксплоатируемых классов и подчиненных народов, благодаря усиленным милитаризму и бюрократии, при финансовой и военной поддержке антантовского империализма.

Болгария претерпела новый погром — и вышла из войны с с еще более урезанными границами. Греция была доведена националистической завоевательной политикой греческой буржуазии и английского империализма, слепым орудием которого она является в войне против Турции, до еще бо́льшей катастрофы.

Национальные освобождение и объединение, которые, вследствие особенных этнографических, исторических и географических условий, являлись необходимостью для бал-

канских народов до последних войн, теперь стали еще большею жизненною необходимостью для их независимого существования и их социального развития. Но балканская буржуазия оказалась неспособной разрешить эту национальную проблему; наоборот, ее националистическая и завоевательная политика, вопреки временным и частичным успехам этой политики в некоторых из балканских стран, в общем претерпела банкротство. Поэтому балканские социалистические партии, — еще до войны, в 1910 году, — заявили, что национальные освобождение и объединение балканские народы могут получить только в классовой борьбе и победе пролетариата и малоимущих крестьян и в основании Балканской Социалистической Республики. И для достижения этой цели они основали «Федерацию балканских социалистических партий», которая после войны была переорганизована в «Балканскую Коммунистическую Федерацию».

Войны обострили классовые противоречия и усилили классовую борьбу на Балканах между пролетариатом и малоимущими крестьянами, с одной стороны, и буржуазией и крупнопомещичьим классом—с другой. В Румынии многочисленный промышленный пролетариат подвергается еще большей эксплоатации; крестьяне, несмотря на аграрные «реформы», в громадном своем большинстве, остаются закрепощенными под властью бояр, а те, которые получили землю, заменили свою зависимость от бояр зависимостью от буржуазии и ее банков. В Юго-Славии, которая была больше всех разорена войнами, эксплоатация и нищета трудящихся масс растут с каждым днем; крестьяне в Боснии и Герцеговине остаются в крепостнической зависимости от бегов, с которыми властвующая сербская националистическая буржуазия вошла в соглашение. В этих двух балканских государствах — в Румынии и Юго-Славии—классовая борьба осложняется национальным антагонизмом и конфликтами, которые властвующая националистическая буржуазия провоцирует своей политикой лишения прав и насилия над порабощенными народами и национальными меньшинствами.

В Греции глубокий внутренний кризис, созданный катастрофой в Малой Азии, дает новый могущественный толчок борьбе за социальное освобождение пролетариата и малоимущих крестьян, особенно борьбе крестьян в Фессалии, которые находятся до сих пор в феодальной зависимости от крупных землевладельцев.

Чтобы отвлечь рабочих и крестьян от классовой борьбы и сохранить свое классовое господство над ними, буржуазия балканских стран разжигает свою старую националистическую завоевательную политику; она готова бросить балканские народы в новую взаимоистребительную войну, чтобы раздавить растущее среди них революционное движение рабочих и крестьян.

Задачей Балканской Коммунистической Федерации является объединение для борьбы пролетариата и малоимущих крестьян балканских стран, подготовка условий и ускорение победы пролетарской революции на Балканах, борьба за создание Балканской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Объединенная борьба балканских коммунистических партий необходима для подготовки пролетарской революции в каждой из балканских стран и для обеспечения ее окончательной победы на Балканах; эта объединенная борьба балканских компартий делается неизбежной как в силу одинаковых условий, в которых поставлены все балканские компартии, и общей опасности для всех них от реакции и антантовского империализма, так и вследствие неотложной необходимости в объединении балканских советских республик в одну федерацию. Потому что только Федерация разрешит национальный вопрос, т.-е. с ней и в ней будут достигнуты национальное освобождение и объединение балканских народов, и будут созданы необходимые условия для их экономического развития.

О РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ В БОЛГАРИИ

(Очерк Х. Кабакчиева)

Очередное заседание Партийного Совета Болгарской Коммунистической Партии состоялось 19 и 22 января 1923 г. (Такие заседания созываются четыре раза в году—каждые три месяца.) На этом заседании Партийный Совет должен был рассмотреть не только вопрос о внутреннем положении страны, но также и решения IV всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, равно как и решения V конференции Балканской Коммунистической Федерации. В оценке внутреннего положения Болгарии, Совет, отметив новые успехи партии на выборах 14. I. 23 в областные (окружные) советы, указал на необходимость в дальнейшем стремиться к численному увеличению и организационному сплочению партийных и профсоюзных организаций в городах, к усилению боевой готовности партии и идущих за нею городских и деревенских трудящихся масс, к более значительному углублению и расширению влияния партии среди рабочих и малоимущих крестьян. Совет подчеркнул также необходимость усиления готовности партии отразить удары буржуазной коалиции, которая, несмотря на поражение, которое она потерпела на выборах, организовывает свои силы и готовится посредством насильственного переворота захватить власть, объявить компартию вне закона, свалить всю огромную тяжесть военных долгов и репараций на рабочих и малоимущих и посредством открытой диктатуры, при помощи правительства Антанты, даже при помощи войск, укрепить пошатнувшееся классовое господство. С другой стороны, партсовет принял полностью решения V конференции Балк. Комм. Федерации и выпустил манифест против войны. Но с особой обстоятельностью Совет занялся решениями IV всемирного конгресса Комм. Интернацио-

нала; он принял их полностью,—при чем по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве принята одна чрезвычайной важности резолюция. Целью настоящей статьи является объяснение смысла и значения этой важной резолюции; мы цитируем ее полностью, в виде приложения к настоящему очерку.

Тактика по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве в западных и среднеевропейских странах и о рабоче-крестьянском правительстве в Чехословакии и на Балканах, рекомендованная IV-м конгрессом Коминтерна, является продолжением и приложением тактики единого фронта. Но компартия Болгарии должна осуществлять тактику единого фронта и рабоче-крестьянского правительства в условиях, резко отличающихся от таких же условий в западных и среднеевропейских странах. Естественно, что прежде всего мы должны остановиться именно на особенностях этих условий.

Тактика единого фронта в Болгарии.

В Болгарии коммунистическая партия является единственной рабочей партией,—массовой партией рабочих, неимущих и малоимущих крестьян. В городах она является самой сильной партией; в деревнях она занимает второе место после земледельческого союза, правящего страной уже три года. Партия социал-предателей, так называемых широких социалистов, участвовавшая после войны в буржуазном коалиционном правительстве и представленная в нем тремя министрами, потеряла и тех немногих рабочих, которые шли еще за ней. Вместо 80 тысяч, в общем, избирателей, которые голосовали за нее в 1920 г., на последних выборах (14. I. 1923 г.) она получила едва 40 тысяч, в то время как коммунистическая партия, насчитывающая 40 тысяч членов, выдвигавшая на выборах свою программу в полном ее объеме и подвергшаяся, особенно в деревнях, бешеному террору, приобрела не один десяток тысяч голосов (вместо 184 тысяч в 1920 г.—230 тысяч 14. I. 1923 г.). Январские выборы отдали компартии почти одну четверть голосов всех избирателей в стране (995 тысяч)—и больше, чем их получила коалиция четырех старых буржуазных партий. Партия широких социалистов—самая незначительная партия в стране, не имеющая никакого политического значения в массах [1]).

---

[1]) На выборах 14. I. 23 г. буржуазный блок получил 219.000 голосов, т.-е. меньше, чем на выборах 1920 г. (252.000); только земледельческое правительство насилиями и демагогией сумело увеличить голоса свои на 100.000 и получило—437.000 голосов.

Профессиональное рабочее движение в Болгарии также вылилось в единую организацию, находящуюся в самой тесной идейной и организационной связи с коммунистической партией— Общий Рабочий Синдикальный Союз, с 35 тысячами членов. После присоединения в 1920 году организованных рабочих, находившихся под влиянием широко-социалистической партии к Союзу, вне последнего больше не осталось никаких рабочих профсоюзов индустриального и ремесленного производства. Осталось несколько «нейтральных» профсоюзов—государственных чиновников, служащих, учителей и др., находящихся под влиянием буржуазных и мелко-буржуазных партий, насчитывающих, в общей сложности, не более десяти тысяч членов.

Ясно, что условия, определяющие тактику единого фронта в Болгарии, отличаются существенным образом от таких же условий в других странах. В западных и среднеевропейских странах социал-предательские партии насчитывают еще в своих рядах сотни тысяч рабочих; в профсоюзах, руководимых социал-предателями, организованы миллионы рабочих, влияние и сила социал-предателей еще довольно велики; в большинстве из этих стран коммунистические партии имеют за собой меньшинство политически-организованных рабочих, и их влияние на рабочие профсоюзы еще сравнительно слабо.

Не то в Болгарии: здесь тактика единого фронта с другими рабочими партиями и профсоюзными организациями не имеет того значения, как в других странах. Несмотря на это, коммунистическая партия и Общий Рабочий Синдикальный Союз в Болгарии приняли тактику единого фронта и применяют ее на практике. Как они делают это? Профсоюзы госслужащих и учителей, входящие в Общий Рабочий Синдикальный Союз, борются за единый фронт всех организованных служащих и учителей с их «нейтральными» организациями, стоящими вне Общего Раб. Синд. Союза. Компартия, с своей стороны, берет под свою защиту профессиональные и классовые интересы всех вообще государственных служащих и рабочих—в парламенте, в общинах при проведении политических кампаний, митингов и демонстраций. Успехи этой тактики уже на лицо: среди госслужащих, из

коих только незначительная часть организована, но которые насчитывают до 120 тысяч человек, поставленных в самые плохие условия (их заработная плата ниже среднего заработка промышленных рабочих)—среди этих масс создано широкое общее движение против правительства за увеличение зарплаты и улучшение их положения.

Партия широких социалистов выступила против единого фронта госслужащих и рабочих и благодаря этому потеряла то небольшое влияние, которое еще имела над «нейтральными» союзами рабочих и служащих. Партия эта, быстро разлагающаяся, ведет за собой в сущности только незначительное число мелко-буржуазных интеллигентов и мелких ремесленников и не имеет никакого значения, по крайней мере, в данный момент. С точки зрения тактики единого фронта и сплочения рабочих масс—это ничтожная величина.

В общем, для проникновения в широкие рабочие массы и компартии, и Общему Раб. Синд. Союзу приходится работать больше среди неорганизованных рабочих, чем среди организованных в «нейтральных» и иных профсоюзах или партиях; потому что вне коммунистической партии и Общего Раб. Синд. Союза других профессиональных организаций рабочих и служащих, занятых в промышленности, не имеется, а есть только несколько «нейтральных» союзов госслужащих и учителей. Цель тактики единого фронта—объединение рабочих масс в борьбе для защиты их непосредственных и классовых интересов против наступления буржуазии, развитие революционного сознания и усиление революционной борьбы рабочих масс. Но этой цели мы в Болгарии достигаем прежде всего привлечением неорганизованных рабочих, созданием рабочих комиссий на фабриках и мастерских (эти комиссии являются зачаточной формой фабричных комитетов, Betriebsräte) и комитетов служащих в учреждениях, организацией рабочих в профсоюзах и в партии, сплочением больших масс неорганизованных рабочих в политической борьбе под знаменем коммунистической партии. Усилением своего влияния и своими успехами наша партия в Болгарии обязана

именно своей беспрерывной и неутомимой работе по привлечению и объединению неорганизованных рабочих масс как в повседневной борьбе за непосредственные интересы этих масс, так и в большой политической борьбе за классовые интересы и революционные задачи пролетариата.

Земледельческий союз в Болгарии и отношение к коммунистической партии.

Вопрос о рабочем правительстве и о рабоче-крестьянском правительстве ставится в Болгарии, как и вопрос о тактике единого фронта, в иных условиях, чем в западных и среднеевропейских странах. В Болгарии, кроме коммунистической, нет другой массовой партии; поэтому теперь не может быть и речи о рабочем правительстве при участии какой-то другой рабочей партии, кроме коммунистической. Не то — в деревне: среди крестьянского населения, где компартия имеет большое и все увеличивающееся влияние, она сталкивается с Земледельческим союзом, имеющим за собой большинство крестьянских масс.

Каковы отношения коммунистической партии к Земледельческому союзу? Чтобы понять эти отношения, нужно прежде всего знать, с одной стороны, социальный состав Земледельческого союза, а с другой стороны, политику и дела земледельческого правительства, правящего страной уже три года. Громадное большинство членов Земледельческого союза и избирателей, голосующих за него, составляют неимущие и малоимущие крестьяне. Так, например, по отчету союза за 1921 г. из 121.000 членов—неимущих 3.268, с землей до 5 десятин (50 декар)—97.798, с землей от 5 до 10 десятин—27.176 и с землей более 10 десятин (100 декар) только 3.839. В действительности число средних и крупных крестьян больше; и оно особенно увеличилось с тех пор, как Земл. союз находится у власти. Из этих данных видно, что по своему социальному составу Земледельческий союз есть мелко-хозяйственная крестьянская партия. Как таковая, Земл. союз, приняв власть, выдвинул программу, обещающую крестьянам уменьшение налогов, раздачу земли безземельным и малоземельным, ограничение эксплоатации ростовщического и торгового капитала, расширение общинного самоуправления и во-

обще политических прав народа, обеспечение мира и т. п. Но по существу целый ряд его социальных законов и реформ не что иное, как полумеры, имеющие целью обмануть малоземельных крестьян и дающие очень мало или ничего: ни одна из буржуазных партий и ни одно правительство не умело до сих пор так пользоваться демагогией и тащить за собой так ловко крестьянские массы, как мелко-буржуазная партия, вышедшая из недр самого крестьянства.

Но за время нахождения у власти в Земледельческом союзе произошли существенные перемены как в его социальном составе, так и особенно в его политике. Средние и более крупные собственники-крестьяне—члены союза—разбогатели и, составляя меньшинство, завоевали себе постепенно все более важную и руководящую роль в нем. Уже на первых порах своего властвования Земледельческий союз изменил своим декларациям о расширении прав и свобод народа. Союзу удалось получить власть вследствие того, что буржуазные партии были окончательно скомпрометированы после войн, которые они вели: эти партии сами выдвинули на сцену Земледельческий союз, помогли ему получить власть и натравили его на коммунистическую партию. Историческая роль Земледельческого союза, как и широкой социалистической партии, которым буржуазия уступила власть после войны, заключалась в отвлечении внимания и уничтожении недовольства широких трудящихся народных масс и в укреплении пошатнувшегося господства буржуазии.

Первой большой кампанией земледельческого правительства было кровавое подавление общей забастовки транспортников, охватившей 20.000 железнодорожных, почтовых и телеграфных служащих и рабочих, продолжавшейся в течение полных двух месяцев (с 24. XII. 1919 по 25. II. 1920 г.). Во время забастовки земледельческое правительство об'явило коммунистическую партию вне закона, арестовало тысячи ее членов, предало военному суду и осудило тысячи стачечников и коммунистов, подвергнув их зверским истязаниям и избиениям, расстреляло десятки из них, приостановило всю рабочую печать; оно попыталось утопить в крови рабочее движение, при общем одобрении всей буржуазии

и старых буржуазных партий. Но компартия вышла из борьбы более упругой и более сильной, чем предполагала земледельческая власть: на выборах в парламент в 1920 г., при наличии страшного террора, компартия, ценою множества жертв, выставляя всю свою программу, не скрывая конечной цели—захвата власти и объявления пролетарской диктатуры, собрала на 60.000 голосов больше (против выборов в августе 1919 г.) и сплотила под своим знаменем 184.000 избирателей-рабочих и крестьян. С тех пор и по сие время в течение трех лет земледельческое правительство с небольшим колебанием продолжает ту же реакционную и кровавую политику по отношению к компартии и борющимся вместе с нею рабочим и крестьянским массам.

Но для определения настоящей роли Земледельческого союза еще важнее его налоговая, аграрная и социальная политика, определенно защищающая интересы деревенской буржуазии.

Земледельческое правительство увеличило косвенные налоги с 150 до 2.000 миллионов; эти налоги ложатся всей своей тяжестью не только на городских рабочих, но также и на неимущих и малоимущих крестьян, покупающих большую часть предметов первой необходимости на рынке: прямые налоги на городскую буржуазию увеличены очень незначительно, а еще менее увеличены налоги на землю средних и крупных землевладельцев.

Далее земледельческое правительство отняло землю у некоторых крупных землевладельцев из старых буржуазных партий для того, чтобы бросить пыль в глаза большой массе малоимущих крестьян; оно способствовало разграблению общинных земель и лесов богатыми крестьянами, но массе бедных крестьян оно земли не дало.

Болгария—страна мелкого земледелия. По статистике 1910 г. самостоятельных собственников-земледельцев имелось 705.000, из коих 285.000 имели только до 3-х десятин (30 декар) земли,—это настоящие мелкие собственники; 263.000 имеют от 3 до 10 десятин, т.-е. это тоже малоимущие крестьяне; лишь 82.000 владеют 10 до 30 десятин земли; остальные—более крупные земледельцы. Таким образом, большинство крестьянства—малоимущие

земледельцы, которые, при низкой производительности земледелия у нас, не получают от своих земель даже достаточного количества хлеба, чтобы прокормиться.

При теперешнем первобытном способе обработки земли в Болгарии, при небольшой площади обрабатываемой земли, никакая аграрная реформа не могла бы дать достаточно земли всем безземельным и малоземельным крестьянам. Только с превращением земли в общественную собственность и применением машин в земледелии можно будет удовлетворить потребности крестьян и дать толчек земледелию в нашей стране.

Но земледельческое правительство не дало и не хочет дать малоземельным крестьянам и то небольшое количество земли, которое оно имеет возможность дать, потому что оно не хочет посягнуть на землю средних и крупных собственников-крестьян, и лишь в целях демагогии отбирает и распределяет землю нескольких десятков крупных земледельцев, своих политических противников.

В своей социальной политике земледельческое правительство воскресило средневековый кровавый налог—обязательную трудовую повинность, освободив от нее, посредством выкупа, городскую и сельскую буржуазию; оно уничтожило ограничения, введенные во время войны для городских и деревенских спекулянтов, учредило государственный консорциум и синдикаты для вывоза земледельческих продуктов, передав их в руки средних и крупных собственников-крестьян, членов Земледельческого союза, разрешило кредит на сотни миллионов из государственного банка тем же средним и крупным собственникам-крестьянам, входящим в Земледельческий союз; сделало все для покровительства новой сельской буржуазии, разбогатевшей во время и после войны благодаря повышению цен на земледельческие продукты. Своей социальной политикой, которая откормила и упрочила новую сельскую буржуазию, перехватившую торговлю земледельческими продуктами у городской буржуазии, земледельческое правительство обострило антагонизм между Земледельческим союзом и старыми буржуазными партиями.

Одним словом, средние и крупные собственники-крестьяне—члены Земледельческого союза—использовали свою власть, чтобы расширить свои земли и свои капиталы; они образовали вновь разбогатевшую сельскую буржуазию, играющую теперь господствующую и руководящую роль в Земледельческом союзе и определяющую политику земледельческого правительства. Часть сельской буржуазии, которая раньше находилась в рядах старых буржуазных партий и которая перебралась в Земледельческий союз, чтобы воспользоваться властью, образовала правое крыло союза и проявляет склонность к коалиции со старыми буржуазными партиями,—во главе этого крыла стоит бывший министр финансов Турлаков. Более многочисленной и более влиятельной в Земледельческом союзе является недавно разбогатевшая сельская буржуазия, состоящая из средних крестьян-собственников и образующая левое крыло союза во главе с Стамболийским. Эта сельская буржуазия хочет использовать все выгоды от власти только для себя; половинчатыми мелко-буржуазными реформами и демагогией она стремится сохранить свое влияние на широкие неимущие и малоимущие массы.

Но именно потому Земледельческий союз и земледельческое правительство все более возбуждают против себя недовольство неимущих и малоимущих крестьян. Эти крестьяне чувствуют уже на своей спине последствия двуличной и лицемерной политики земледельческих главарей; они начинают понимать, что они введены в заблуждение и обмануты, и что за их счет наживается и усиливается сельская буржуазия; они теперь подвергаются еще большей эксплоатации со стороны деревенского спекулянта-торговца и ростовщика, они платят больше налогов, они испытывают еще бо́льшую нужду. Поэтому неимущие и малоимущие крестьяне, даже идущие за Земледельческим союзом, начинают принимать лозунги компартии. Коммунистическая партия беспрерывно увеличивает количество своих последователей и усиливает свое влияние в деревнях; она сплачивает новые десятки тысяч трудящихся крестьян под своим знаменем; в то же время она толкает влево неимущих и малоимущих кре-

стьян, находящихся в Земледельческом союзе, обостряет противоречия и борьбу между этими крестьянами и сельской буржуазией, господствующей в Земледельческом союзе, и таким образом подготовляет условия общей борьбы трудящихся крестьянских масс, находящихся в компартии и в Земледельческом союзе.

Господствующая в Земледельческом союзе сельская буржуазия и ее правительство прилагают все усилия и пускают в ход все средства, чтобы приостановить растущее влияние коммунистической партии в деревнях, оберечь от нее крестьянские массы и сохранить свое влияние на них. Они применяют для этого и террор в деревнях, где сотни наших товарищей и сочувствующих подвергаются избиениям, арестам и часто убийствам, и проводят демагогию игру в «левизну», обещая землю бедным крестьянам и т. п. Но все усилия земледельческих насильников, находящихся у власти, бессильны уничтожить недовольство неимущих и малоимущих крестьян в Земледельческом союзе; они не могут приостановить растущее влияние компартии в деревнях и помешать созданию единого фронта между городским пролетариатом и широкой массой неимущих и малоимущих крестьян, находящихся в Земледельческом союзе или вне его.

Рабоче-крестьянское правительство.

После сказанного ясно, почему вопрос о рабоче-крестьянском правительстве в Болгарии приходится ставить несколько иначе, чем для западных и среднеевропейских стран. К сказанному нужно прибавить еще то, что западно и среднеевропейские страны являются промышленными странами с многочисленным пролетариатом, составляющим в некоторых из них большинство населения, а в Болгарии из 4.860.000 жителей городского населения насчитывается 971.000, едва 20% всего населения; рабочие, занятые в промышленности, ремеслами и работающие на транспорте, насчитывают 242.000, а рабочие, занятые в сельском хозяйстве,— 150.000; но и этот немногочисленный пролетариат не сконцентрирован в больших промышленных и земледельческих предприятиях и в больших городских центрах. Если в странах, где пролетариат составляет большинство населения, где существует

многочисленный земледельческий пролетариат, и где имеются рабочие партии, хотя и руководимые социал-предателями, но насчитывающие миллионы рабочих,—если в этих странах рабочий класс может сам взять власть в свои руки и создать рабочее правительство, которое вначале могло бы рассчитывать на нейтралитет крестьянства и потом постепенно бы получило поддержку со стороны малоимущей его части, то в южных и восточно-европейских и балканских, преимущественно аграрных, странах, в которых промышленность слаба, и пролетариат малочислен, и в которых преобладает крестьянское население,—в этих странах рабочий класс может взять власть только совместно с неимущими и малоимущими крестьянами: в них может итти речь не о «рабочем», а о рабоче-крестьянском правительстве, и окончательная победа пролетарской революции возможна только при участии крестьянских трудящихся масс.

Но в Болгарии нет такой партии или организации неимущих и малоимущих крестьян, с которыми борющиеся под знаменем коммунистической партии рабочие и крестьяне могли бы образовать единый фронт и рабоче-крестьянское правительство. Земледельческий союз не является такой партией и организацией. Не взирая на преобладание в Земл. союзе малоземельных крестьян с их мелко-буржуазной идеологией, в нем имеется целый слой разбогатевших крестьян—новая и старая деревенская буржуазия, играющая руководящую роль в союзе. Своей политикой и своими делами Земл. союз в продолжение трех лет доказал, что он стоит всецело на стороне сельской буржуазии, защищает ее интересы и проводит на практике ее политику. Мелко-буржуазные декларации и «реформы» земледельческого правительства являются только средством сельской буржуазии в Земл. союзе, чтобы обмануть и вести за собою неимущих и малоимущих крестьян, без помощи коих она не может удержать власть в своих руках.

В западных и среднеевропейских странах, где на-ряду с коммунистической партией существуют и другие рабочие партии, тактика единого фронта и рабоче-крестьянского правительства

означает создание рабочего правительства и образование единого фронта с определенно существующими рабочими партиями. В Болгарии, где кроме компартии не существует другой рабочей партии, ни партии или организации неимущих и малоимущих крестьян,—приложение тактики единого фронта рабоче-крестьянского правительства может быть осуществлено в данный момент только другим путем,—отнюдь не коалицией с другими партиями.

Идея и возможность осуществления единого фронта или коалиции между коммунистической партией и Земледельческим союзом совершенно исключены, потому что невозможен единый фронт и невозможна коалиция между компартией и сельской буржуазией, которая господствует в Земл. союзе и проводит свои интересы и политику через земледельческое правительство.

Верно, что Земл. союз и компартия борются одновременно против городской буржуазии и ее партий. Но это временное параллельное действие не есть еще «единый фронт» и не делает возможным какую-либо коалицию. Борьба Земл. союза и его правительства против буржуазной коалиции объясняется противоречиями интересов городской и сельской буржуазии, которые мы объяснили выше.

Земледельческий союз и земледельческое правительство борются против городской буржуазии и ее партий, руководясь совершенно иными соображениями и целями, чем те, которыми руководствуется и за осуществление которых борется коммунистическая партия против буржуазии и ее партий. Мы уже указали выше, что земледельческое правительство при помощи власти защищает преимущественно интересы сельской буржуазии; что оно созданием консорциума и синдикатов для вывоза хлеба исключительно сельской буржуазией, предоставлением государственного кредита вновь разбогатевшим крупным земледельцам, всей своей политикой, покровительствующей сельской буржуазии, обострило противоречия, конфликты и борьбу между деревенской и городской буржуазией, между Земледельческим союзом и старыми буржуазными партиями.

Земледельческое правительство ловко использует ненависть трудящихся сельских масс к старым буржуазным партиям, для ведения против последних шумной борьбы за «народовластие» и «демократию»; но борьба эта, по существу своему котерийная, преследующая цель сохранения власти исключительно в руках сельской буржуазии. Земледельческое правительство ревниво оберегает свою власть от посягательств буржуазной коалиции, но оно не обложило капиталов городской буржуазии, не ограничило спекуляции банков, не отказалось от националистической реакционной политики старых буржуазных партий, не распустило ее офицерских лиг и фашистских банд; наоборот, оно в действительности уничтожило немногие законы, защищающие рабочий труд, увеличило налоги на рабочих и трудящихся крестьян и пр.; наконец, земледельческое правительство, когда общеклассовым интересам деревенской и городской буржуазии угрожает рост коммунистической партии, создает против последней общий фронт со старыми буржуазными партиями. Так, например, чтобы вырвать городские общины из-под влияния компартии, т.-е. из рук рабочих и трудящихся крестьян (в течение последних лет наша партия завоевала около десяти городских и более сотни сельских общин), и чтобы передать их в руки городской буржуазии и старых буржуазных партий, земледельческое правительство вошло в местные коалиции с этими партиями и организовало бешеный кровавый террор против коммунистической партии.

В Земледельческом союзе пока еще не существует сплоченного, обособленного и оформленного левого крыла, с которым коммунистическая партия бы могла войти в соглашение для общих кампаний. Существующая «левая» в Земледельческом союзе не имеет ничего общего с неимущими и малоимущими сельскими массами, недовольство коих против господствующей в Союзе буржуазии и против политики земледельческого правительства растет с каждым днем; недовольство этих безземельных и малоземельных крестьянских масс—стихийное и несознательное; эти массы не объединены и не организованы в особое течение, со своей собственной идеологией, своими требованиями

и своей политикой; они не представляют из себя еще настоящего левого крыла в Земледельческом союзе.

Во главе существующего в Земл. союзе «левого» крыла стоит Стамболийский, руководитель союза и премьер-министр земледельческого правительства в течение последних трех лет. Чтобы объяснить себе роль «левой», нужно напомнить, что сельская буржуазия и Земледельческий союз имеют двоякое происхождение: одну часть ее составляют крупные земледельцы и деревенские ростовщики, перешедшие для использования благ власти из буржуазных партий в Землед. союз; другая часть сельской буржуазии, составляющей большинство буржуазии в Землед. союзе и играющей руководящую роль в нем, происходит от недавно разбогатевших средних собственников-крестьян и деревенских ростовщиков и спекулянтов, которые использовали вздорожание земледельческих продуктов во время и после войны, использовали и власть земледельческого правительства для того, чтобы торговать и спекулировать земледельческими продуктами, накоплять капиталы и увеличивать свои земли, чтобы разбогатеть. Это именно второе течение и есть так называемое «левое» крыло; оно является самым жадным, самым дерзким и безоглядным в ограблении крестьянских масс и в накоплении богатств; это «левое» крыло, однако, чтобы удержать власть в своих руках, нуждается в поддержке широких трудящихся крестьянских масс, а для того, чтобы вести за собою эти массы, она вынуждена развивать мелкс-буржуазную демагогию и проводить политику половинчатых «реформ», необходимых для обмана мелких крестьян.

Борьба между правой и «левой» в Земледельческом союзе есть борьба котерийная при дележе добычи власти. Эта борьба между двумя крыльями сельской буржуазии уже вызвала кризис в Земледельческом союзе и закончилась исключением правого крыла, во главе с Турлаковым, из земледельческого правительства. Что представляет из себя «левое» крыло в Земледельческом союзе и какова его политика,—стало еще яснее после «чистки» союза от правых и после того, как правительство Стамболийского начало еще более сильную кампанию и массовый террор

против коммунистической партии. На выборах в городские общины, состоявшихся 11 февраля 1923 года, правительство организовало ночные вооруженные нападения полиции на коммунистические клубы во многих городах, арестовало сотни наших товарищей, десятки других подвергло зверскому избиению, а в гор. Вырщец несколько наших товарищей ранены полицией, при чем один—тяжело. Чтобы разъединить городской пролетариат и крестьянские трудящиеся массы, чтобы уменьшить количество мандатов коммунистической партии и создать себе большинство в парламенте, Земледельческий союз издает новый избирательный закон, уничтожающий пропорциональную избирательную систему.

Но если сплоченная, оформленная и действительно «левая» в Земледельческом союзе отсутствует, то существует в Союзе все возрастающее недовольство безземельных и малоземельных крестьян против дел и политики властвующей сельской буржуазии. Эти именно трудящиеся крестьянские массы все больше прислушиваются к голосу коммунистической партии: половина членов коммунистической партии и две трети избирателей ее—неимущие и малоимущие крестьяне. Эти крестьянские трудящиеся массы в Земл. союзе, находясь под влиянием нашей агитации, начинают восставать против политики земледельческого правительства; вследствие их давления, последнее было вынуждено устроить государственный суд над виновниками войны и сделать еще некоторые незначительные уступки,—правда, больше на словах, чем на деле,—неимущим и малоимущим крестьянам. Во многих деревнях на практике между трудящимися крестьянскими массами, идущими за коммунистической партией, и теми, которые следуют за Земл. союзом, уже фактически устанавливается единый фронт против сельской и городской буржуазии; эти массы начинают отрываться от сельской буржуазии и на демонстрациях, устраиваемых Земл. союзом, выдвигают плакаты с лозунгами компартии.

Компартия направляет свою борьбу в деревнях по двум направлениям: во-первых, она стремится оторвать от Земл. союза и буржуазных партий больше крестьянских масс, сплo-

тить эти массы в своих организациях и усилить свое влияние в деревнях, и, во-вторых, она толкает влево безземельных и малоземельных крестьян, остающихся в Земл. союзе (организованных в нем и следующих за ним на выборах, составляющих еще очень большие массы), наконец, она подготовляет и ускоряет создание действительно *левого* крыла в Союзе. Выступая перед сельскими трудящимися массами полностью своей программы, максимальной и минимальной, содержащей ряд требований, направленных к защите интересов безземельных и малоземельных крестьян, коммунистическая партия приближает момент образования, в процессе самой борьбы, единого фронта между коммунистической партией и левым крылом этих масс или соответствующей будущей их организацией.

Когда именно растущее недовольство крестьянских масс в Земл. союзе оформится в левое крыло, которое бы открыто ополчилось против политики земледельческого правительства, решительно порвало бы свой союз с сельской буржуазией и создало бы новую организацию недовольных крестьянских масс, как разовьется внутренняя борьба в Земл. союзе, — этого предвидеть сейчас нельзя. Возможны три выхода этой борьбы: 1) Земл. союз сохраняется всецело; только выбросив из своей среды ряд заправил и верхи сельской буржуазии; в качестве мелко-буржуазной крестьянской партии, он обращается к коммунистической партии за помощью против общей опасности возвращения к власти старых буржуазных партий, буржуазной реакции; 2) Земл. союз раскалывается, при чем большинство безземельных и малоземельных крестьян, сплоченных в левое крыло, кладет начало новой мелкохозяйственной крестьянской партии или организации, с ясно очерченной радикальной программой, направленной к общей борьбе вместе с крестьянскими массами, идущими за компартией; 3) большие и все более увеличивающиеся части безземельных и малоземельных крестьянских масс Земледельческого союза переходят на сторону компартии, а самый союз все более превращается в партию сельской буржуазии, идущей все более вправо и входящей в коалицию с городской буржуазией. Из этих трех возможностей

первая представляется наименее вероятной, ввиду глубокого развала и растущего разложения в Земл. союзе; вторая может наступить при нормальном развитии процесса обострения противоречий между сельской буржуазией и трудящимися массами в Земл. союзе; третья мыслима в случае более сильного революционного кризиса, когда сельская буржуазия и вожаки Земл. союза круто и всецело переходят в лагерь буржуазной контрреволюции, а громадная подавляющая масса безземельных и малоземельных крестьян Союза будет на стороне революции, в лагере компартии.

Мы считаем более вероятной вторую и особенно третью возможности, имея в виду все более обостряющиеся классовые противоречия и борьбу в нашей стране, все более усиливающийся внутренний кризис, все более жестокую реакционную политику сельской буржуазии и растущее среди крестьян влияние коммунистической партии. Но какая бы возможность ни наступила, коммунистическая партия может ускорить привлечение крестьянских трудящихся масс к делу победы пролетарской революции только посредством все более глубокого проникновения в среду этих масс, усиливая свои связи с ними, устраивая и расширяя единый фронт борющихся городских и деревенских трудящихся масс и привлекая к нему все большую часть неимущих и малоимущих крестьян, идущих за Земл. союзом.

Теперь уже ясно, почему в резолюции Партийного Совета, которую мы приводим полностью в конце этой статьи, говорится об общей борьбе и едином фронте в данный момент не с какимнибудь левым крылом Земл. союза, а с неимущими и малоимущими крестьянскими массами, следующими за союзом. Когда из этих крестьянских масс будет создано и оформлено в Земл. союзе настоящее левое крыло, тогда только можно будет поставить вопрос об общей борьбе и едином фронте с ним. Тогда можно будет поставить практически и вопрос о создании рабоче-крестьянского правительства.

Далее необходимо разобраться в вопросе, о каком рабоче-крестьянском правительстве для Болгарии идет речь в лозунгах компартии: о парламентарном, на почве буржуазной демократии, или

о советском правительстве? Резолюция IV конгресса Коминтерна предвидит несколько возможностей: во-первых, либеральное «рабочее» правительство, какое существует, напр., в Австрии, и какое возможно создать в Англии; во-вторых, социал-демократическое «рабочее» правительство, какое существует в Германии; в-третьих, рабочее-крестьянское правительство того типа, какой возможен на Балканах, Чехо-Словакии и др.; в-четвертых, рабочее правительство с участием коммунистов; в-пятых, истинно рабочее правительство, которое в своем чистом виде может быть осуществлено только коммунистической партией.

Первые две возможности у нас, в Болгарии, исключаются по той простой причине, что не существует в нашей стране ни трэд-юнионов и рабочей партии, как в Англии и Австралии, ни социал-демократической партии и профсоюзов, как в Германии. Эти «рабочие» правительства являются орудиями в руках буржуазии, и коммунистическая партия не может оказать им никакой поддержки, а еще менее участвовать в них. Пятая возможность—это возможность советского рабочего правительства, устанавливающего диктатуру пролетариата. «Остальные два типа рабочего правительства, в которых коммунисты могут участвовать, не означают еще собой диктатуры пролетариата (они даже не являются исторически неизбежной, переходной формой к диктатуре), но они могут, там где они будут осуществлены, послужить исходным началом для завоевания этой диктатуры»,—говорится в резолюции Коммунистического Интернационала.

«Рабоче-крестьянское правительство», лозунг которого выдвигает Партийный Совет, не есть еще правительство рабочих и крестьянских советов, не есть еще советское правительство. Всякое советское правительство в Болгарии и на Балканах будет неминуемо рабоче-крестьянским правительством; но не всякое рабоче-крестьянское правительство в этих странах будет советским правительством. Мы рассматриваем здесь как раз ту возможность, при которой борьба за власть городских рабочих и крестьянских малоимущих масс, после разрыва этих масс с городской и деревенской буржуазией и объединения их во имя

ряда актуальных и жизненных требований, приведет к созданию рабоче-крестьянского правительства на почве буржуазной демократии. Дальше мы увидим, при каких условиях компартия может поддержать и активно участвовать в таком рабоче-крестьянском правительстве. Но здесь сейчас же мы должны подчеркнуть, что эта возможность не единственная, и что в Болгарии рабоче-крестьянское правительство на почве буржуазной демократии не является исторически неизбежным этапом к власти рабочих и крестьянских советов, к советскому рабоче-крестьянскому правительству — как, между прочим, и в промышленных странах рабочее правительство не есть неизбежная форма власти рабочих советов, т.-е. пролетарской диктатуры.

При большом и остром революционном кризисе, о котором мы говорили выше, возможно ускорение и сокращение процесса разложения в Земл. союзе: ход событий в таком случае может не оставить времени для создания новой радикальной крестьянской партии, а между тем неимущие и малоимущие крестьяне, дотоле шедшие за союзом и буржуазными партиями, не успеют еще перейти в массе своей на сторону коммунистической партии. Тогда революционный пролетариат и его сторонники из рядов трудящихся крестьянских масс могут захватить власть и установить сразу советское рабоче-крестьянское правительство. Подобный кризис может разразиться, например, если буржуазия вовлечет болгарский народ в войну (особенно в войну против России); этот кризис может вспыхнуть еще и в связи с попыткой насильственного переворота со стороны буржуазной коалиции старых партий, что немедленно повело бы к гражданской войне в стране. Если при подобном кризисе сельская буржуазия из земледельческого союза перейдет на сторону воинственной реакционной городской буржуазии, каковую возможность следует допустить, трудящиеся крестьяне массами перейдут из Союза в лагерь рабочих и крестьян, борющихся под знаменем компартии.

Но уже в настоящее время полное банкротство буржуазных партий и быстрое разложение земледельческого союза заставляют нас выдвинуть лозунг рабоче-крестьянского правительства.

Рабоче-крестьянское правительство может быть создано только путем революционной борьбы масс, т.-е. самостоятельной борьбы городского пролетариата и неимущих и малоимущих крестьян, в которой они защищают не только свои ближайшие, но и классовые интересы, и которая стремится уничтожить зависимость масс от буржуазии, порвать всякий союз с буржуазными партиями и создать самостоятельную рабоче-крестьянскую власть. Рабоче-крестьянское правительство должно взять власть во имя определенной программы, которая бы объединила рабочих и трудящихся крестьян, оторвала бы их от буржуазных партий и противопоставила бы их буржуазии; осуществление подобной программы поставит рабоче-крестьянское правительство на единственно здоровые основы, на которых она сможет укрепиться: вооружение рабочих и крестьян и все более широкое развитие и усиление организаций рабочих и малоимущих крестьян, растущее участие их в контроле и управлении производством, каки в организации власти. Главные линии этой программы начерчены в выдвинутых Партийным Советом требованиях (см. резолюцию о рабоче-крестьянском правительстве); эта программа может быть немного сужена или немного расширена, в зависимости от условий момента, от обостренности переживаемого кризиса и от силы коммунистической партии. Какие уступки придется сделать демократическим и конституционным иллюзиям и надеждам несознательных еще масс, удовольствоваться ли рабоче-крестьянским правительством, всеобщим избирательным правом и пропорциональной избирательной системой, или расширить последнюю, демократизировав ее, дав избирательное право женщинам, уменьшив возраст избирателей, отняв избирательные права у крупных капиталистов, спекулянтов, банкиров и крупных земледельцев, легализовав рабочие комиссии в предприятиях, допустив создание рабоче-крестьянских советов и все растущее участие их в организации власти и т. п.,—все это будет зависеть от степени обострения революционного кризиса и от силы коммунистической партии.

Пустой дискуссией было бы определять теперь, каков будет характер рабоче-крестьянского правительства. Одно можно

сказать положительно: с рабоче-крестьянским правительством массы освободятся окончательно от иллюзии буржуазной демократии.

Что необходимо подчеркнуть теперь, это то, что рабоче-крестьянское правительство может быть завоевано и сохранено только путем революционной борьбы массы, что оно может опереться только на организацию и силу городских и деревенских трудящихся масс и что оно неизбежно откроет эпоху гораздо более острой классовой и революционной борьбы. Рабоче-крестьянское правительство должно опереться на городские и деревенские трудящиеся массы и их экономические и политические организации, чтобы реализировать свою программу и отбить атаки городской и сельской буржуазии. Буржуазия добровольно не капитулирует перед рабоче-крестьянским правительством; буржуазия попытается всеми средствами свалить его. И в борьбе за сохранение позиций рабоче-крестьянского правительства и за осуществление его программы, вооружившиеся рабочие и крестьяне будут вынуждены обезоружить буржуазию,—а в таком случае разгорится и обострится гражданская война. В гражданской войне пролетариат и крестьянские трудящие массы создадут рабочие и крестьянские советы как единственные органы этих классов для организации новой революционной власти. Рабочие и крестьянские советы, которые являются необходимыми для пролетариата всех стран при овладении политической властью и установлении своей диктатуры, одинаково необходимы для достижения этой цели и в Болгарии, и на Балканах. В промышленных странах пролетариат имеет сильные профессиональные организации, фабричные комитеты и другие пролетарские органы, на которые он может опереться в революционной борьбе при завоевании власти, на которые может опереться и рабочее правительство; в Болгарии и на Балканах, вообще в странах земледельческих и в странах со слабо развитой промышленностью, где эти пролетарские организации гораздо слабее, рабоче-крестьянские советы будут тем более необходимы и неизбежны, что они будут единственными органами для захвата власти рабочими и крестьянами. Рабоче-

крестьянское правительство, созданное при неуничтоженной буржуазной демократии и парламентаризме, но при более расширенных правах масс, неминуемо откроет эпоху большой и острой революционной борьбы и будет большим и решительным шагом вперед в революционной борьбе рабочих и крестьян для овладения всей политической властью с помощью рабочих и крестьянских советов.

От силы и влияния коммунистической партии будет зависеть главным образом продолжительность этого периода революционной борьбы; но это будет зависеть также от общих внутренних и внешних условий, при которых вырастет и сделается неизбежным рабоче-крестьянское правительство. Рабоче-крестьянское правительство в Болгарии, в балканских и вообще в аграрных странах с более сильным коммунистическим движением и поколебавшимся господством буржуазии, будет шагом вперед к пролетарской революции и не создаст опасностей мелко-буржуазных иллюзий, вырождения и поражения революционного движения, только при следующих трех главных условиях. Во-первых, крестьянские трудящиеся массы теперь и их партия или организация в будущем, с которыми коммунистическая партия готова бороться вместе и даже вместе взять власть, должны порвать свой союз с сельской буржуазией. Во-вторых, коммунистическая партия и крестьянские массы или их партия (организация) могут объединиться для общей борьбы и взять власть только во имя определенных требований, которые бы выражали наиболее актуально и жизненно непосредственные классовые экономические и политические интересы рабочих и беднейших крестьян (подобная программа важнейших требований дана в резолюции Партийного Совета). В-третьих, коммунистическая партия как в борьбе за единый фронт, так и в борьбе за создание и укрепление рабоче-крестьянского правительства ни на один момент не должна проявлять слабости, а, наоборот, должна беспрерывно усиливать свою самостоятельную организацию, как классовая партия пролетариата, продолжать с возрастающей энергией свою самостоятельную революционную борьбу, толкать и направлять всеми силами борьбу масс к конечной цели—победе

революции, овладеванию властью рабочими и крестьянскими советами, установлению пролетарской диктатуры.

Лозунг рабоче-крестьянского правительства имеет громадное агитационное значение. Этим лозунгом коммунистическая партия сплотит под своим знаменем еще более многочисленные слои рабочих и крестьянских масс и в то же время будет толкать все более влево массы, идущие за земледельческим союзом, будет усиливать их влияние на общий поток революционного движения. Лозунг рабоче-крестьянского правительства в руках коммунистической партии является клином, посредством которого она будет отрывать трудящиеся крестьянские массы от сельской буржуазии в Земледельческом союзе; этот лозунг является бичем, который беспощадно будет хлестать прямо в лицо вожаков Земледельческого союза, изменивших своим обещаниям, которые давались крестьянским массам,—вожаков, теперь поддерживающих свое влияние над массами посредством насилий и демагогией. В данный момент, когда, с одной стороны, буржуазный блок готовится захватить власть при помощи насильственного переворота; когда, с другой стороны, Земледельческий союз посредством исключения вожаков, так называемого правого крыла его, и посредством новых парламентских выборов стремится укрепить и продолжить свое самостоятельное властвование; когда, одним словом, партии городской и сельской буржуазии борются ожесточенно: одни за сохранение власти союза, другие для захвата ее, в этот момент коммунистическая партия обращается к городскому пролетариату и крестьянским трудящимся массам и говорит им: «Не должно быть допущено, чтобы власть была захвачена обанкротившейся буржуазией и опозоренными котериями. Но власть не должна оставаться и в руках сельской буржуазии, обманувшей неимущих и малоимущих крестьян и в любой момент могущей соединить свой фронт с реакционной городской буржуазией. Власть должна быть взята и принадлежать рабочим и крестьянам».

В обостряющемся кризисе, в разгорающейся борьбе буржуазных котерий, городских и деревенских, за власть—коммунистическая партия громко и смело выдвигает лозунг о рабоче-

крестьянском правительстве. И этот лозунг, это знамя коммунистической партии в борьбе за власть встречается с восторгом широкими городскими и крестьянскими массами по всей стране. В среде наших врагов этот лозунг вызывает смущение и испуг. Победившее в земледельческом союзе «левое крыло», т.-е. господствующая в нем вновь разбогатевшая сельская буржуазия, во главе со Стамболийским, ответило на выдвинутый компартией лозунг рабоче-крестьянского правительства бешеным реакционным походом против нашей партии: организованы фашистские нападения полиции и жандармерии на коммунистическую партию по всей стране, предпринято обезоружение трудящихся масс в городах, проводится реакционный избирательный закон, посягающий на пропорциональную избирательную систему и всеобщее избирательное право, и делается попытка повлиять на уменьшение голосов и мандатов коммунистической партии в подготовляемых правительством новых парламентских выборах. Но чем больше сельская буржуазия и вожаки ее, опасаясь влияния коммунистической партии над трудящимися крестьянскими массами в Земледельческом союзе, усиливают реакцию, передвигаются сами вправо и таким образом неизбежно приближаются к буржуазному блоку и расчищают путь к власти для возможной коалиции городской и сельской буржуазии,— тем более увеличивается недовольство неимущих и малоимущих крестьян, пребывающих в Земледельческом союзе, тем более обозначается разложение союза и оформление в нем истинного левого крыла, тем более усиливается влияние коммунистической партии над трудящимися крестьянскими массами в Земледельческом союзе и вне его.

Резолюция партийного совета о рабоче-крестьянском правительстве.

22 января 1923 года.

Болгарская коммунистическая партия, для применения и расширения тактики единого фронта в борьбе рабочего класса и трудящихся малоимущих крестьянских масс,—подчеркивая, что для достижения единого фронта с другими рабочими и крестьянскими организациями необходимо предварительное уничтожение союза этих организаций с городской и сельской буржуазией и для начатия общей борьбы против нее в целях защиты непосредственных и классовых интересов рабочих и малоимущих крестьян,—принимает выдвинутый IV конгрессом Коммунистического Интернационала лозунг о рабоче-крестьянском правительстве.

Коммунистическая партия заявляет, что создание рабоче-крестьянского правительства в Болгарии посредством коалиции коммунистической партии с Земледельческим союзом и произошедшим из него земледельческим правительством в данный момент неосуществимо. Земледельческий союз проводит политику защиты интересов сельской буржуазии, преимущественно вышедшей из рядов разбогатевших средних крестьян, стоящей во главе союза и играющей в нем руководящую роль, массу же неимущих и малоимущих крестьян Земледельческий союз ведет за собою посредством демагогии и применяет для обмана ее незначительные полумеры и всю силу власти. Земледельческое правительство, правящее уже три года страной, доказало всеми своими делами и всей своей политикой, что вопреки демагогии и полумер, посредством которых оно проводит идущих за ним маломощных

крестьянских масс, оно на деле защищает интересы новоразбогатевшей крестьянской буржуазии; оно ничего не сделало, чтобы ограничить эксплоатацию рабочего класса городской буржуазией; оно сделалось оплотом монархизма и слепым орудием империалистов Антанты; оно изменило своим обещаниям и программе, увеличило налоги, эксплоатацию и нищету как деревенских, так и городских трудящихся масс; оно подвергло бешеному и кровавому террору борющихся под знаменем коммунистической партии рабочих и крестьян; оно не обезоружило буржуазии, а, наоборот, каждый день все более увеличивает свои связи с нею и подготовляет почву для коалиции с ее партиями, стремящимися к насильственному захвату власти с целью уничтожить коммунистическую партию и раздавить борющиеся городские и деревенские народные массы.

Но отвергая в данный момент какую бы ни было коалицию с земледельческим правительством и продолжая с еще большей энергией самостоятельную борьбу и объединение широких масс рабочих и беднейших крестьян под своим знаменем, коммунистическая партия зовет трудящихся крестьян, пролетариев и мелких собственников, организованных в Земледельческом союзе, идущих за ним и составляющих подавляющее большинство сторонников его, на общую борьбу за осуществление следующих требований:

1. Уничтожение Нэйльского (Neuilly) мирного договора, уничтожение репараций и государственных долгов.

2. Народный суд над виновниками войны.

3. Уничтожение налогов, ложащихся всей тяжестью на рабочих и беднейших крестьян и горожан, уничтожение обязательной трудовой повинности.

4. Перенесение всей налоговой тяжести на городскую и деревенскую буржуазию, обложение доходов с капиталов и имущества прогрессивным налогом, обложение прогрессивно больших наследств.

5. Конфискация государством части крупных капиталов промышленности, торговли и банков и контроля рабочих организаций над ними.

6. Ограничение эксплоатации со стороны ростовщического, торгового и спекулянтского капитала посредством организации дешевого государственного кредита беднейшим крестьянам, ремесленникам путем развития и оказания помощи рабочей и крестьянской кооперации, потребительской, кредитной, производственной и для вывоза земледельческих продуктов, как и посредством введения государственной монополии на внешнюю торговлю.

7. Принудительное изъятия государством продуктов первой необходимости, находящихся в руках крупных капиталистов, землевладельцев, торговцев и банкиров, и распределение их по доступным нормированным общинами ценам, под контролем организации рабочих и малоимущих.

8. Удовлетворение жилищной нужды городских бездомных и трудящихся масс посредством принудительного изъятия лишних жилищных помещений у крупных домовладельцев, уменьшение и нормирование квартирной платы, благоустройство рабочих кварталов и постройка гигиеничных дешевых квартир.

9. Увеличение заработной платы рабочих, жалования государственным служащим и чиновникам общин и областных советов до уровня дороговизны.

10. Рабочее законодательство, рабочая инспекция труда, контроль над производством фабричными и профессиональными союзами.

11. Уничтожение монархизма, расширение и обеспечение политических прав трудящихся масс, избирательное право женщинам, полная свобода союзов, слова, печати и собраний.

12. Обезоружение буржуазии и ее фашистских и других банд, вооружение рабочих и малоимущих крестьян для защиты народа от внутренних переворотов и внешних нападений.

13. Мир с Турцией, мир с Советской Россией.

14. Национальная независимость угнетенным народам в Македонии, Фракии, Добрудже и во всех остальных балканских странах, организация их в единый союз Федеративной Республики Балкан.

Во имя этих требований Коммунистическая партия будет сплачивать борющихся под ее знаменем рабочих и крестьян вместе с постепенно увеличивающимися частями из идущих за Земледельческим союзом трудящихся крестьянских масс; она раскроет внутренние противоречия в союзе между массами крестьян, входящих в союз, с одной стороны, и сельской буржуазии, с другой, выразителем интересов и политики которой является Земледельческий союз и земледельческое правительство; оно будет толкать трудящиеся массы Земледельческого союза влево и объединит их с городским пролетариатом и широкими трудящимися массами в борьбе против городской и сельской буржуазии во имя их общих непосредственных, экономических и политических интересов.

Для осуществления указанных требований коммунистическая партия готова взять власть в свои руки и образовать рабоче-крестьянское правительство совместно с организованными в Земледельческом союзе и следующими за ними бедными крестьянами, когда они восстанут против политики земледельческого правительства и порвут свой союз с крестьянской буржуазией. Коммунистическая партия употребит все усилия, чтобы ускорить этот момент.

Призывая неимущих и малоимущих крестьян из Земледельческого союза и всю трудящуюся крестьянскую массу к общей борьбе за осуществление указанных требований и создание для этого рабоче-крестьянского правительства, коммунистическая партия заявляет открыто рабочим и крестьянам, что без революционной борьбы против буржуазии рабоче-крестьянское правительство не может быть ни завоевано, ни удержаться у власти, и что полное осуществление выдвигаемых требований, их сохранение и расширение до всесторонней защиты классовых интересов рабочих и крестьян, окончательное освобождение труда от ига капитала возможно только тогда, когда вся власть перейдет в руки рабочих и крестьянских советов,— поэтому коммунистическая партия продолжит самым энергичным образом свою агитацию за Советскую власть и за создание Рабоче-крестьянской Советской республики.

БОЛГАРИЯ
(в границах, установленных Нейльским договором).
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
АРТИЛЛЕРИЯ
ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ДЛЯНИЯ ЕЖЕГОДНЫХ ВЫПЛАТ
БОЛГАРИЯ
ВИДИН
ВРАЦА
ПЛЕВНА
ТЪРНОВО
ГАБРОВО
ПЕТРИЧ
ПЕРНИК
СОФИЯ
ПЕЩЕРА
ПАЗАРДЖИК
ПЛОВДИВ
ЕЛЕНА
ТЪРГОВИЩЕ
ШУМЕН
ВАРНА
ДОБРИЧ
ПЕТРИЧ
ДОБРИЧ

ГРАНИЦЫ БОЛГАРИИ
с 1878 г. по 1923 г.
ВОСТОЧН. РУМЕЛИЯ

4 p. 50 k.

9